
ISSN 2658-7920
ВЕСИ
№ 10, 2020

Г.Субботин на воскресном вернисаже. Г. Екатеринбург.

Художники на фоне картины Наталии Субботиной «Индия. Ганеша».

Н.Субботина на юбилейной выставке «Путешествие длиною в полвека». ХМАО. Г. Югорск. Музей ГАЗПРОМА.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ПОЛВЕКА

В этом году у художников Субботиных драгоценный юбилей – золотая свадьба. Наталия и Геннадий познакомились еще в художественной школе, а в 1970 году поженились и даже тайно венчались. С той поры они идут по жизни вместе уже полвека, воспитали двоих детей и троих внуков. Девизу «Любовь и творчество» художники остались верны до сих пор. В этом тяжелом високосном 2020 году у художников не только свадебный, но и возрастной юбилей. Геннадию исполняется 75 лет, а Наталии – 70. Как время летит! Вернемся немного назад.

Жители Екатеринбурга помнят бородатого художника, рисующего город в течение тридцати пяти лет. Его часто можно было встретить на улицах города, зарисовывающим одно или другое здание. Сначала это не вызывало любопытства, прохожие говорили: «Что мне смотреть на нарисованный город, я тут живу». Но с годами интерес к видам города у людей стал появляться, да и город начал активно меняться, становясь открытым и динамичным. Геннадий рисовал новый город и много внимания уделял старому Екатеринбургу, выписывая в своих акварелях город прошлого, здания и храмы, которые давно были снесены и разрушены. Он скрупулезно восстанавливал облик города по архивным документам и создал несколько циклов акварелей: «Из истории города», «Храмы Екатеринбурга», «Классицизм на Урале», «Окрестности реки Исеть», «Парковые ансамбли», «Театральный Екатеринбург», «Улочки Свердловска», «Конструктивизм Екатеринбурга», «Усадьбы Екатеринбурга», «Виды Уктуса»...

Одним из первых Геннадий Субботин пришел со своими акварелями в городской сквер Екатеринбурга на художественный рынок. «Улицу рисую, на улице продаю» – шутил художник, с удовольствием рассказывая людям о красоте нашего города, о его истории и изменениях, называя улицы старинными именами. К нему стали приходить краеведы, коллекционеры и просто зрители. «Не можете купить, смотрите и слушайте, приходите в наш музей под открытым небом, бесплатно, в любое время», – улыбался в бороду художник, беседуя с одинаковым интересом с молодежью, детьми и стариками-старожилами, которые, в свою очередь, могли поделиться своими знаниями о городе. Коллекционировал акварели Геннадия и искусствовед Георгий Борисович Зайцев, он хорошо сказал однажды: «Города, как люди. Они рождаются, живут и умирают. Но есть замечательные художники, такие как Геннадий Субботин, способные запечатлеть, возродить и сохранить город в своих работах».

В 90-е годы место торговли картинами в центре Екатеринбурга называли Плита. Горячо и людно было на Плите, там «варилось» творчество свободных художников, которые впервые почувствовали ВЕТЕР ПЕРЕМЕН, и смело вышли к народу со своими картинами. Горожане полюбили бывать в сквере. Смотрели картины, слушали музыку, которая все время звучала в сквере, потому что там же продавались музыкальные записи. Сформировался островок красоты и отдыха от суеты и беготни по центральным магазинам. Горожане знакомились с художниками, покупали картины, появились желающие собирать коллекции работ различных авторов, в том числе Субботиных. Это было стимулом для художников, вдохновением и маленьким свободным бизнесом. Плита стала местом неформального общения, демократичного и живого подхода к разным уровням творчества, многие личности ярко проявили свою самобытность в тот период, став интересными и признанными художниками на сегодняшний день. Радовала атмосфера открытости и доброжелательности. Наталия и Геннадий продавали на художественном рынке свои картины, которые пользовались успехом. Они также устраивали выставки в залах музеев и галерей. Искусствовед Светлана Долганова сказала, открывая выставку работ Субботиных: «Геннадий Субботин – это как царь-пушка нашего города, его знают, к нему идут, им восхищаются».

Наталия окончила Уральский университет, отделение «история искусств», а до этого училась в театральном училище и на факультете «художник-скульптор» Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Ее картины были связаны с искусством театра и кино, веселыми персонажами из мультфильмов, книжными иллюстрациями, романтичными акварелями. Она участвовала в традиционных выставках художников театра и кино, пока существовала секция сценографов. Первая персональная выставка живописи и графики Наталии Субботиной состоялась в 1990 году под названием «Астральные проекции».

Геннадия коллеги называли патриархом художественного рынка. Он приходил туда по субботам и воскресеньям, работая всю неделю на основной работе художником в Росбытекламе, и с легкой подачи поэта Марка Луцкого его стали называть «Воскресный художник Субботин». Поэт написал:

«Тут настроенье и пленер,
Шепчу: хвала его работам,
Здесь перед входом в старый сквер
Стоит Субботин по субботам».

Наталья Генина.

(Окончание на стр. 48)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: живопись Н.Субботиной (1) «Италия. Венецианка», (3) «Индия. Бирла Темпл», (4) «Индия. Ожидание».
Выпущено в свет 30.12.2020 г.

12+

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

Заказ № 4.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Согласитесь, мы все нынче спешим. И оправдываем себя тем, что время у нас какое-то такое. Даже сидя дома, торопим время, чтобы скорее наступило другое, которое мы опять торопим. И так эта спешка становится принципом жизни. В том числе, и в работе.

А ведь качество – оно в мелочах, на которые мы сначала не обращаем внимания, а потом и вовсе перестаем замечать. И не доделываем, не дописываем, не дочитываем, не доживаем...

Взять, например, чай. Самый обычный чай. Сегодня большинство заменило для себя чай на замоченные бумажные пакетики. Потому что надо быстро-быстро выпить подкрашенную пакетиком жидкость и куда-то бежать.

А японская пословица гласит: «Человек, не выпивший чаю, находится в разладе со Вселенной». Китайский поэт и писатель, создатель первого трактата о чае Лу Юй написал: «Если долго пить чай, могут вырасти крылья». А ведь для человека, у которого за спиной крылья, нет непреодолимых преград, да и спешка не нужна, когда есть крылья.

Или, например, взять наше чтение. Пробежались по заголовкам в Интернете – и всё мы уже знаем! Вроде бы...

А Федор Михайлович Достоевский писал: «Перестать читать книги – значит перестать мыслить». И эта мысль уже в его время была не нова, потому что до него Дени Дидро тоже утверждал, что «человек перестает мыслить, когда перестает читать». А сегодня мы на практике видим, что из этого получается, и смеемся, а надо бы плакать. Говорите, что в нашей какой-то такой жизни нет времени на чтение?.. Но ведь количество часов в сутках не изменилось, и дней в году – тоже. А когда у человека нет времени на одно, значит, оно есть на что-то другое.

Андре Моруа был уверен, что «есть только одно средство стать культурным человеком – чтение». Пока не перестали мыслить, давайте притормозим и сделаем выводы. Каждый – свои.

Перед вами десятый, последний в этом году, номер журнала. Я благодарю за то, что этот год мы пережили вместе, – всех авторов, всех читателей, всех тех, кто поддерживает и дает возможность журналу смотреть в будущее.

Всем здоровья, сил, творчества и невероятной удачи в новом году.

Не спешите, получите удовольствие от чашечки чая и от чтения журнала.

Татьяна Богина
главный редактор.

ВЕСИ

№ 10 (168)` 2020
декабрь

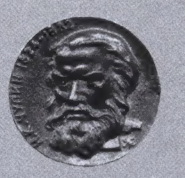
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

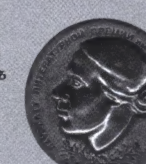
Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ПРАВЫЙ СУД ВЕРША

Александр ГАЛИЕВ

г. Екатеринбург.

Едет мужик Тимофей с ярмарки в родную деревню. И кажется ему странным, что на дороге лишь одна его телега едет, – а дорога-то большая, широкая, тракт целый. Едет мужик, не один уже верстовой столб позади оставил, а никто ему не повстречался. А то как обычно бывает: версту проедешь – одна сотня карет да телег тебе навстречу мчится, а другая сотня телег да карет с тобой катится. Думает Тимофей, думает, да ничего придумать не может. Где все люди? Неуютно стало мужику, боязно даже. «Хоть бы, – думает, – почта какая проехала». Но ничего не едет. Оглядывается мужик по сторонам, на обочины смотрит, – а там вся трава пожухла и пожелтела; с кустов листва опала, голые ветки торчат; деревья так вообще, словно сгорели в уголь – одни черные пики в небо упираются.

Испугался мужик не на шутку, перекрестился, молитву забормотал. «Чего же это такое? – думает. – Война, что ли, бой здесь какой шел, а я не знаю?»

Погнал свою лошадь быстрее, хлыщет ее, не жалеет, а сам все по сторонам смотрит: какую бы еще шутку мир не выкинул? А еще шутка такова: ни птиц, ни ветра, никаких звуков по сторонам не слышно. А небо, поглядел Тимофей, противного такого, грязно-желтого оттенка.

Погнал крестьянин во всю прыть, по сторонам уже не глядя; повозка его, полная добра, трясется, добро норовит из нее выскочить; жалеет уже мужик, что столько накупил на ярмарке, боится, что все повыпадывает. Но страх сильнее – и мчится Тимофей вперед, о добре забыв.

Долго, наверно, он так мчался, чуть и коня насмерть не загнал, но до деревни доехал. Стал тише гнать. Видит – а и деревня вся, словно ее француз пожег: там, где зеленые деревца шелестели, теперь горелые палки валяются; где крепкие узорчатые избы стояли, там теперь две стены в дырах, да и хватит; по барской усадьбе на холме словно из артиллерии стреляли – вся она поразваливалась. Не знает крестьянин, что и думать. Слез с повозки, гречневик с головы снял, идет тихонько по улицам. В дома заглядывает – может, кто живой остался. Смотрит, смотрит, да тел нет нигде. Пусто.

И тут-то крестьянин все понял. Да так понял, что аж гречневик об землю хлопнул и схватился за голову. «Кричал же мне тот юродивый! – говорит в сердцах крестьянин. – Кричал же мне!.. А я!.. Эх, я!»

А дело было вот в чем. Поехал ведь Тимофей в добрый день не по гостям, а на ярмарку зерно продавать. Поехал на Рождество Богородицы. Богато он зерна продал, много денег получил. И подумал, что скучно так домой возвращаться, надо бы походить, на ярмарочные балаганы поглядеть, добра поискать. Дочкам и жене – платков каких, сыну – сапог, себе – кафтан новый. Ходил-ходил, часа четыре исходил, сквозь галдящий народ проталкивался. Да и накупил всего: топор новый, сапог три пары, платков и платьев, подковы и сбрую, вина даже взял несколько бутылок. Ходил так, да только кафтан все себе никак не найдет. Уже плюнул, едет долой, да остановился: с ярмарки в бляхах и бубенчиках понеслись акцизные чиновники – их надобно пропускать. А пока Тимо-

фей в стороне от дороги стоял, так повстречался его томному взгляду чудной человечек. Не поймешь, что на нем было, то ли зипун, то ли тюркский архалук – настолько одежда была рваной и бесформенной; но лицо его, все в саже и дорожной грязи, было русским. Сам вроде как пьян, оборван, шлык на голове неказистый, в пуху, но в руках явно дорогую синюю ткань держит, кафтан какой-то. Тимофей заинтересовался, ткань ту сразу приметил, а она еще поблескивает так завлекающе.

Окликнул мужичка Тимофей, спрашивает:

– А что, мил человек, никак кафтан продать ищешь?

– Нет, брат, – отвечает оборванный, – мне их степенство сибирку подержать дали за рублик. Деньга большая, да купчик богат. Говорит, мол, жарко мне, подержи, мужичок, одежду мою, а я назад поеду, заберу, – незатейливо отвечает оборванный мужичок.

– А продай мне эту сибирку, – говорит Тимофей.

– Да как продам! Не мое, не могу. Как это, чужое добро продавать, я же не барышник какой! – возмущается мужичок.

– А я тебе вина поднесу, – говорит крестьянин.

– Ты, коль угостить хочешь, так поднеси, а чужого продавать не стану, – упирается мужичок и, нахмурившись, болтает головой. Грязная и жидкая его бородка трясется туда-сюда.

– Тогда, хочешь, я тебе три бутылки вина отдам! И сверху еще гривенник! – на крестьянина жар напал и большая охота до красивой купеческой сибирки. И не думает, что плохо делает.

– А что, вино разве хорошее? – с интересом спрашивает оборванный мужичок, но тут же осекается: – Нет, не могу! Не могу! – зажмуривает глаза и отворачивается от бутылок, которые ему крестьянин показывает.

– Двугривенный сверху!

– Да нельзя мне! Сам же понимаешь, брат, как я этого винца желаю, но какой же я дрянной буду человек, если продам чужое!

– Тогда полтину сверху дам, – крестьянин его не слышит, – хочешь? Чтоб совесть твоя успокоилась да упокоилась. Постоял ты, поглядел на мир, а тебе раз – рубль, два – полтина, три – вино сверху. Хочешь аль нет?

– Пропади ты пропадом, брат! Давай сюда вино, забери проклятый кафтан! – мужики обмениваются. – Ох, погубил ты меня, мужик, погубил! – оборвыш откупоривает зубами бутылку. – Да и себя погубил! Всех погубил, весь мир погубил! – крестьянин, не слушая дурака, надевает богатую сибирку и быстро едет прочь; оборвыш залпом присасывается к винцу, а потом вновь кричит. Крик его тает в пространстве: – Все погубил, весь мир погубил!

Но крестьянин едет и его не слушает. Облачен он теперь в богатую одежду; денег в карманах много, добра в телеге еще больше. Нежится крестьянин, приятным материалом укутывается, по бокам новую одежду поглаживает. Едет так, едет, ни на кого не отвлекаясь, а только про богатство и красоту свою думая. Едет и вдруг замечает, что вокруг него никого нет...

Да это уже было.

Идет Тимофей, голову повесив, обратно к своей телеге. А той уже нет! Смотрит крестьянин, а на том месте одна сбруя да две доски на земле лежат. Ни добра, ни денег, ни коня. Отчаялся крестьянин, вновь помолился крепко да домой побежал. Да чего уж там? Нет ни дома, ни семьи.

Загоревал мужик крепко, затосковал, закручинился. Что теперь делать? Ничего и никого нет. И жить зря жил, и добро зря наживал, и детей зря растил; и в сибирке новой, главное, показаться некому.

– Я во всем виноват! – твердо говорит мужик. – Купил кафтан не у владельца, почитай, что украл. Да и весь мир этим грехом погубил. Горе мне, дураку...

Побрел мужик по улице прямо. Идет, из стороны в сторону его качает, сапоги его по земле хрустят – никаких больше звуков кругом не слышно. А то бывало, барин идет по улице на того бранится, на другого; то гуси, словно строй солдат, и гогочут, и шипят на всех; а то и бабы через улицу переругиваются; а то и мужики с поля идут, песню поют; а то и воробьи по миру чирикают! Эх, сколько звуков звучало, – а тут тишина страшная.

Но тут в голову крестьянину мысль такая пришла: в деревне за три версты отсюда живет мудрый человек, еще не старик, а что ни спросишь – все расскажет и подскажет. Человек такой тихий и покладистый, аккуратный – Ильей звать.

Решил крестьянин к нему идти. А путь через барскую усадьбу, а точней, через развалины оной. Подходит к холму, тот словно и не холм с аккуратной дорожкой, чтобы тройка проехала, а так – обрыв какой-то земляной. Крутизна неимоверная, взбираться мудрено и страшно – вмиг вниз спадешь. Но ничего не поделаешь – и крестьянин лезет вверх. И правда жутко крестьянину, но не от того, что он на большую крутизну взбирается, но от того, что думает, будто весь мир от его греха погиб. Винит себя крестьянин, бранит себя и вверх лезет. Пологий бок у холма, а он все руками за корни да за камни хватается, да лезет и лезет. Залез, наконец, измученный и грязный от земли, на вершину холма. Земля и жухлая трава вниз обваливается, с холма черные камни вылезают, тоже с высоты летят; почва под ногами, что песок, туда и сюда расходится. Откашлялся Тимофей от такого пыльного смрада и мучительно вперед посмотрел. Там, внизу, по ту сторону холма, должно стоять большое село – краше и больше родной крестьянину деревни. Там барин усадьбу трехэтажную отстроил, конюшни и стойла гигантские, амбар каменный в аглицком стиле; даже богоугодные заведения были – в одних сироты на барский счет содержались, в других крестьяне лечились; чудо, а не село! Но что теперь внизу? Мертвая долина на многие версты – кругом пески дикие вьются, камни черные пере-

катываются; дома порушенные заметает и заваливает. Солнца на небе нет, кругом одна бледная желтизна. Вздыхает крестьянин горестно, болит у него сердце, чувствует свою вину.

Решил крестьянин спускаться. Только полез было вниз, как тут же соскользнул и Бог его знает сколько аршин вниз на спине проехал. Да вроде живой-здоровый внизу оказался, вздохнул, поблагодарил, кого надо, и дальше пошел.

Подходит к крайнему дому. Забор высок, до неба, в два Тимофеевых роста. Подошел Тимофей к воротам, постучал кулачком и говорит:

– Ворота, ворота, отворись – не ленись. Мне у вас не ночку ночевать, мне лишь дорогу спросить.

Ворота, конечно, ни туда, ни сюда. Стоят, не пошевелятся. Рассердился на них крестьянин, ударил посильней, ворота и разошлись. Шагнул тут Тимофей на широкий двор – а двор пустой, ни кола, ни двора, ни сарая, ни огорода – а места сколько! – целая десятина дворовой земли. И посреди узенький ход в землянку вырыт, а поверху два ветвистых пня стоят.

Вошел в землянку Тимофей, стучать не стал, так дверь отворил. Зашел, глядит – в землянке темнота жуткая и холод волчий, как если бы Тимофей глубоко под землей был. Стоит стол грубо сколоченный, стоят две скамьи; одна пошире – устлана листвой и лопухами, другая поуже – пустая. На столе кривенькая сальная свечка горит, еле стол освещает, по стенам и не разберешь, что находится.

А дрянью такой из землянки несет, как от десяти пудов гнилой картошки.

Только хотел Тимофей прочь уходить, как из угла доносится старушечий голос:

– Служивенькой! Здрав будь, служивенькой! – голос такой визгливый, бестолковый.

– Да я, бабушка, – отвечает Тимофей в сторону голоса, быстренько гречневик сняв, – и не служивый вовсе. Два сына у меня государю служат... да уж пропали теперь, верно...

– Да ты ничего, служивенькой, – продолжает старуха, – не боись за своих – за себя побойся. А нынче лучше поди ко мне да подмогни, я тут застряла.

– Где застряла, бабушка? – спрашивает Тимофей. – Ничего же не видать.

– А ты свечечку возьми, служивенькой.

Подходит Тимофей к столу, берет с него свечку, а свечка дурно так воняет, словно не салом горит, а лесной падалью.

Поворчал крестьянин, нос унял да пошел в уголок, где старухин голос раздавался. Глядит – а там старуха огромная из земляной стены торчит, да полстены занимает. Лыбится старуха, зубки у нее мелкие да половина выпала; глазки тоже мелкие и впалые; а нос вовсе – внутрь себя провалился, одна дырочка торчит. Повязан у старухи на круглой голове темно-бордовый повойник; тело обширное сарафан прикрывает, тоже темно-бордовый, а вот дальше поневы старуха в земле торчит, эдак, почти по талию.

– Это ты как, бабушка, в стену-то задом влезла? – поинтересовался Тимофей. Не видел он никогда ни землянок в округе, а так, чтобы народ из земляных стен торчал – в такое и поверить сложно.

– А ты не рассуждай, не рассуждай, служивенькой, – глупо смеется старуха, – ты меня за руки возьми да из стены потащи.

Что тут поделать. Поставил Тимофей свечу на земляной пол, плечами поводил, поигрался – чай, не богатырь был – схватил старуху крепко за руки да давай из стены тянуть. Тянет-потягивает да и вытянул. И так уж легко показалось мужичку старуху тянуть, что он смекнул, будто здесь что-то неладно. А ведь не видит ничего почти, думает: «Чего это старуха, из стены выбравшись, на пол-то не свалилась?» Схватил, значит, свечу и светит.

Глядит, – а старуха смеется, слезами от смеха заливается; а второй половины тела-то у нее и нет. Как обрубили. А там, где рана должна быть от рубления-то, там просто чернота сплошная.

Поплыла бабка по воздуху головой вперед; ширины она такой, что с треть землянки телом загородила. Тимофей стоит, крестится да Богу молится.

– Да ты не боись, служивенькой. Я тебе в твоей просьбе не обижу. Проси, чего душа желает, – говорит старуха.

– А ты чего, бабушка, – чуть не заикаясь, нервно говорит крестьянин, – чего от бабушки у тебя половинка одна? Ты как иной петух разве, которому голову долой – а он бегает еще? Ты чего это, где это у тебя ноги да и все, что снизу должно быть? Так ведь... так ведь не положено! Не положено, чтобы человек не цельный был!

Смеется старуха вновь, смеется, остановить ее нельзя. А Тимофей вдруг рассердился и говорит:

– Ты бабка со мной не шути! А то и другую половину разрубить могу!

Махнула рукой старуха, успокоилась.

– Ты меня, дуру старую, прости, служивенькой. Да говори уж, чего хочешь? Зачем ко мне пришел?

– А я, бабка, – отвечает Тимофей, уже озлобленно, – дорогу спросить зашел. Умный человек версты за три отсюда живет, Ильей зовут. Боюсь к нему дорогу не найти, вот ты мне и подскажи, как до него добраться.

– О! На то я знаю ответ, служивенькой, – хитро говорит старуха. Взяла она свечу с пола, и поплыла по воздуху к другой стене. А там какие-то полочки. Порылась, поискала, посмотрела – достала белое блюдечко и золотое яичко. – Вот, служивенькой, – как-то совсем хитро и мерзко, издеваясь, произнесла старуха, – вот тебе блюдечко и яичко. Скажи, мол, хочу попасть к Илье, а потом разбей блюдечко себе об голову да яичко на дорогу кинь. Яичко и покатится, куда тебе надобно.

– Да ты что, старуха, совсем из ума выжила? Не стану я голову ранить, не стану яйцу доверяться!

– Тогда ничем я тебе, служивенькой, не помогу. Поди, куда хочешь, – разводит руками старуха.

Плюнул Тимофей, чуть не вырвал блюдечко и яичко у старухи и пошел прочь.

– Погоди, служивенькой! – кричит ему вслед старуха. Не видал ли ты, случаем, мою кошечку? Она также, как я, половиниста, да звать ее Дж... – но не расслышал ничего Тимофей, ушел.

Вышел Тимофей прочь со двора, поглядел по сторонам, обозлился. Решил все же послушаться старухи. Сказал: «Хочу найти мудрого Илью», – и разбил блюдечко себе об лицо. Порезали осколки щеки и губы, потекла кровушка алая. А вот золотое яичко вдруг само по себе взвилось в воздух из рук Тимофеевых, упало наземь и быстро покатилось. Тимофей, лишь утерев лицо, побежал ему вослед.

Долго яичко катилось: проехалось по сожженным дворам, между черных стволов бывшего леса, по полянам, заваленным пеплом и гарью... Катилось себе яичко, катилось, пока не прибыло на болото. Ругался Тимофей, прыгая по кочкам за яичком, а потом раз – яичко и утонуло. Глядит крестьянин вокруг, а кругом глубокие зеленые топи, конца-края им не видно. Смотрел назад – и не видит, где он шел.

Истинно, часа четыре провел Тимофей в муках и страхе за живот свой, пока пытался медленно выискивать кочки и сушу, а иной раз и просто брод в болоте. А сибирка его синяя будто свинцом налилась: тяжела, как бочка с водой, но куда ее девать? Так с ней Тимофей, намучившись, и вылез из болотца. Как вылез, упал да заснул мертвым сном.

Но проснулся скоро. Замерз у болота лежать, но это не беда. Беда другая: услышал Тимофей волчий вой близенько. Встал с земли, поднял тяжелую палку и пошел вперед. А к нему – раз – и подбегает серый волк.

– Здравствуй, Тимофей-крестьянин, – говорит волк.

– Здравствуй, серый волк, – отвечает Тимофей.

– А у тебя конь был? – спрашивает волк.

– Не было коня, я на болото так пришел, – отвечает Тимофей.

– А... – грустно протягивает волк, будто от неудачи.

– Хотя погоди, был конь. Но я его в деревне оставил.

– А, ну так хорошо, – волк сразу обрадовался. – Это я его съел. Жалко мне тебя, крестьянин, жалко, что лишил тебя доброго животного. Садись мне на спину, я тебя отвезу, куда тебе надобно.

– А вот за это – спасибо тебе, серый волк. Очень меня выручишь, – залезает Тимофей на спину волку, а тот аж кряхтит и чуть до земли не прогибается.

– А ты... – еле-еле, с надрывом говорит волк, – палку... палку-то выкинь... не нужна... не нужна она тебе... – волк делает два шага, но останавливается. Потом еще два шага.

– А вдруг нападет на нас кто? Отбиваться хоть будет чем, – бодро отвечает крестьянин. На него, отчего-то, хороший дух нашел.

– Ну хоть за спину спрячь... или... или за пояс... – кряхтит волк.

Так и быть, засунул крестьянин палку за шею, за ворот сибирки. Но только он палку спрятал, как волк тут же – щелк – и укусил крестьянина за правую ногу. Но не успел мяса отодрать, тут же палкой по голове получил – видно не очень умный волк был. Вскочил, как мог, Тимофей с волчьей шкуры и давай его полкой обхаживать. Заскулил волк, испугался, побежал и пропал тут же в черных стволах.

А сам крестьянин – что ему делать? – поругался на себя за доверчивость да поковылял, на палку опираясь. Долго ли шел, неизвестно, а вернулся все в то село, где ведьма ему яичко дала. Сел у дороги, облокотился спиной о порушенный плетень и отдыхает.

На ту пору ехал через село один барин. Ну, как ехал. Ни самого барина, ни кучера, ни коней уже не было. Ехала одна бричка, во все заборы врезалась, по всем столбам стукалась, во все ямы заезжала – и удивительно, чего это ей прямо по дороге хотелось ехать, а не в какую бы то ни было другую сторону. Думает Тимофей: вот, бричка на помощь ему едет, сейчас до Ильи довезет. Подъезжает бричка к крестьянину, тот встал, хромает к ней. А бричка что? Бричка и не думала останавливаться, знай себе едет и в три минуты скрылась средь порушенных домов.

Делать нечего, опечаленный крестьянин опять к забору садится. Только сел, как ему на голову что-то тяжелое валится – и больно так! Глядит крестьянин вверх, а над его головой дуб красуется. И вроде нормальный дуб, не жженый, ветки-листья есть, желуди висят; сам красив, величав; стоит посреди разрушенного мира – кругом все жухлое, желтое и гнилое, а сам дуб могуч и зелен. А впрочем, ну его, этот дуб, а то еще вода с него польется.

Смотрит крестьянин наземь, а на голову-то ему сундук свалился. Больно свалился, на голове шишка выросла. Противная такая шишка, лучше б ее не было. Оглядывает Тимофей сундук: красив, богат, красен, алмазами усыпан. Потряс сундук Тимофей и испугался: в нем что-то живое сидит! Приоткрыл крышку, заглянул в щель – а там заяц. «Ну, – думает крестьянин, – с зайцами мы зараз справимся». Открыл резво крышку, схватил зайца и шею ему набок. Помер заяц; но не прост видно был – раскрылось у него чрево, и оттуда утка – и бежать. Но крестьяне – народ ловкий. Изловил Тимофей утку и ей тоже шею набок. Раскрылось чрево у утки, а оттуда яичко. И снова катится.

Да куда там.

– А, нет, дорогой друг, – говорит крестьянин, – мы эту шутку уже видели, научены.

И раздавил яйцо ногой, только скорлупа под сапогом и захрустела.

Смотрит крестьянин, а в скорлупе что-то блестит. Поднял – иголка. Стал ее рассматривать, а потом думает: дай-ка тоже поломаю. Гнул, крутил, вертел, никак крестьянину иглу не одолеть.

Тут подходит к Тимофею старичок.

Лицо у старичка некрасивое: скуластое, тощее, длинное, словно две недели не ел. Сам он тоже весь тощий да длинный; кожа пепельная да епанча на голое тело.

– На что тебе эта игла? – говорит старичок. – Обменяй мне ее, да вот хоть на печатный пряник.

Глядит крестьянин, а на прянике, что старичок протягивает, прямо Кремль Московский во всей красе изображен. Красив пряник, да тут и живот у Тимофея заурчал.

– Беру пряник, – говорит Тимофей. – Меняемся.

Обменялись.

– Ну, бывай, крестьянин, – говорит старичок.

– Ну, бывай, старичок, – говорит крестьянин.

Только хотел Тимофей от печатного пряничка откусить, как подумал: «А не обман ли вновь? Вдруг пряник-то нехороший?»

Встал Тимофей, обошел плетень, приковылял вновь к черному лесу.

– Эй, серый волк! – кричит. – Поди-ка сюда.

– Чего тебе? – раздается из-за обугленного ствола. – Дерешься ты, не хочу к тебе.

– Не буду драться, иди сюда, – грозно и настойчиво повторяет Тимофей.

Выходит волк из-за деревца мертвого, боком подходит осторожно, но в трех саженях останавливается: палку крестьянин никуда не выбросил.

– Чего, – говорит волк, – тебе надо?

– А вот, пряничка попробуй, чай, голодный ты, – говорит крестьянин, отламывает кусок и бросает волку.

Серый волк хватает кусок на лету, зубами щелкает и проглатывает.

– Спасибо, – говорит волк, – вкусный пряник.

И валится мертвый.

– Ну вот, – грустно протягивает крестьянин и выкидывает свой печатный пряник под черный ствол.

Решил наудачу до дома Ильи добираться – похромал вперед по сельской дороге. Недолго он так хромал, село быстро кончилось. А как село кончилось, так совсем темно стало, – но не от ночи, а от пепла. Отовсюду гарью тянет, словно целый город в огне. Черным-черно от пепла пролетающего; черным-черна земля от сажи; дышать трудно; кругом дым столбами валит – и не поймешь откуда. Но крестьянин все идет. Идет и видит – течет целая река, и вся в огне горит. А какая широкая! Ни одного моста нигде не видать, а вброд куда пойдешь? Сгоришь заживо.

Тут прыгает к Тимофею лягушка. Ква да ква, ква да ква.

– Чего тебе, лягушка, надобно? – спрашивает Тимофей.

– Помочь тебе хочу, крестьянин, – говорит лягушка. – Коль тебе на ту сторону перебраться – так я на то тебя здесь и жду.

– Обманешь меня, лягушка. Не верится мне.

– Не обману! Я как надуюсь-надуюсь, шаром стану, ты на меня полезай, так реку и перелетим.

– А чего ты хочешь за помощь?

– Как чего? Ты будто не знаешь, что с лягушками делают.

– Едят разве? – говорит крестьянин и сам смеется.

– Не, куда там. Это в других царствах-государствах жестокие люди живут, а в нашем царстве-государстве лягушек любят, холят их, лелеют. И целуют.

– Эх, пропади ты пропадом, лягушка! – вскидывает Тимофей руки. – Куда без тебя денешься? Давай, поцелую.

Взял Тимофей лягушку в руки и поцеловал.

А она на радостях как стала дуться! Дулась, дулась и стала шаром гигантским; не у всех изб крыша размером с этот шар! Залез на лягушку Тимофей, и полетели.

Летят-летят, а река широка, никак не закончится. Жарко Тимофею. Думает он сибирку снять, да жалко ему. Боится выронить. Тут и лягушка причитать начала:

– Жарко, не могу больше!

А как сказала так, так и лопнула.

А крестьянин в огненную реку свалился. И начал гореть. Кричит крестьянин, больно ему, словно тысячи волков разом кусают – да по всему телу кусают, не жалеют. Еле плывет, еле гребет в огненной воде. А сибирка его на дно тянет, будто в нее пудовые камни вшиты. Гребет крестьянин, гребет. Больно ему, страшно ему, вдруг не выплывет. Волосы уже горят, с сапог кожа оплавилась, сибирка из синей черной стала, лицо все раскраснелось, сейчас трескаться и обугливаться начнет – но нет! Выбрался крестьянин, лег на берег и духа лишился.

Насилу крестьянин чрез много часов очнулся. А тело-то так все болит, ожоги так ноют! А еще и нога покусанная донимает сильнее прежнего. Подумал уж: не прыгнуть ли обратно в реку? Чего боль терпеть?

– Нет! – крикнул тут Тимофей, поняв свои мысли, и стал подниматься на ноги. – Сам я виноват, что мир погубил. Мне и ответ держать. Куда простоволоситься и смерти искать, надобно себе суда искать праведного. Из-за меня все пропали, из-за меня мир сгнил, из-за меня река огненная течет. Не брошу дела, не сдамся: за вину свою найду себе суда, пусть Илья все рассудит.

Подбодрил так себя Тимофей и дальше идет.

«Нечего на ожоги и раны оглядываться, – думает Тимофей, – на душу свою грешную, виновную оглядываться стану».

Вот прошел он так дорогу, прошел другую, еще лес прошел. Вышел на поляну. На поляне шатер.

«Дай, – думает, – загляну. Может, испить воды дадут».

Подходит к шатру, а оттуда к нему красна девица выбегает. Красивая такая! Пусть ни звезды во лбу не горит, ни месяца под косой, а красота какая страшная! Влюбился сразу Тимофей, себя от волнения не знает. Берет его девица под руки, словно не видит, будто он хромой, горелый и страшный; берет и ведет в шатер. Укладывает его на шелковые простыни, воды и вина ему подносит,

яблок, винограда и меда; по голове его поглаживает, милые слова шепчет. Разомлел Тимофей, отдыхать стал; а сибирка совсем тут легонькой сделалась, словно и нет ее на теле. Прошел час-другой и говорит ему девица ласковым голоском:

– Меня, чую, украсть от тебя желают! Много охотников до девичьей ласки.

– Кто бы это мог хотеть? – спрашивает крестьянин, обеспокоившись. Не хочет ласку потерять, уже и об Илье забыл.

– Страшные воины уже бегут сюда. Защити же меня! – вскрикивает девица и подает крестьянину саблю. А крестьянин саблю в жизни никогда не держал, в армии государевой не служил, не знает, как ей орудовать и рубать.

Говорит об этом девице, а та – в крик и слезы, мол, защити, любимый мой, век буду с тобою. Делать крестьянину нечего, выходит он из шатра с саблей и видит – неподалеку целая тьма сражается, тысяч не счесть сколько. Хотел было назад в шатер, а там девица такими слезливыми да прекрасными глазами глядит, что растаял страх у Тимофея, набрался он храбрости и глупости и побежал сражаться.

Врезается он в толпу, туда бьет, сюда сечет, обратно рубит; а тут же ему гардой и нос сломали. А другой воин подбежал и как рубанет Тимофея по груди, крестьянин аж наземь упал. Но встал быстро, словно боли не чувствуя, побежал дальше воевать. Сечет и рубит, а его тоже – секут и рубят. Злые все кругом, яростные, гневливые; кричат, матерятся и бранятся – смерти и погибели друг другу желают. Звенит металл, звенят металлом крики раненых и убитых. Ненависть и смерть льются средь тысяч и тысяч воинов. Дерется озлобленный Тимофей, головы рубит; руки отсекает; по глазам колет. Да и ему тоже – весь он стоит в крови, весь в ранах; чуть не кишки у него вываливаются, чуть не мозги из черепа выпадывают; чуть ли не глаз один на нервишке держится. А он все злее и яростнее: напрыгивает, рубит размашисто, во все стороны сабелька его гуляет: страшный он воин оказался!

Да только вот ударил его некто по руке, чуть руку не отсек, а вот сибирка-то у него с одного плеча и спала.

Очнулся будто от сна Тимофей. Оглядывается и не понимает. Кто дерется? Зачем дерется? С кем дерется? Глянул вниз, а там уж мертвых тел сто слоев, все новые падают, все люди выше поднимаются: ступают по телам-то. Глядит Тимофей вокруг: все люди в разной форме, с разным оружием. Кто кого бьет? Все друг друга бьют. Никаких сторон, все всех ненавидят.

Понял это крестьянин, и тяжко ему стало. Сторонкой, сторонкой, раз – да и убежал от яростных людей. Чего на душу человечью злиться зазря?

Бросил саблю и пошел прочь. Идет, усталый и раненый, кругом все деревья черные да небо желтое – ничего больше. Но подбегает вновь та девица, радостная, веселая.

– Спасибо тебе, – говорит она, – всех ты злодеев погубил.

А Тимофей на нее и не смотрит, что-то уже опостылела крестьянину эта девица. Он-то на нее не смотрит, но она-то его берет под черные кровавые рученьки и ведет куда-то. Тимофей уж и про вину свою забыл и про раны не думает, устал он, чуть ли не отчаялся. Идет, бредет, куда – не знает, по сторонам не смотрит. Забылся.

Да только вышли тут на полянку, костьми забросанную, а на той полянке веселый хоровод кружится, люди песенки распевают. Засмеялась девица, Тимофея к хороводу повела, и стали все вместе плясать, за руки взявшись. Один круг ведут – разгорячился Тимофей; другой круг – повеселел Тимофей; третий круг – совсем Тимофей очнулся, уж сам не замечает, что песню вместе со всеми поет. А чем дальше круг ведут, тем больше серо-желтый мир красками насыщается. Ярким все становится, горящим, соками напитанным. Вот уж и деревья блестят, и небо загорелось, и зубки у хоровода сверкают. Даже солнце вновь появилось – яркое, красное, огромное, во все небо. Только вот кажется Тимофею, что это не солнышко ясное на небо поднимается, а хороводец славный вниз опускается.

Подумал так Тимофей, а потом и о другом задумался: а что это он поет?

– Пляшем, пляшем, пляшем,
Змеи, черти, ведьмы,
Спляшем, души вспашем,
Пляски – лихолетье.
Лучше пляшем – аду честь окажем.

Оглянулся Тимофей на люд – а все смеются; сверкают глазами недобрыми, выбрасывают ноги копытные, коготками в воздухе размахивают. Окрест хоровода земля трясется, а солнце красное уж высоко-высоко в небе и маленькое такое стало, скоро вовсе пропадет. «Да и я с ним пропаду», – подумал Тимофей да как рванул прочь от этого хоровода! В жизни своей никогда так не бегал, а ведь раненый и усталый был. Черти смеются еще сильнее и пальцами Тимофею в спину показывают...

Долго крестьянин бежал. Не видел ничего, чернота страшная вокруг; пахнет горелым, как если бы хозяйка пироги мясные в печи сожгла. Да и чернота окружающая дивная такая: словно липкая, словно мокрая; исцарапал себе Тимофей все лицо о ветки, изорвал в лоскутки и портки свои, и сибирку купленную; подвернул обе ноженьки об камни дорожные. А как подвернул – так и упал. Да куда там, думал упасть на землю, а земля вместе с ним провалилась, и полетел Тимофей в пропасть.

Очухался Тимофей не скоро. Отряхнулся как мог, встал и стал высматривать, где оказался. Вокруг него земляной туннель, широкий и длинный – конца-края не видать. Тускленько так в туннеле свет горит, не поймешь откуда. Глядит Тимофей назад себя – там, далеко, огонь горит. Поглядел вперед – там ничего нет, туннель в темноту упирается. И тоскливо

так в этом туннеле, и тяжко так, что хоть ложись наземь да не вставай больше. Так было и сделал Тимофей, но только глянул на синюю сибирку, саблями изрезанную, огнем пожженную, землей и ветками изгаженную – так сразу вздохнул и побрел по туннелю. Туда, где темнота.

Пошел, что сказывают, от беды беды искать.

Идет, печалится, места душа его найти не может. Давят на него стены земляные, давит на него свет тускленький. Тело израненное уж не давит, привычно стало: и ожоги, и раны резаные, да что хочешь – ко всему человек привыкает. Идет крестьянин и все вздыхает. И не столько о вине своей за мир, сколько... А сам не знает, что ему вздыхается. Но тут слышит крестьянин другой вздох – кто-то вверху, под земляным потолком тоже вздыхает горестно. И испугаться думал крестьянин, да наплевать ему на все стало. Идет дальше, а под потолком все горестнее и громче ноют. Вот уже вздох трубным гулом по туннелю разносится, а наверху что-то ходит громко, словно лапами саженными переступает. А потом давай по потолку стучать и пробило потолок-то земляной. Чуть по Тимофею этот тоскливый зверь не попал, да крестьянин увернулся вовремя да стремглав вперед понесся. Темно в туннеле, не видать, кто по потолку бьет, чья там рука аль лапа высунулась. Видно заметили, что Тимофей побежал, и за ним поверху устремились. Тоскливый стон рыком сделался, еще раз по потолку ударили да вновь не попали. Бежит себе крестьянин, да не устает, а силой наливается. Вспоминает предназначение путешествия своего – «убегу от зверя, найду себе суда!»

– Не дамся тебе, зверь, не дамся! – кричит крестьянин. Кричит да бежит.

А сверху за ним бегут, рычат да бьют по потолку.

И долго так бегут. Да вот Тимофей стал замечать, что сверху отстают да и не бьют больше. А Тимофей не останавливается, что ему искушаться. Пробежал еще так какое-то времечко, а далеко позади эдакий яростный всененавидящий крик раздался, что потолок позади рухнул. Ну да рухнул-то позади, а крестьянин вперед бежит, усмехается да посмеивается.

А тут – раз – да и выбежал из туннеля. Вокруг старые черные стволы, здания порушенные и небо тускло-желтое. Но только Тимофей из-под земли вышел, как мигом стволы черные стали силой и цветом наливаться, стали на них листья и цветы вырастать; а с неба вся гниль желтая осыпалась, и стало оно вновь ярким, голубым и славным.

А неподалеку домик стоит. Направляется Тимофей к домику; бредет тихо, безмолвно, спокойно; а вокруг ветер песни напевает, птицы ему вторят, а то и смех людской иной раз раздастся. Повеселел и Тимофей, да заранее радоваться не принято. Подходит к домику, – как есть изба Ильи стоит. Но выходит из избы сперва не Илья, а странник некий – высокий, тощий, сутулый такой, плечи, что рога, выше головы торчат. За ним из дверей пара мух вылетела. Идет этот человек и тоже улыбается, а сам в богатых таких одеждах, в дорогой черный шелк облачен.

Поравнялся странник с Тимофеем, а крестьянин и говорит:

– Как здоровье твое, милый человек?

– Хорошо мое здоровье, – усмехнулся странник, глядя на Тимофея, – поди, Илья тебя уже дожидается.

Пошел странник прочь, а Тимофей – в избу. Подошел Тимофей к крыльцу, а из избы уж и сам Илья выходит. Весь он в волосах, кожаным ремнем по чреслам подпоясан. Белая его рубаха и белая его борода на ветре колышатся.

– Вот и свиделись, Тимофей, – говорит Илья. – Сказано ведь: будьте вы готовы, ибо не знаете, когда настанет час. Пойди, ешь и пей, ибо слышен шум дождя.

И действительно, небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь.

Вошел Тимофей в дом, на иконы перекрестился, сел за стол. Илья налил ему кваса и дал хлеба. Тимофей стал есть. Как все съел, говорит:

– Ищу я себе наказания, мудрый Илья. Погубил я весь мир, купив у оборванца чужую вещь. Две души погубил, да и весь мир в придачу – совестью мучаюсь, рассуди, какое мне наказание понести.

– Это ты врешь, Тимофей. Ты, верно, думаешь, что ты преступник. Так или не так? – спрашивает Илья и сам продолжает: – Верно, так. А какой преступник на суде про себя правду скажет? Ты, мол, мир погубил, экая правда! Да никто тебе не поверит. – Посмеялся глухо Илья, глаза опустил и сел за стол напротив Тимофея. А потом добавил, серьезно: – Ты сам себя, Тимофей, осудил. Теперь другим тебя судить незачем; ступай, отдохни, нет на тебе греха.

Встал тут Тимофей задумчиво, на себя глядит, а сам целый – и телом целый, и одежда цела. В окошко ильиной избы дождь видно: бьет он волной, насыщает землю, остужает; из-за туч солнце бьется.

– А с кафтаном этим, с сибиркой проклятой что делать? – спрашивает крестьянин.

– Оставь. Тот купчик и не злился совсем: посмеялся, рукой махнул и простил вам обоим в тот же час, – отвечает Илья.

Лег Тимофей на лавку, руки под голову подложил да вновь в окошко глядит. А там-то, а там-то: и мир весь зеленый, травой-листьями поросший; и небо голубенькое с солнышком из-за тучек выплывает; и люди радостные-веселые улыбаются, гуляют. Вдалеке прудик светлый, на его берегах люди лежат, плоды-фрукты прямо с веток срывают и едят. Лежал так Тимофей, лежал, да и вставать ему не хотелось – куда из Рая вставать.

❑

ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ЛЕТ СВЕРДЛОВСКОЙ КИНОСТУДИИ

Степан НЕДВИГА

Член Союза кинематографистов России, член Союза журналистов России. г. Екатеринбург

Создание Свердловской киностудии

Война нарушила процесс кинопроизводства СССР. Осенью 1941 г. крупнейшие киностудии страны были эвакуированы в Казахстан и Среднюю Азию. «Мосфильм» и «Ленфильм» перебазировались в Алма-Ату. Им предоставили здания театра оперы и балета и кинотеатра «Ала-Тау», в которых была организована Центральная объединенная киностудия художественных фильмов (ЦОКС). Через три месяца ЦОКС начала выпускать фильмы. Она функционировала до 1944 г. и за это время выпустила около 80% всех фильмов страны.

Но условия ее работы были невероятно сложными. Студия нуждалась в лесоматериале (не из чего было строить декорации), не хватало рабочей силы: плотников, столяров... Не хватало транспорта и бензина. Не было лаборатории, поэтому материал возили проявлять в Ташкент, ждать его приходится по две недели. Не было электроподстанции, поэтому пользовались лихтвагенами, которые быстро «съедали» месячный лимит бензина *(Летопись... 2017. С. 824–825)*. Кроме того, для съемок не хватало актеров, а работники студии жили в очень стесненных жилищных условиях. Примерно такие же условия работы были и у других студий.

Неясно было, как долго продлится такая ситуация. Но выпуск фильмов никто не отменял. Они нужны были и на фронте, и в тылу. Поэтому в Комитете по делам кинематографии и возникла мысль о создании еще одной киностудии в крупном промышленном городе с собственными театрами, но не слишком удаленном от Москвы. Выбор пал на Свердловск.

В декабре 1942 г. в Свердловск приехал председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР Иван Григорьевич Большаков. Вместе с заместителем председателя исполкома Свердловского горсовета П.Г.Пановым они объездили и осмотрели практически все клубные учреждения города. Большаков искал здание, наиболее подходящее под будущую киностудию. Его выбор пал на Клуб строителей* на улице Ленина. Чем он привлек Большакова? Видимо, в нем был просмотровый зал достаточных размеров для перестройки его под съемочный павильон, а также близость как гостиницы для приезжих работников, так и театров – артистов этих театров рассчитывали задействовать в кинофильмах. Для организации студии И.Г.Большаков обещал выделить средства и специальное оборудование, а также перевести в Свердловск руководящих инженерно-технических работников и лучшие творческие кадры.

Вопрос организации Свердловской киностудии художественных фильмов в помещении Клуба строителей был рассмотрен 11 января 1943 г. на заседании Бюро Свердловского обкома ВКП(б). Решено

* Инициатором создания Клуба строителей является профсоюз строителей. В конце 1920-х годов профсоюз объявил конкурс на лучший проект будущего клуба. В конкурсе победил известный московский архитектор Яков Абрамович Корнфельд, работавший в стиле советского конструктивизма. Строительство клуба по его проекту велось в 1929–1933 годы.

было «...оказать строительству киностудии помощь цементом, лесом, электротехническими материалами, арматурой и кабельной продукцией», в двухмесячный срок укомплектовать студию административно-хозяйственным и обслуживающим персоналом, выделить бывший дом совактива для размещения в нем «...приезжающих в киностудию руководящих инженерно-технических и творческих работников» и др. *(«Помнишь ли ты...», с. 5–6).*

Распоряжением № 2369р от 4 февраля 1943 года Совет народных комиссаров СССР разрешил Комитету по делам кинематографии организовать в городе Свердловске киностудию художественных фильмов.

Приказ № 59 по Комитету по делам кинематографии о создании в Свердловске киностудии художественных фильмов с выпуском 4–5 полнометражных картин в год вышел 9 февраля 1943 г. Увы, этот план выполнен не был, в год делалось всего по одной полнометражной картине.

Исполняющим обязанности директора новой студии был назначен Александр Сергеевич Шитов, инженер-конструктор технического отдела Уралмашзавода. Шитова привлекли, видимо, потому что «...Он раньше увлекался кинопроизводством. Но это было скорее любовью к искусству, нежели профессиональной заинтересованностью инженера» *(Лебедев. Свердловская киностудия).*

Главным инженером киностудии стал Борис Николаевич Коноплев, до этого занимавший аналогичную должность на Сталинабадской киностудии. Позже Коноплев будет работать главным инженером «Мосфильма», а его книга «Основы фильмопроизводства» станет настольной у студентов соответствующих вузов. Коноплева, видимо, привлекли только на время реконструкции клуба, т.к. в 1944 г., во время съемок «Сильвы», главным инженером киностудии был Виктор Зиновьевич Фейгельс.

Приказ № 1 о начале существования студии был издан 17 марта 1943 г. Первое время студия занимала всего две комнаты на первом этаже. На верхних этажах находились военные, но они вскоре покинули здание.

Проект реконструкции клуба и прилегающей территории под киностудию разработал известный свердловский архитектор Владимир Владимирович Емельянов. Руководителем перестройки клуба стал инженер Алексей Никитин. Его дочь, Нонна Никитина, студентка индустриального института, стала техником-сметчицей. Позднее она станет опытным монтажером, будет принимать участие в монтаже большого числа игровых картин. Первый рабочий день Нонны Алексеевны запомнился ей грохотом. Она заглянула в просмотровый зал и увидела, что рабочие отбойными молотками вырубали кресла, потому что этот зал надо было превратить в съемочный павильон.

Кроме устройства павильона в здании переносились стены, пробивались канавки для коммуникаций, было заложено окно над входом и др. В августе начали устанавливать и настраивать проявочное, осветительное и звуковое оборудование, вывезенное с киностудий Киева, Ленинрада и частично Москвы. Установкой и настройкой этого оборудования руководил главный инженер студии Борис Николаевич Коноплев.

Директор студии А.С.Шитов был настроен весьма оптимистично. В статье «Свердловская киностудия художественных фильмов» он обещал, что уже в 1943 г. выйдут на экран первые картины

Клуб строителей.
Фото начала 1940-х гг.

Свердловской киностудии: «В короткий срок должен быть создан творческий и технический коллектив, который приступит к съемкам кинокартин. Перед нами стоят трудные, но почетные задачи. Мы должны добиться, чтобы уже в этом году на экранах страны появились кинокартины, показывающие Сталинский Урал» *(Шитов)*.

Поэтому, видимо, здесь было собрано много рабочих, работали они в три смены, тем не менее, реконструкция здания, установка и запуск кинотехнологического оборудования завершились только к ноябрю. Газета «Уральский рабочий» от 7 ноября 1943 г. сообщала: «К Октябрьскому празднику закончено строительство 1-й очереди Свердловской киностудии художественных фильмов. Оборудованы два съемочных павильона со вспомогательными помещениями и гримерным цехом, три просмотровых зала, операторский, звукотехнический и монтажный отдел и т.д.» Наряду с реконструкцией здания делали и его ремонт. На все это потребовалось 800 кубометров леса, 260 тысяч кирпичей, 8 тонн кровельного железа, 200 тонн алебастра, 15 тысяч метров провода...

Художественным руководителем новой студии был назначен режиссер Александр Викторович Ивановский, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии. В Свердловск он прибыл 6 ноября 1943 г., о чем сообщала газета «Уральский рабочий» от 7 ноября 1943 г. В этой должности Ивановский пробудет с 25 октября 1943 г. по 25 февраля 1945 г.

На новой студии, как уже упоминалось, планировали снимать 4 или 5 художественных фильмов в год, поэтому начальник сценарного отдела киностудии режиссер Владимир Георгиевич Лебедев-Шмидтгоф активно принялся за подготовку сценариев. По срокам на первом месте был сценарий по роману Аркадия Первенцева «Испытание», посвященный подвигу работников эвакуированного авиационного завода, в краткие сроки возродивших его работу в тылу. Снимать фильм должен был опытный режиссер Александр Гаврилович Иванов, закончивший перед этим картину «Подводная лодка Т-9», и награжденный за нее орденом Красной Звезды. В съемочную группу «Испытаний» вошли оператор Анатолий Назаров с «Ленфильма» и главный художник Владимир Баллюзек, работавший в кино с дореволюционного времени. Еще одним художником стал Василий Зачиняев, выпускник ВГИКа 1943 г.

В начале 1944 г. вовсю шла подготовка к съемкам, был объявлен набор желающих участвовать в массовке, с фронта везли большое число необходимых для фильма немецких мундиров. Но потом в сценарий сверху стали вносить все новые и новые поправки, а Иванову, человеку резкому и прямому, это не понравилось, и он отказался от картины. Таким образом, фильм «Испытание» из планов киностудии выпал.

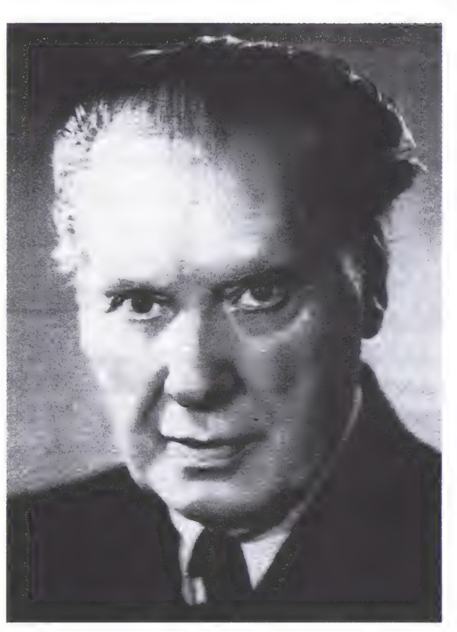
О других сценариях сообщали в прессе А.Шитов и В.Лебедев-Шмидтгоф. П.П.Бажов и И.И.Келлер подготовили литературный сценарий «Каменный цветок» по одноименному сказу П.П.Бажова.

Писательницы Н.А.Попова и К.В.Филиппова готовили сценарий по пьесе «Хозяйка Медвежьей горы», а Б.Дижур и Л.Ашкинази – либретто об изумрудных копях.

Сценарий под названием «Хозяйка Шайтан-горы» был написан писательницей С.Люм. В нем рассказывалось о том, как уральские женщины, проявляя стойкость и мужество, заменяли на производстве ушедших на фронт мужей и сыновей.

Драматург А.Соколов предлагал «...сюжет о героях двух экспедиций – научной и кинематографической. Одна – в поисках новых месторождений, другая – для засъемки природных красот и богатств Урала». Приключения с участниками экспедиции, по мнению А.Соколова, дали бы возможность снять «интересный и веселый фильм».

Братья Я.А. и Н.А. Дукор осенью 1944 г. работали над сценарием фильма «Директор большого завода» об оборонной промышленности Урала в годы войны.

Режиссер А.В.Ивановский.

П.П.Бажов готовил сценарий «Ермаковы лебеди» по своему одноименному сказу.

Писатель и историк техники В.В.Данилевский занимался сценарием под названием «Солдатский сын» о гениальном русском механике-самоучке Иване Ползунове, изобретателе первой в России паросиловой машины.

Первый фильм – «Сильва»

Ни один из представленных выше сценариев на Свердловской киностудии поставлен не был. Вместо них сняли музыкальный фильм «Сильва» (по мотивам оперетты Имре Кальмана «Королева чардаша»). Почему «Сильва»? В январе 1943 г. М.И.Ромм, в то время художественный руководитель Главного управления по производству художественных фильмов, в письме начальнику Управления пропаганды и агитации (УПиА) при ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову в числе прочего высказал мнение о том, что в стране, народ которой страдает от ужасов войны, надо снимать фильмы не только военной тематики. По его мнению, надо «...значительнейшую часть темплана отвести под комедии, под музыкальные картины, а самое простое – под экранизацию классики, ибо здесь можно очень

быстро сделать сценарии» *(Ромм, с. 171)*.

К мнению М.Ромма прислушались. Проще всего было экранизировать классическое произведение. Выбор пал на «Сильву». Экранизировать «Сильву» взялся Александр Викторович Ивановский, считавшийся «музыкальным» режиссером, т.к. до войны снял музыкальные фильмы «Музыкальная история» и «Антон Иванович сердится». К тому же «Ивановский очень любил музыку и был большим ее знатоком. <...> у него был приятный тембр голоса и абсолютный слух», – так отзывалась об Ивановском актриса Галина Кравченко *(Кравченко, с. 90)*.

Написать сценарий фильма поручили артисту и режиссеру Московского театра оперетты Григорию Ярону и журналисту Михаилу Долгополову. При этом Ивановский настоял, чтобы для «Сильвы» были написаны новые стихи. Г.М.Ярон: «В 1944 году М.Долгополову и мне было поручено написать киносценарий оперетты “Сильва”. Новые стихи были заказаны Дм. Цензору» *(Ярон, с. 203)*.

Снимать «Сильву» решено было на Свердловской киностудии. В пользу постановки «Сильвы» в Свердловске, видимо, говорило наличие здесь музыкальных театров (оперы и балета, музыкальной комедии), артистов которых можно было задействовать в фильме. Хотя сам Ивановский не понимал, как можно это сделать в Свердловске, т.к. на киностудии тогда еще почти ничего не было: «Из самой жаркой точки Советского Союза меня переметнуло в холодный Свердловск. Я был назначен художественным руководителем организованной там киностудии. Мы приехали почти на пустое место. Существовали только два съемочных ателье, ни костюмерной, ни бутафории не было, и, главное, не было рабочих. Студия располагала недурным сценарием музыкальной комедии “Сильва”. Но как его поставить? Где взять костюмы? Как собрать артистов?» *(Ивановский, с. 246)*.

Но постепенно все утряслось. К февралю 1944 г. были построены три съемочных павильона со вспомогательными помещениями. Также были оборудованы просмотровые залы, операторский, звукотехнический и монтажный цеха. Принялись за работу организаторы цехов: Д.Ф.Соколовский (ЦДТС), Г.О.Моисеев (проявка), П.Д.Федоренко (гример с Одесской студии), Б.П.Геккель (обувной цех), Е.А.Радионова (монтажер с «Ленфильма»), Агафонов (осветительный цех), Бельский (операторский цех) и др.

9 марта 1944 г. И.Г.Большаков утвердил сценарий «Сильвы». Теперь можно было снимать картину.

На роль Эдвина Ивановский вначале планировал известного оперного певца Сергея Лемешева, вел с ним переговоры, но не получилось. Тогда Ивановскому посоветовали обратить внимание на солиста Свердловской оперного театра Нияза Даутова. Н.Даутов в Свердловск приехал в 1943 г. До этого, в 1942–1943 гг. он учился в Московской консерватории и выступал в Музыкальном театре им. К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко.

Ивановский посмотрел Даутова в спектакле «Травиата» и пригласил его сделать пробы. Поскольку на киностудии не все еще было готово, первую пробу сделали в студии кинохроники, существовавшей в Свердловске с 1933 по 1951 гг. Даутов сильно нервничал. Он спел романс Даргомыжского «Влюблен я, дева красоты». Исполнение Ивановскому понравилось, и он настоял на участии Даутова в фильме. Уже во время съемок Даутов далеко не сразу вошел в роль, был скован, но потом освоился, и съемки пошли лучше, хотя все же не так, как хотелось режиссеру.

Руководитель сценарного отдела Свердловской киностудии в 1943 г. режиссер В.Г.Лебедев-Шмидтгоф.

На роль Сильвы пригласили ведущую артистку Музыкального театра им. К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко Зою Александровну Смирнову-Немирович. Выходит, что какое-то время З.Смирнова-Немирович и Н.Даутов служили в одном и том же театре.

Роль Стасси исполнила студентка ГИТИСа Маргарита Сакалис. У нее были проблемы с руководством института, запрещавшим студентам сниматься в кино. На роль Бони пригласили известного киноактера Сергея Мартинсона, хотя здесь был местный претендент – артист театра музкомедии Анатолий Маренич. Маренич был огорчен, что взяли не его, а Мартинсона.

Отца Эдвина, князя Леопольда Воляпюка сыграл Сергей Дыбчо, мать Эдвина, Юлианну Воляпюк – Нина Динтан. На роль Ферри пригласили Георгия Кугушева, помощника режиссера варьете сыграл Александр Матковский. Все они артисты Свердловского театра музкомедии.

Танцы в фильме ставил главный балетмейстер Свердловского театра оперы и балета Владимир Александрович Кононович. На роли танцовщиц варьете выбрали восемь балерин – Маргариту Петрову, Зою Смирнову, Юлию Левито, Валентину Нелидову, приехавших сюда по распределению после окончания Ленинградского хореографического училища, и еще местных, свердловских – Анну Сатановскую, Зою Холмову, Ирину Шильдер и Эльвиру Круглову. Мужские партии исполняли артисты театра оперы и балета Николай Орешкевич, Николай Могунов, Леонид Дубанин, Игорь

Оператор Ж.Мартов.

Круглов, а также артисты балета из Театра музкомедии.

Кроме Ивановского в съемочную группу входили и другие опытные кинематографисты – оператор Жозеф Мартов и звукооператор Николай Коробов. Они носили значки «СССР. XX лет кино» и этим вызывали у всех уважение.

Вторым режиссером на «Сильве», согласно сообщению в «Уральском рабочем» от 3 января 1944 г., должен был быть Владимир Георгиевич Лебедев-Шмидтгоф. В кино Лебедев-Шмидтгоф работал с 1923 г. В качестве режиссера снял несколько фильмов, в том числе (совместно с М.С.Гавронским) музыкальный – «Концерт Бетховена» (1935 г.). В этом фильме впервые прозвучала известная песня «Эх, хорошо в стране советской жить!», слова которой написал Лебедев-Шмидтгоф, а музыку – Исаак Дунаевский.

В 1942 г. В.Г.Лебедев-Шмидтгоф и А.В.Ивановский сняли в Ашхабаде «Музыкальный киносборник». Новелла А.Ивановского этого киносборника называлась «Чудесная скрипка», а В.Лебедева-Шмидтгофа – «Открытие сезона». Так что, опыт по работе над музыкальными фильмами у Лебедева-Шмидтгофа был.

После Ашхабада Ивановский и Лебедев-Шмидтгоф оказались на Свердловской киностудии. Здесь Лебедев-Шмидтгоф, как уже указывалось, занял должность начальника сценарного отдела. Параллельно он должен был участвовать в съемках «Сильвы». Но, увы, в начале января 1944 г. Лебедев-Шмидтгоф скончался. На фильме его заменили менее опытные Павел Боголюбов и Александр Ивановский, сын А.В.Ивановского. А начальником сценарного отдела студии вместо Лебедева-Шмидтгофа стал режиссер Павел Петрович Петров-Бытов.

Художником-постановщиком «Сильвы» значится известный художник театра и кино Владимир Евгеньевич Егоров. Он сделал эскизы декораций, но в фильме эти эскизы не использовали. На съемочной площадке Егоров не появлялся, так как у него не было возможности приехать в Свердловск. В это время в Свердловск на гастроли приехал Ленинградский ТЮЗ, в котором художником был Игорь Вускович. Его и пригласили параллельно поработать художником на «Сильве».

Помимо Вусковича художниками на картине были недавние выпускники ВГИКа Василий Зачиняев и Виктор Крылов, а также Дмитрий Флорианович Соколовский, опытный специалист с большим стажем работы, который мог построить любую декорацию практически без чертежей, пользуясь только рисунком художника-постановщика.

Для фильма срочно нужны были костюмы. Зачиняева послали в Алма-Ату, Ташкент и Ашхабад, чтобы он побывал на эвакуированных студиях и собрал нужные костюмы. Задача была непростая, но Зачиняев с ней отлично справился. Привез он (Ивановский забыл ему об этом сказать) даже рисовый крахмал, без которого воротнички на костюмах знати не были бы стоячими, и это была бы досадная неточность. От картофельного крахмала, который был в Свердловске, воротнички становились серыми, что на экране было заметно.

Весьма непросто было создать интерьер той эпохи. С вещами помогали жители города. Например, роскошные сервизы для буфетной стойки в варьете дала жена оперного певца Аграновского. Для строительства декораций приходилось применять находчивость. Стулья из столовой декорировали бельевыми бечевками, в результате они получились похожими на зарубежные. Для танцевальной площадки сделали помост, который зашили досками, фанерой и мешковиной. Сверху нанесли несколько слоев драп-бумаги, затем покрыли черной краской и жидким стеклом. Пол очень понравился оператору Жозефу Мартову, хотя после нескольких репетиций или съемок на полу появлялись царапины. Приходилось делать перерывы, вновь наносить стекло и ждать пока оно высохнет.

Реплики актеров записывали начисто, этим занимался опытный звукооператор Алексей Николаевич Коробов. Он просил всех на съемочной площадке соблюдать тишину, а обувь носить на резиновой подошве, чтобы не создавать лишнего шума. Танцевальные сцены и вокальные партии снимались под фонограмму, которую предварительно записали в Москве.

«Сильву» начали с натурных съемок. Козье болото, куда приезжают Сильва и Бони, снимали во дворе студии, в том месте, где потом поставили гаражи. У домика Сильвы на Козьем болоте построили три стенки. Перед входом в дом «выросло» поле ржи. Поле сделали сами, прибивая по несколько снопов ржи к доске. Потом составляли эти доски в несколько рядов так, чтобы эта конструкция

Художник И.Вускович.

Сильва (арт. З.Смирнова-Немирович) и Эдвин (арт. Н.Даутов).

расширялась по направлению к дому. Получилось полное впечатление, что перед домом находится огромное ржаное поле.

Сцену, в которой козел гонится за Боней, снимали на Шарташе. Здесь случилась заминка. Козлы отказывались бежать за Мартинсоном. Сцену удалось снять только с третьим козлом. Эпизод несложный, но на съемку ушел целый день.

Эпизод с дуэтом Эдвина и Стасси снимали в Парке пионеров. Они проезжали на лошадях по красивой сиреневой аллее. В парке сняли общий план проезда, а крупные планы снимали в павильоне.

Со Смирновой-Немирович Ивановскому работалось сравнительно легко, чего не скажешь о Даутове. «Сильва Вареску была прекрасна, темпераментна, хорошо двигалась, была абсолютно в образе. Что касается Эдвина, тут режиссер встретился с большими трудностями. Оперный актер Даутов обладал красивым тембром, неплохо смотрелся на сцене театра, но перед камерой делался статичным, уж никак не из древнего рода Воляпюков и тем более не блестящий офицер. Особенно приводили режиссера в смятение любовные сцены. Никак не получалось страстных объятий и тем более поцелуев. Для сцены сошло бы, а для кино фальшиво» *(Зачиняев)*.

Обычно снятый материал был готов к просмотру через день или два. Смотрели его каждый раз перед съемками всей группой. Чтобы не терять времени, монтировали параллельно съемкам. Монтажом занималась ленинградка Екатерина Радионова. Ей помогала Нонна Никитина и еще две монтажницы.

Пленку экономили. Тщательно репетировали, чтобы снимать с одного-двух дублей. Для вокальных сцен Ивановский делал исключение. Здесь могло быть много

Леопольд Воляпюк (арт. С.Дыбчо).

дублей. Все их надо было подгонять под фонограмму и потом отбирать на экране.

Однажды Н.Никитина заметила летающую в кадре муху. «Снимался средний план Даутова в его арии “Женщин много есть на свете”. Сняли два дубля, что-то не устраивало Ивановского, сняли еще один дубль. И режиссер, и оператор сказали: “Отлично”. И тут я пропищала, что в кадре все время летала муха. Ивановский и Мартов завопили, что мне показалось, и Даутов сказал, что не замечал возле себя мухи. Тогда я сказала, что мое дело предупредить, а там как хотите, не пришлось бы устраивать пересъемку. Ивановский потер лоб и сказал:

– Ладно, снимем еще один дубль, но если на просмотре окажется, что не было никакой мухи, то 25 метров пленки пойдет за ваш счет.

Сняли, а на просмотре в этом дубле муха была во всей красе. Мартов пожал мне руку, а Ивановский улыбнулся, что с ним бывало редко» *(«Помнишь ли ты…», с. 43)*.

Мартинсон был любимцем на съемках. Он всегда был в хорошем настроении и поднимал его другим – что-то напевал, танцевал или рассказывал анекдоты. Особенно это выручало во время ночных работ, когда всем очень хотелось спать. А однажды случился казус. Мартинсон, случайно оказавшись у микрофона, рассказал коллегам анекдот, не предназначенный для дамских ушей, а дамы в это время находились в кабине звукотехника, и все слышали. Они признались в этом Сергею Александровичу, а тот страшно обиделся и два дня с ними не разговаривал.

Артисты музкомедии блестяще справились со своей задачей. Великолепен был Сергей Дыбчо, причем не только в кадре. Как и Мартинсон, он умел создавать благоприятную атмосферу в перерывах между съемками. Очевидцы отмечали, что там, где был Дыбчо, всегда раздавался смех. Восхищение своей игрой вызывал Георгий Кугушев в роли Ферри. Хорош был и Александр Матковский в роли помрежа. На общих

планах вместо Смирновой-Немирович снимали артистку музкомедии Иванову. В фильме этой подмены никто не заметил.

Ивановского уважали. «Ивановский – интеллигент старой закалки, на актеров не кричал. Относились к нему с уважением. Ассистент режиссера всегда подставлял ему стул. Приносили чай. И все же байка была и об Ивановском. Театры в то время были хорошо заполнены, особенно театр музкомедии. Заполнены были и бани. Билетик администратору достать было трудно. И вот Ивановский однажды сам звонит в баню: "С вами говорит заслуженный деятель, лауреат Сталинской премии, не будете ли вы столь любезны продать билетик?" Билетик ему в кассе оставляли. Александру Викторовичу подкатывали к гостинице грузовик, трехтонку. И он, счастливый, доставлялся до бани и обратно» *(Зачиняев)*.

Но душой коллектива Ивановский все же не стал. На нем лежала ответственность за судьбу фильма, видимо, это не давало ему расслабиться. Как правило, он был хмур, озабочен и чем-то недоволен, он не смог принять ни студию, ни город. К коллегам относился свысока, давая понять, что он здесь главный. Хотя на самом деле, был совсем не таким. Вот как отзывалась об Ивановском актриса Галина Кравченко: «Человек он был удивительно мягкий, хорошо воспитанный, необыкновенно добрый и внимательный ко всем. Он

Стасси (арт. М.Сакалис).

обладал еще одной замечательной чертой характера – юмором, который никогда его не покидал. Он любил шутить и разыгрывать людей. Причем, делал это с таким серьезным видом, что никому сразу не приходило в голову, что он шутит. Шутил он остроумно, легко, если можно так выразиться, – элегантно» *(Кравченко, с. 90)*.

Потом, много позже, Ивановский очень тепло вспоминал работу над «Сильвой».

Члены группы и работники цехов проявляли чудеса работоспособности и самоотверженности. Было огромное желание как можно лучше сделать первый фильм своей киностудии. При необходимости могли работать сутками без перерыва. Иногда засыпали от усталости. Однажды во время ночной смены начальник проявочного цеха Моисеев разрешил проявщицам немного поспать, а в это время в цех пришли Ивановский и Мартов, чтобы на фонаре проявочной машины посмотреть изображение. По воспоминаниям проявщицы Н.Н.Аникеевой, Ивановский и Мартов вели себя очень тихо, чтобы не разбудить проявщиц, а те не хотели показать, что уже проснулись, неудобно было, что спят на работе.

Очень хорошо отзывался об обстановке во время съемок артист балета Николай Могунов: «Работали очень дружно. Я никогда больше нигде не видал такой доброжелательной обстановки. Все это шло от руководителей группы. От режиссеров, операторов, их расположения, их понимания. Они так хорошо ко всем относились, что даже неудобно было делать что-то плохо. Старались все – и молодые, и старые (они нам казались старыми – Дыбчо, Кугушев, Мартинсон). Мартинсон был очень компанейский, какой-то свой. Исключительно воспитанный Даутов. Никакого зазнайства ни у кого. Смирнова-Немирович, мы ее там по фильму и на сцене кабаре, и за кулисами в сцене бракосочетания носили на руках, плечах. После окончания съемки она всем обязательно скажет: "Спасибо, мальчики". И обязательно поцелует: "Ой, мальчики, спасибо"» *(Могунов)*.

Приезжие жили в гостинице. Смирнова-Немирович часто улетала в Москву, чтобы участвовать в спектаклях и видеться с маленьким сыном. Если самолет из

Бонни (арт. С.Мартинсон) и артистки балета.

Ферри (арт. Г.Кугушев) и Бонни (арт. С.Мартинсон).

Москвы задерживался, то запланированные съемки срывались. Но, по воспоминаниям монтажницы Н.Никитиной, никто не возмущался потому что «...Она была терпелива и не капризна, несмотря на все придирки Ивановского» *(«Помнишь ли ты...», с. 41).*

Поскольку спектакли в театрах заканчивались поздно, съемки сцен с участием артистов балета и музкомедии приходилось проводить ночью. После съемок под утро все гурьбой возвращались домой. Благо машины не нужны были, все жили недалеко от киностудии. И гостиница тоже была рядом.

Музыкальным руководителем (редактором) фильма был Валентин Белиц, дирижер Свердловского театра музыкальной комедии.

Закончены съемки были в начале декабря 1944 г.

Когда Е.Радионова с режиссером А.В.Ивановским закончили черновой монтаж картины, в процесс вмешался сын Ивановского, Александр Александрович. О нем отзывались как о хорошем монтажере. Он начал монтировать фильм на свой лад, но сколько не переставлял эпизоды, лучше сделать не получилось. Все осталось в первоначальном варианте. Потом «Сильву» повезли сдавать в Кинокомитет. Сдавали долго, поправки были, но небольшие.

Когда фильм был готов, его показали руководителям города. Все было очень серьезно. За несколько часов до просмотра сотрудники НКВД удалили всех работников студии из здания, опечатали комнаты и выставили посты на всех этажах. Смотрели фильм в малом зале на третьем этаже, в помещении, в котором потом оборудуют ателье озвучания. Как был воспринят фильм высоким начальством, неизвестно.

8 февраля 1945 г. состоялись просмотр и обсуждение «Сильвы» на заседании Художественного совета при Комитете по делам кинематографии. Увы, фильм членам совета не понравился. В ходе обсуждения режиссер Григорий Александров отметил, что «Сильва» очень популярна в СССР, поэтому фильм будет иметь успех, но это не тот успех, который нужен

Художник В.Е.Егоров.

для воспитания советской молодежи, т.к. в фильме «...отсутствует современная точка зрения на все, что там происходит» *(Помнишь ли ты.., с. 50).*

Г.В.Александрова поддержал М.И.Ромм. Он заявил, что и сценарий плохой, и фильм сделан плохо. Актриса совершенно не подходит на роль Сильвы. В Сильве должна быть «частица черта», а у героини фильма этого нет. И вообще «...Она задана неправильно – она плачет с начала и до конца. Что за слезливая установка на девицу, которая хочет выйти замуж за князя. <...> Это унылая Сильва» *(Помнишь ли ты.., с. 51–53).*

Эдвина, по мнению Ромма, Ивановский представил как благородного князя, хотя на самом деле он такой же шалопай, как и Бони. И вообще, Сильва, Эдвин и Стасси – некрасивые, неинтересные люди. А графы и князья в фильме совсем не похожи на аристократов. Эту картину нельзя выпускать на экраны, ее нельзя ставить в один ряд с другими нашими картинами, – таков был вывод М.Ромма.

А.В.Ивановский, присутствовавший на обсуждении, был не согласен с критикой. Он говорил о том, что не собирался инсценировать «Сильву», отталкиваясь от спектакля, ибо в кино это сделать очень сложно. С его стороны это был своего рода эксперимент по постановке оперетты в кино. По поводу Эдвина Ивановский пояснил, что он много раз объяснял Даутову, что его герой «...это легкомысленный корнет, самовлюбленный маменькин сынок, будущий князь Воляпюк. <...> И то, что было задумано, и что я внушал актеру, очевидно, не могло быть им выполнено, так как он не мог найти нужных красок» (Стенограмма...).

Еще Ивановский пояснил, что ему пришлось работать в очень сложных условиях. Ему приходилось доставать и фанеру, и клей, и многое другое, нужное для съемок. Поэтому Ивановский приходил на съемочную площадку совершенно измученным человеком. Как видим, организация труда на Свердловской киностудии была явно не на высоте. Ивановский признался, что для него это была одна из труднейших картин.

Некоторое срединное положение на заседании занял художник В.Е.Егоров. С одной стороны он согласился с М.Роммом в том, что Смирнова-Немирович не подходит на роль Сильвы. И что ошибка его, Егорова, и Ивановского состоит в том, что они согласились на участие в фильме Смирновой-Немирович в роли Сильвы.

Далее Егоров заявил, что вообще не надо было соглашаться на съемки в Свердловске, т.к. кинофабрика не была еще как следует готова к работе. Хотя бы надо было комплекс Воляпюков снимать в Москве, т.к. оформительски картина сделана плохо, по оформлению она напоминает немецкие картины 1915 года. И если бы он, Егоров, смог приехать на студию, он сделал бы все по-другому, гораздо лучше.

Но в то же время Егоров и похвалил студию, потому что, по его словам, несмотря на многочисленные трудности, она фильм поставила. А если в фильме чего-то не хватает, так это время такое и с этим надо считаться.

А когда два генерала-историка, входившие в Художественный совет, буквально обрушились на игру Смирновой-Немирович, говоря: «Ну, что же это такое? Какая же это Сильва? Ведь Сильва – это что? Это "частица черта в нас заключена подчас", и "сила женских

чар будит в сердцах пожар". А это не Сильва. В ней и "частицы черта" нет, и "пожар она не будит", – и прочее». То здесь Егоров, шутливо называвший генералов «ваши превосходительства», не выдержал и ответил им так: «Ваши превосходительства, я с вами согласен, это, конечно, не Сильва. Ведь мы, ваши превосходительства, этих сильв перевидали больше, чем у нас с вами волос на голове. Но ведь где взять сейчас настоящую Сильву? Ведь прекратилась их фабрикация сорок лет тому назад. Не выпускают сильв.

Бывало, идешь по Тверской, сильвы так и идут, так и идут навстречу – какую хочешь выбирай сильву. А ныне что? Еще старую Сильву, может быть, найдешь. А молодых-то где взять? Где взять молодую Сильву? Ваши превосходительства, вы вхожи в правительство, встречаетесь, наверное, с товарищем Сталиным, ходатайствовали бы, чтобы для кинематографа зарядили производство сильв, ну немножечко, штук хоть по десять в год» *(Ромм, с. 87)*.

В целом, обсуждение «Сильвы» закончилось не в ее пользу. В протоколе № 18 заседания Художественного Совета при Комитете по делам кинематографии от 8 февраля 1945 г., на котором присутствовали Александров, Дикий, Егоров, Ромм, Савченко, Чирков, Поликарпов, Соболев, Тихонов, Шапорин, Шостакович, Галактионов, Захаров, Таленский, Хмелев, в одном из пунктов значилось: «Ввиду низких художественных качеств картины "Сильва" воздержаться от рекомендации выпуска картины на экран» *(Помнишь ли ты... с. 56–57)*.

Видимо, заключение Художественного совета носило рекомендательный характер, т.к. в конце апреля 1945 г. Главрепертком дал разрешение на демонстрацию «Сильвы». В начале мая были напечатаны первые копии фильма, которые были посланы сначала в действующую армию, а с осени 1945 г. – и в широкий прокат.

Отзывы на фильм были самыми разными – от резко критических до восторженных. Не понравился фильм автору сценария – Г.М.Ярону: «Когда я посмотрел готовую кинокартину, она мне, откровенно говоря, очень не понравилась. В фильме, по-моему, в значительной степени утрачена музыка. Тем не менее "Сильва" долго шла на наших экранах и идет еще и до сих пор. После окончания войны фильм был показан за границей, в частности, в Будапеште» *(Ярон, с. 203)*.

Киновед Генрих Шахов считал, что на «Сильве» «...лежала печать безвкусицы, штампов, перекочевавших из дурных опереточных спектаклей». И что, если фильм можно было смотреть, то, в основном, благодаря прекрасной игре Сергея Мартинсона, в которой были «...и юмор и лиризм, были и искрометное веселье и буффонада, и целый каскад тех опереточных трюков, без которых исчезает сам жанр. И, наконец, изящный, легкий и, в то же время, вихревой чардаш» *(Шахов, с. 125)*.

И.Г.Большаков в книге, посвященной кинематографу военных лет, затронул и «Сильву». На его взгляд, А.В.Ивановский поставил «Сильву» как мелодраму, лишив ее при этом «...легкости и игривости, присущей жанру оперетты». Игра исполнителей главных ролей – З.Смирновой-Немирович и Н.Даутова «...была слишком театральной, они не учли особенностей кинематографа и чувствовали себя скованно перед киносъемочным аппаратом». В целом фильм получился лишенным динамики, «...не чувствовалось в нем живости и искрящейся веселости оперетты» *(Большаков)*.

На не совсем корректный подбор актеров на главные роли указывал и художник Василий Зачиняев: «О главных героях. Сразу было видно, что они не пара. Даутов мелковат, рост небольшой, и фигура какая-то, как игрушка. А Смирнова-Немирович была крупновата, немного выше Даутова. И поэтому во время лирической сцены им как-то не очень доверяешь... Сейчас в Свердловске посмотрел еще раз эту картину и снова убедился в том, что это не пара. Но что делать... Голос у нее великолепный, партию свою исполнила великолепно. Даутов тоже хороший певец и актер. В то время сложно было подобрать других исполнителей...» *(Зачиняев)*.

Зачиняев верно подметил, что в условиях недостатка времени, в условиях удаленности от актерской среды выбрать более подходящих актеров было очень сложно. Поэтому нам кажется, что А.В.Ивановский совершил своеобразный подвиг, в условиях войны, в условиях начинающей свою работу студии, сняв такой фильм.

Ромм, Александров и Большаков довольно резко высказались в адрес «Сильвы», обвинив Ивановского в неверном подборе актеров, в смещении оперетты в сторону мелодрамы. Но вот широкий зритель, не искушенный в нюансах жанра был в восторге от великолепных голосов исполнителей, от их певческого мастерства, от комичных финтов Бони, от зажигательных танцев и завораживающей музыки Кальмана.

Какой невероятный эффект произвела «Сильва» в действующей армии вспоминает ветеран войны и труда С.А.Скобелин, служивший в августе 1945 г. в Германии, в городе Любтейне. Однажды он увидел афишу кинокарины «Сильва», которую собирались показывать в местном Доме офицеров. «Я, конечно, пошел. Вначале не обратил внимания, что фильм производства Свердловской киностудии. Я не мог знать, что в родном моем городе такая существует. Но когда пошли титры с исполнителями, я подпрыгнул на месте: Кугушев, Матковский, Дыбчо... Этих-то актеров я знал давно. Когда же пошли кадры...

Вот парк Дворца пионеров, другие знакомые места. Я ликовал. Словно побывал дома. После сеанса я в части взахлеб рассказывал о "Сильве". Потом мы с ребятами еще несколько раз смотрели картину. И сейчас, по прошествии десятков лет, я не могу без волнения вспоминать, что видел первый фильм нашей студии на немецкой земле» *(Зеличенко)*.

А вот содержание одного из писем, направленных на киностудию, и опубликованное в газете «Уральский рабочий» от 1 ноября 1945 г.: «Гвардейский привет

из Германии. Дорогие товарищи! Находясь вдали от Родины, мы с огромным удовольствием смотрели ваш фильм "Сильва". Очень благодарим вас за эту картину. Желаем успехов в дальнейшей работе и ожидаем новых интересных фильмов, заснятых в вашей студии. До свидания, друзья! По поручению гвардейцев уралец Мих. Шардаков».

Приветствовала фильм и венгерская журналистка Анна Гереб. У нее была возможность сравнить между собой различные кинопостановки «Сильвы», и она пришла к выводу, что экранизация А.В.Ивановского – самая лучшая. Во-первых, она цельная, в ней нет ничего, нарушающего стиль. Затем, в «...фильме чрезвычайно высок профессиональный уровень исполнителей». Особенно она выделила примадонну З.Смирнову-Немирович с ее замечательным голосом и великолепной техникой исполнения. Кроме того, она «...красива, грациозна и как нельзя лучше соответствует этой роли». И, наконец, Гереб отметила игру «...выдающегося и непревзойденного комического актера Сергея Мартинсона»... *(«Помнишь ли ты...», с. 60).*

На экраны свердловских кинотеатров «Октябрь» (ныне «Колизей»), МЮД (ныне «Салют»), имени Маяковского, «Темп» фильм вышел 13 ноября 1945 г. Одновременно «Сильва» прошла в Нижнем Тагиле и Каменске-Уральском. Везде фильм принимался очень тепло.

Школа киноактера

Чтобы Свердловская киностудия не испытывала недостатка в актерах, при студии была организована Школа киноактера. Она была самой молодой в стране и единственной в РСФСР. Соответствующее постановление СНК СССР было принято 15 августа 1944 г., а сама школа была организована 21 августа 1944 г. *(Летопись... 2017. С. 910).*

Организацией киношколы занимались братья Дукор, Наум Аронович (директор) и Яков Аронович. Разрешено было набрать 20

Учащаяся киношколы Нина Чалова в фильме «Страницы жизни».

учащихся, хотя желающих учиться было гораздо больше.

Художественным руководителем киношколы стал известный режиссер и сценарист Александр Вениаминович Мачерет. Выбор Мачерета, видимо, был обусловлен тем, что на Ташкентской студии, где до этого он тоже занимал должность художественного руководителя, уже около года существовала подобная школа, и опыт Мачерета мог пригодиться в Свердловске. В апреле 1945 г. после отъезда из Свердловска А.В.Ивановского А.В.Мачерет стал еще и художественным руководителем всей киностудии.

Осенью 1944 г. на Свердловскую киностудию был направлен режиссер Ярополк Леонидович Лапшин, причем его сразу ориентировали быть помощником Мачерета. Поскольку Мачерет поначалу занимался только Школой киноактера, то он и взял Лапшина в киношколу своим ассистентом.

Учащиеся школы привлекались к киносъемкам еще во время учебы. Они участвовали в массовках, в эпизодических ролях, а Лидия Седова даже исполнила одну из основных ролей в фильме «Алмазы». Об этом позднее.

Преподавателями киношколы были: Г.А.Тушмалова (техника речи), Н.Орешкевич (танец), Н.В.Клементьев (история театра), Э.М.Арнольди (история кино), Я.Л.Лапшин, А.А.Лютова, Я.А.Дукор (актерское мастерство), И.Э.Кох (сценическое фехтование), и др. Кроме специальных дисциплин учащиеся проходили и общеобразовательные. Им обучали преподаватели УрГУ.

Позднее студенты с благодарностью вспоминали своих преподавателей, умело создававших хороший творческий настрой на этих занятиях.

В июле 1946 г. состоялся отчетный вечер студентов, окончивших второй курс киношколы. Были показаны отрывки из пьес Горького, Островского, Чехова, Катаева и из сценария американского кинодраматурга Ван Друтена. На сцене не было привычных декораций, только фанерная ширма, стол и табурет. Не было и занавеса, поэтому для следующего отрывка актеры перемещали мебель сами на виду у зрителей – так было задумано. Еще они выступали без грима и специальных костюмов. Тем не менее «...зрители с напряженным вниманием следили за игрой будущих киноактеров. Искусство их отнюдь не безупречно. Подкупали теплота и искренность переживаний, несколько наивная непосредственность» *(Мин).*

Журналист М.Мин отметил хорошую игру Нинель Кобиковой, Нины Чаловой, Сергея Богомолова, Клары Горбатенко, Лиды Седовой, Галины Квятковской, Николая Бадьева.

Через год после этого, в августе 1947 г., студенты выезжали в Москву, где в Театре киноактера показали 2-й акт пьесы М.Горького «Последние», старинный русский водевиль Владимира Сологуба «Беда от нежного сердца» и концертную программу, состоявшую из вокальных и танцевальных номеров.

Мастерство молодых актеров оценивала специальная комиссия в составе министра кинематографии СССР тов. Большакова, членов коллегии Министерства и ведущих творческих работников советской кинематографии. Выступление было признано удовлетворительным, все выступавшие получили «высокий отзыв», а Н.Бадьев, С.Богомолов, К.Горбатенко и Н.Чалова – отличную оценку *(Дукор).*

По воспоминаниям Я.Лапшина, двум выпускникам киношколы – Н.Бадьеву и С.Богомолову – режиссер С.А.Герасимов предлагал остаться в Москве в штате Театра киноактера, но они отказались, возвратились в Свердловск.

Чтобы занять выпускников делом, московская комиссия подняла вопрос о создании при Свердловской киностудии Театра молодого киноактера. С одной стороны, это была бы практика для выпускников и студентов киношколы, а с другой – спектакли этого театра могли бы посещать жители города. Но, увы, этого не произошло. Напротив, в 1948 г. в связи с ликвидацией производства игровых картин на Свердловской киностудии киношкола была закрыта.

Несмотря на то, что мало кто из окончивших школу потом работал в кино, обучение для них не прошло зря. Согласно Я.Л.Лапшину: «...большинство тех, кто получил подготовку в нашей Школе, прониклись любовью и интересом к искусству и находили себя в том или ином виде творческой деятельности» *(Лапшин, с. 17)*.

«Освобожденная земля» («Возрождение»)

Война нанесла огромный ущерб экономике нашей страны. В областях, освобождаемых от немецко-фашистских войск, требовалось восстановление практически всех объектов народного хозяйства. Краснодарскому краю в этом помогала Свердловская область. Возрождение Кубани после немецкой оккупации и помощь ей в этом Свердловской области стало темой второго фильма Свердловской киностудии, который так и назвали – «Возрождение».

Режиссером «Возрождения» стал Владимир Иванович Гончуков. Он окончил театральную студию им. Ермоловой и какое-то время работал режиссером и художественным руководителем Северо-Кавказского краевого и экспериментального театра. В январе 1937 г. В.Гончуков окончил двухгодичный факультет режиссуры типа Академии, существовавший во ВГИКе в 1935–1938 гг., после чего на Одесской киностудии снял три фильма. Так что опыт режиссерской работы у него был.

Осенью 1944 г. съемочная группа отправилась в Краснодарский край, в станицу Крымская (ныне – Крымск). Там уже шла подготовка к большим натурным съемкам. Планировалось провести съемки на юге до февраля 1945 г., и затем продолжить их в павильоне киностудии. Натура для съемок, как видим, зимняя. Что должны были возрождать герои фильма, и в чем состояла помощь Свердловской области – неясно. Неясно также кто входил в съемочную группу. Дело в том, что все у них пошло не так, как планировалось. В мае 1945 г. съемочная группа вместо запланированных съемок в павильоне оказалась в Подмосковье, в селе Софьино, расположенном недалеко от города Раменское. Возможно, это были какие-то досъемки. Жила группа там же, где снимали – в селе. А снятый материал возили проявлять на «Мосфильм». Смотрели снятое тоже на «Мосфильме», потому что в Софьино проекция была плохой. Гончуков радовался снятым кадрам, работал с энтузиазмом. Группа же воспринимала снимаемое не так восторженно, как режиссер. И неспроста. В Комитете по кинематографии посмотрели снятый материал и остановили съемки. Режиссера отстранили от работы, а съемочную группу отправили в Свердловск. Все оказалось не просто плохо, а очень плохо. По заключению Комитета группа завалила картину, была «...истрачена масса денег, нарушены все графики, а сняты лишь крохи, да и то с браком» *(Ватолин, с. 257)*.

Съемки остановили, виновных наказали. Видимо, в это время заменили директора студии. Изначально, как указывалось, директором был А.С.Шитов. Его поставили директором на время реконструкции Клуба строителей, потому что в 1944 г. во время съемок фильма «Сильва» директором был А.Г.Новицкий, занимавший до этого аналогичную должность на Ашхабадской киностудии. Можно предположить, что неудача с «Возрождением» привела к очередной замене директора – им стал Яков Михайлович Блиох, организатор кинопроизводства и кинорежиссер, в прошлом – комиссар Первой конной армии.

Просто отмахнуться от неудавшегося фильма «Возрождение» нельзя было, он затрагивал слишком важную на то время тему. Надо было фильм закончить. Новый сценарий написали достаточно опытные сценаристы – Зиновия Маркина и Дмитрий Тарасов (вероятно, они были авторами и первого варианта сценария). Зиновия Семеновна Маркина – первая советская женщина-кинодраматург, с отличием закончила сценарный факультет Государственного института кинематографии (ГИК). По ее сценариям (некоторые из них совместные с другими авторами) были сняты немало кинофильмов («Последний табор», «Комсомольск», «Дурсун» и др.). Дмитрий Львович Тарасов, писатель, поэт и сценарист, учился в сценарной мастерской киностудии «Межрабпомфильм» и на сценарном факультете ГИКа. Был одним из авторов сценария известного фильма «Валерий Чкалов».

В новом варианте сценария зимняя натура сменилась на летнюю. Теперь главной задачей колхозников стала вспашка земли для последующего посева зерновых. Изменилось и название фильма. Вместо «Возрождения» стала «Освобожденная земля». У картины появился новый режиссер – Александр Иванович Медведкин. Медведкин был известен как организатор кинопоездов и фронтовых киногрупп. Снимал он и документальное, и игровое кино, в котором преобладали комедийные короткометражки. В 1936 г. он снял полнометражный фильм о колхозной жизни «Чудесница». Видимо, поэтому Медведкина, как знакомого с колхозной тематикой, бросили спасать «Освобожденную землю». С новым режиссером группа вновь отправилась в станицу Крымская...

Суть фильма. Весной 1943 г. после изгнания немецко-фашистских захватчиков в кубанский хутор Веселый Яр возвращаются его жители. Окрестные поля заросли бурьяном, дома хутора разбиты,

Надежда Притуляк (арт. Э.Цесарская).

Дед Мулюк (арт. В.Ванин).

жить негде. Пользуясь случаем, председатель соседнего колхоза Коврыгин (арт. Сергей Калинин) предлагает жителям Веселого Яра переселиться в его село. Коврыгину нужны рабочие руки и у него есть пустующие дома. Но жители Веселого Яра отказываются переезжать («Дома и солома съедома» – говорит один из персонажей фильма, дед Мулюк). Жители хутора решают возрождать свой колхоз, который так и назвали – «Возрождение». Председателем колхоза выбрали Надежду Притуляк (арт. Эмма Цесарская). Начинается подготовка к посевной. Минеры освобождают поля от мин, женщины сжигают бурьян на полях. Потом с полей стаскивают оставленную со времен боев военную технику.

Землю надо вспахать, но тракторов для этого нет (на 78 колхозов района всего 6 тракторов), поэтому используют бороны, которые тащат чахлые лошадки. В ход пошли и лопаты, но много ли ими вскопаешь? В это время способный подросток Василек сумел запустить брошенную немцами танкетку, с помощью которой тоже вспахали часть земли. Но трактор все равно нужен. Проявляя чудеса настойчивости, дед Мулюк (арт. Василий Ванин) добивается у председателя райкома Костенко (арт. Александр Хвыля) выделения им трактора. Посевная проходит благополучно... К хуторским прибивается житель другого села – солдат Фома Игнатьевич (арт. Александр Денисов II), который влюбляется в Надежду Притуляк...

Самый яркий персонаж фильма – дед Мулюк. Он мудр, знает жизнь, умело помогает хуторчанкам справляться с житейскими трудностями. Так и сыплет пословицами и всегда к месту. Хотя во время просмотра не покидает ощущение, что Мулюка многовато, что все же не он должен быть центральной фигурой фильма. Хороша сноха деда Мулюка – Татьяна (арт. Вера Алтайская), живая и непосредственная. Убедителен председатель соседнего колхоза Коврыгин.

Эмма Цесарская в роли Надежды Притуляк выступила неважно. Она красива, у нее очаровательная улыбка. Но роль ею сыграна наспех, без проникновения в образ. Вот как Сергей Герасимов оценил игру Эммы Цесарской: «На нее падает большая политическая и человеческая нагрузка, но она справляется с ней схематично и наивно» *(Помнишъ ли ты... с. 73).*

**Секретарь райкома Костенко (арт. А.Хвыля)
и в небольшой роли – режиссер фильма А.Медведкин (слева).**

Татьяна (арт. В.Алтайская).

Фома Игнатьевич – солдат, фронтовик, отец двух детей. Его образ тоже получился малопривлекательным. Все вокруг работают, а он все в каких-то раздумьях и рассуждениях. То исчезает, то снова появляется. Очень резко по поводу роли Фомы Игнатьевича высказался Михаил Ромм: «Не понравился Фома. Как только появляется Фома, меня начинает корчить. Я не знаю, кто этот актер, но у него нет ни слова правды, настолько, что я его до половины картины считал врагом народа. <...> Вот, думается, сейчас подложит он колхозу свинью. И потом он влюбляется в Цесарскую». *(«Помнишь ли ты...», с. 75).*

Присутствие Фомы в фильме можно объяснить любовной линией между ним и Надеждой Притуляк. Но вот любовь сыграна ими плохо, не чувствуется между Фомой и Надеждой влечения друг к другу.

Несмотря на недостатки, на Художественном совете 28 марта 1946 г. фильм приветствовали. Было отмечено, что Медведкин картину спас, т.к. сценарий ее во многом был «беспомощным», а благодаря Медведкину в фильме появились «определенные характеры». В частности, положительно отозвался о фильме Сергей Герасимов: «...при всех <...> недостатках, которых в картине много, при робости режиссерского почерка (видно, что человек после долгого периода взялся за кинематографическое дело), при целом ряде несуразиц, которые есть в картине, все же от картины остается впечатление, как от картины важной и положительной». *(«Помнишь ли ты...», с. 73).*

Также на Художественном совете была отмечена хорошая операторская работа Тимофея Лебешева и Юрия Разумова.

Премьера фильма на киностудии прошла в малом просмотровом зале. Видимо студийцы ждали чего-то более значимого, т.к. большого впечатления просмотр не дал. На следующий день, по отзыву Н.Никитиной, многие ходили «кислые». Но в то же время и радовались, что студия выпустила еще один фильм.

В кинотеатрах «Освобожденная земля» появилась 22 июля 1946 г. Широкого проката не было. Возможно, «Освобожденную землю» показывали, в основном, в селах. «Освобожденную землю» дублировали на татарский язык, режиссером дубляжа являлся Я.Л.Лапшин.

«Сталинский Урал»
(«Неведомый Урал»)

Неудача с фильмом «Возрождение» (полная его пересъемка) заставила Кинокомитет задуматься над судьбой Свердловской киностудии. Студию создавали в сложное для страны время с тем, чтобы в 1943 г. начать съемки первых кинокартин. Например, на упомянутом выше заседании Бюро Свердловского обкома ВКП(б), проходившего 11 января 1943 г., было принято в том числе и следующее решение: «Для создания необходимых производственных условий на территории киностудии обязать горсовет в недельный срок рассмотреть вопрос о возможности прекращения трамвайного движения по ул. им. Луначарского с 1 мая 1943 года». *(«Помнишь ли ты...», с. 6).*

Это нужно было для того, чтобы шум трамваев не мешал съемкам. Т.е. в январе 1943 г. рассчитывали, что производство фильмов начнется в мае 1943 г. Увы, этого не произошло ни в мае, ни в июне... Съемки начались лишь через год, весной 1944 г., а первый фильм «Сильва» был готов весной 1945 г. «Сильва», как уже указывалось, подверглась резкой критике на Художественном совете при Комитете по делам кинематографии. А ситуация с «Возрождением» еще более усугубила положение студии. Производство игровых картин на ней явно не клеилось. Закрывать же студию нельзя было, ведь столько сил и средств было вложено в ее реконструкцию, а теперь что же, вновь переделывать в Клуб строителей?

Тогда Комитет, чтобы помочь Свердловской студии, решает передать ей часть научно-популярных фильмов с Новосибирской студии «Сибтехфильм». В июле 1945 г. вышел приказ Комитета по делам кинематографии: «В целях более полного и эффективного использования производственной базы Свердловской киностудии...» *(Ватолин, с. 257)*, в котором предусматривалось преобразование Свердловской студии в студию художественных, научно-популярных и учебно-технических фильмов. Понятно, что на пустом месте ничего не возникает, поэтому Новосибирская студия должна была оказать помощь в организации на Свердловской студии производства научно-популярных фильмов.

Первыми совместными фильмами Свердловской и Новосибирской студий должны были стать цветной полнометражный научно-популярный фильм «Неведомый Урал» («Нетронутый Урал») и технико-пропагандистский фильм «105 лошадиных сил». Сценарий «Неведомого Урала» написал Сергей Владимирский из Москвы. Режиссером назначили Караушева из Новосибирска, его ассистентом стала Алла Владиславовна Меницкая. Еще из Новосибирска для проведения подготовительных работ (для постройки макетов) приехали два художника-постановщика, один из них – Александр Филиппович Бурак. В 1946 г. Бурак переедет в Свердловск и станет известным свердловским художником. Группе «Неведомого Урала» выделили весь третий этаж Свердловской киностудии. В фильме планировались игровые сцены, поэтому сразу подобрали актеров.

Фильм должен был быть цветным, а цвет тогда был в диковинку, его еще надо было осваивать. Сделать это могли только москвичи. Вот что по этому поводу сообщала газета «Уральский рабочий»: «В ближайшее время начнутся съемки научно-популярной цветной кинокартины "Неведомый Урал". Вчера в Свердловск из Москвы прибыла часть творческого коллектива фильма. Пробные съемки по освоению новой цветной многослойной пленки дали очень хорошие результаты. Для пробы были засняты уральские камни – друза кристаллов горного хрусталя, ку-

ски красивой яшмы, малахита и другие» *(«Уральский рабочий» от 1 ноября 1945 г.).*

Планы, как видим, радужные. Но опять случилось непредвиденное. Начались съемки, и тут режиссер Караушев запил, да так серьезно, что заболел, и о продолжении работ с ним речи быть не могло. Нашлись и другие недочеты. Забраковали сценарий, в котором было много места уделено прошлому Урала, и совсем немного его нынешней мощи. В результате фильм законсервировали, построенные декорации разобрали. Сценарий долго переделывали, и возвратились к нему только в 1947 г. Снимать надо было заново. За съемки взялся режиссер, венецианский лауреат, Михаил Степанович Каростин. Фильм надо было закончить к 30-летию Октября, времени оставалось немного, поэтому Каростину дали сразу три съемочные группы. Естественно, ничего хорошего из этого не вышло. Фильм, который переименовали в «Сталинский Урал» сделать к сроку успели, но потом о нем никто не вспоминал.

В 1946 г. поменялся статус новосибирской студии «Сибтехфильм», она из студии научно-популярного и учебного кино стала просто студией учебных фильмов. Научно-популярные фильмы изымались у нее в пользу Свердловской киностудии *(Ватолин, с. 256)* Хотя студия «Сибтехфильм» продолжала их выпускать и с большим успехом. Правда, только до 1948 г.

«Крылатые кони»

Организаторы киношколы – братья Дукор – в Свердловск приехали из Армении. До этого Яков Аронович Дукор окончил режиссерский факультет (1933) и аспирантуру (1935) ГИКа. После чего работал на киностудиях Одессы, Баку и Еревана. Был сорежиссером известного армянского режиссера Амо Ивановича Бек-Назарова на фильмах «Зангезур», «Сабухи», «Давид-бек».

Особенно сложным в постановочном отношении был фильм «Давид-бек», посвященный героической борьбе армянского народа за независимость страны от персов. А.И.Бек-Назаров очень хорошо отзывался о Я.А.Дукоре: «Большую творческую помощь в постановке картины “Давид-Бек” оказали мне режиссеры А.Мартиросян и Я.Дукор. Благодаря их неутомимому труду хорошо были организованы сложные батальные сцены» *(Бек-Назаров, с. 230).*

Наум Аронович Дукор (в содружестве с другими режиссерами) тоже поставил несколько кинофильмов на Ереванской киностудии.

Примерно в середине 1944 г. братья Дукор оказались на Свердловской киностудии. Здесь они занимались, как уже указывалось, организаторской и педагогической деятельностью, работали над сценарием фильма «Директор большого завода».

А в конце 1945 г. Дукорам представилась возможность снять игровой фильм под названием «Крылатые кони» по мотивам сказа П.П.Бажова «Иванко Крылатко». Дукоры являлись и авторами сценария. Было определено, что музыку к фильму будет писать композитор Н.Богословский («Два бойца», «Александр Пархоменко» и др.), а главным художником фильма была приглашена В.Хмелева, оформлявшая до этого фильм «Радуга». Съемки планировались как в павильоне, так и натурные в Свердловске и его окрестностях, где «...должны воспроизвести старинные русские гулянья» *(«Уральский рабочий» 1945. 1 ноября).*

Дукоры начали съемку, размахнувшись очень широко. Газета «Уральский рабочий» сообщала о непомерно больших тратах на этом фильме: «...для съемки в кинокартине “Крылатые кони” <...> приглашалась из Москвы балетная пара, которой за 4 танца продолжительностью в 9 минут было уплачено 40 тысяч рублей и отдельно балерине Надеждиной за руководство этими танцами 30 тысяч рублей.

За музыкальное оформление по этой же картине (хору и оркестру) – 54 тысячи рублей.

Учащаяся киношколы Кларисса Горбатенко, проба для кинофильма «Крылатые кони».

За пошив 4 дамских костюмов, одной венгерки, бешмета и кителя было уплачено свыше 20 тысяч рублей» *(Гезенцвей).*

И это при средней зарплате рабочего в то время – 550 рублей в месяц!

Как и планировалось, кроме павильона, группа несколько раз выезжала на натурные съемки. А после этого картину неожиданно закрыли. Причина, вероятно, заключалась в следующем. Как раз в это время в советском кинематографе наметился курс на увеличение фильмов на современную тему. А в тематическом плане на 1946/47 гг. этому направлению, по мнению работников УПиА, отвечали далеко не все фильмы – в нем присутствовали малосодержательные картины «...на мелкие бытовые темы», было немало фильмов с сюжетами далекими от современности, а также имело место «...чрезмерное увлечение экранизацией различных литературных произведений».

По инициативе начальника УПиА Г.Ф.Александрова 20 мая 1946 г. И.В.Сталину была направлена докладная записка. В ней предлагалось исключить из производства 15 кинокартин, добавив в него 19 других на современную тему. На основании этой записки 17 июня 1946 г. Совет министров СССР исключил из темплана 16

картин, добавив в него всего одну *(Летопись... 2010, с. 18–21)*.

В число закрытых кинокартин, похоже, попали и «Крылатые кони». Подтверждение этому находим у П.П.Бажова. В письме уральскому краеведу В.П.Бирюкову от 8 августа 1946 г. Павел Петрович писал о том, что «...сказка, да и вообще старина, на сегодня в кино успехом не пользуется. Весной вон сняли по стране 26* таких сценариев, уже бывших в работе. Сюда и мои “Крылатые кони” залетели. Имею, значит, личный опыт. “Ермаковы лебеди” тоже не доплыли» *(Бажов, с. 384)*.

Вообще у П.П.Бажова получился неудачный опыт работы с киностудией. В конце 1943 г. в планах киностудии значилась постановка фильма «Каменный цветок». Руководитель сценарного отдела студии В.Г.Лебедев-Шмитдгоф сообщал о ней в своей статье: «П.Бажов и И.Келлер закончили литературный сценарий фильма “Каменный цветок” по одноименному сказу лауреата Сталинской премии П.Бажова. Написанный на материале поэтических и глубоко-философских сказов “дедушки Слышко”, сценарий представляет исключительный интерес» *(Лебедев-Шмитдгоф)*. Тем не менее, сценарий «Каменного цветка» из Свердловска ушел в Москву, где его в 1946 г. поставил режиссер Александр Птушко.

Следующей работой П.Бажова стал сценарий «Сказ о Ермаке» по сказу «Ермаковы лебеди», который готовился ставить режиссер П.П.Петров-Бытов. Он же написал режиссерский сценарий. Но студия в апреле 1945 г. отклонила сценарий на том основании, что для фильма нужен Ермак исторический, а не по сказу. На что П.П.Бажов заметил: «Говорится серьезно, в расчете на невежество в этом вопросе. Ведь не все знают, что о Ермаке у наших историков грызня и ни одного солидного исследования» *(Бажов, с. 233)*.

И, наконец, невеселая история с фильмом «Крылатые кони», правда, в прекращении работы над которым студия, похоже, не была повинна.

Тем не менее, когда В.П.Бирюков обратился к Павлу Петровичу с вопросом, можно ли ему предложить тему Свердловской киностудии, тот ответил отрицательно, посоветовал сразу же обращаться в Москву. Мотивировал он это следующим: «...новому предложению обрадуются, но обольщаться этим не следует: местные авторы, видимо, нужны больше для учета и прикрытия своей лавочки. Поговорят, поканителятся, даже денег сколько-нибудь дадут, а ставить будут “Сильву” или что-нибудь столь нужное... какому-нибудь соответствующему, с которым давно условлено. Наши тут чуть не всё давно испытали и бросили. Либо “Москва не утвердит”, либо там окажется “идентичный сценарий, сделанный более опытной рукой”, либо отдадут на переделку какому-нибудь сих дел мастеру, а тот и доведет до совершенства, т.е. деньги получит и за пьесу не отвечает, т.к. она не пойдет» *(Бажов, с. 384)*.

«Алмазы»

Третий фильм Свердловской киностудии решено было снимать на местном, уральском материале. Был выбран роман «Волшебный камень» уральского писателя Николая Асанова, вышедший из печати в 1945 г. По своему роману Асанов написал сценарий, названный «Алмазы». Увы, сценарий получился с недочетами, т.к. у Асанова не было опыта сценарной работы. Сценарий долго обсуждали и на студии, и в других инстанциях, видимо, пытаясь его улучшить. Наконец фильм запустили в производство. Начинали его два режиссера – Александр Оленин и Евгений Некрасов, которых вполне можно назвать дебютантами.

Александр Борисович Оленин в 1927–1935 гг. был режиссером и художественным руководителем театров Иваново-Вознесенска, Оренбурга, Москвы. В 1938 г. он окончил во ВГИКе двухгодичный режиссерский факультет типа Академии. Этот же факультет годом позже окончил Евгений Некрасов. Однако опыта самостоятельной работы в кино у них практически не было. В 1941 г. с режиссером Иваном Мутановым Александр Оленин снял одну из новелл «Боевого киносборника № 1». Режиссером другой новеллы этого же киносборника стал Евгений Некрасов. Теперь судьба соединила их на «Алмазах».

Съемки «Алмазов» начались в павильоне, вероятно, во второй половине 1946 г., после чего группа отправилась на Алтай. Руководство студии объяснило выбор Алтая тем, что в картине должен быть обвал, а на Урале он невозможен. «Громоздкая экспедиция с оборудованием, с большим штатом вспомогательного персонала долгое время жила на Алтае. Фильм снимался несколько раз. Браковались одни варианты, создавались другие», – так описывал эту поездку журналист М.Меньшиков. В конце концов, съемки признали неудачными и Е.Некрасова от съемок отстранили. Директор киностудии Я.Блиох добился того, чтобы к фильму добавили другого режиссера – И.К.Правова.

У Ивана Константиновича Правова был большой послужной список режиссерской работы: «Бабы рязанские», «Тихий Дон», «Степан Разин» и др. Большинство фильмов он снимал в содружестве с первой женщиной-режиссером российского кино Ольгой Ивановной Преображенской. Она была преподавателем И.Правова в киношколе, из которой потом вырос ВГИК. В 1941 г. Правова арестовали и репрессировали на 10 лет. В 1945 г. его перевели режиссером в свердловский ТЮЗ, где он поставил несколько спектаклей. А теперь Правова привлекли для съемок «Алмазов».

И.Правов и А.Оленин начали съемки заново. События в фильме развиваются следующим образом. Во время войны в Красногорск, находящийся на севере Урала, прилетает геолог Сергей Нестеров (арт. Всеволод Санаев). Еще до войны Нестеров занимался здесь, на реке Ним, поиском алмазов. Тогда поиски ничего не дали. Но у Нестерова осталось твердое убеж-

* В источнике указано 26 закрытых кинокартин, что неточно. С производства было снято 16 картин *(Летопись... 2010, с. 21)*.

Варвара Меньшикова (арт. Н.Алисова) и Сергей Нестеров (арт. В.Санаев).

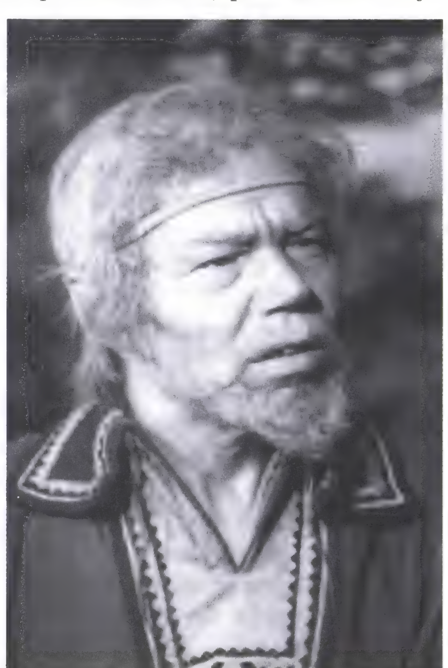
дение, что алмазы в пойме реки Ним есть. В годы войны Нестерова призвали в армию, он воевал под Сталинградом. В это время стране понадобились алмазы, поэтому Нестерова отозвали с фронта и направили в Красногорск с предписанием их поиска.

До приезда Нестерова в Красногорском районе работала поисковая экспедиция, которая алмазов не нашла, может и не сильно хотела. Руководитель экспедиции Борис Палехов (арт. Евгений Агуров) стремится сделать себе имя в научном мире. Для этого ему надо открыть месторождение. Хотя бы и алмазов. Но в Красногорском районе, как оказалось, сделать это очень сложно, может быть и невозможно, поэтому Палехов настаивает на том, чтобы прекратить здесь поиски и отправиться на Алтай, где открыть какое-либо месторождение будет гораздо проще.

Варвара Меньшикова (арт. Нина Алисова) – невеста Нестерова. Она – геолог, заместитель Палехова. Она, как и Палехов, считает, что в Красногорском районе алмазов нет, поэтому поиски их следует прекратить. И чем быстрее это произойдет, тем быстрее они уедут в другой район поисков.

Но Нестеров не согласен с Палеховым и Меньшиковой. Он горит желанием отправиться на реку Ним. Нестерова поддерживает секретарь райкома Игнатий Саламатов (арт. Василий Ванин). Он давно знает Нестерова и уверен, что тот добьется своего. А вообще, Саламатов поддерживает любые изыскательские работы, он надеется, что на открытом в Красногорском районе месторождении можно будет построить завод и провести к нему железную дорогу. Саламатов озабочен промышленным развитием своего района.

Палехов вынужден подчиниться предписанию, которое привез Нестеров из Москвы, и пообещать продолжить поиски алмазов. Нестеров уходит на реку Ним, вслед ему должен отправиться обещанный Саламатовым обоз с поисковой партией. Пока не пришел обоз, Нестерову в поисках алмазов помогает лесничиха Христина, роль которой исполнила учащаяся киношколы Лидия Седова. Обследуя одно из ущелий, Нестеров попадает под обвал, и Христина спасает его...

Филипп Ильяшев (арт. И.Максимов-Кошкинский).

Сергей Нестеров (арт. В.Санаев) и Христина (арт. Л.Седова).

Несмотря на обещание, Палехов всячески тормозит отправку обоза. Он уезжает в Москву и оттуда присылает Меньшиковой телеграмму о задержке обоза. В это время местный житель Филипп Ильяшев показывает Меньшиковой найденный его предками алмаз. Впечатленная алмазом, несмотря на телеграмму Палехова, Меньшикова берется вести обоз на Ним. Когда обоз приходит на реку Ним, Христина покидает место поисков.

Все лето Нестеров и Меньшикова ведут поисковые работы, но они ничего не дают. Отчаявшись, Меньшикова отказывается от дальнейших поисков и уводит основную часть работников с Нима. Она окончательно уверовала в отсутствие алмазов и фактически порывает с Нестеровым. В это время к Нестерову возвращается Христина и вместе они находят подземную реку и алмазы в ней...

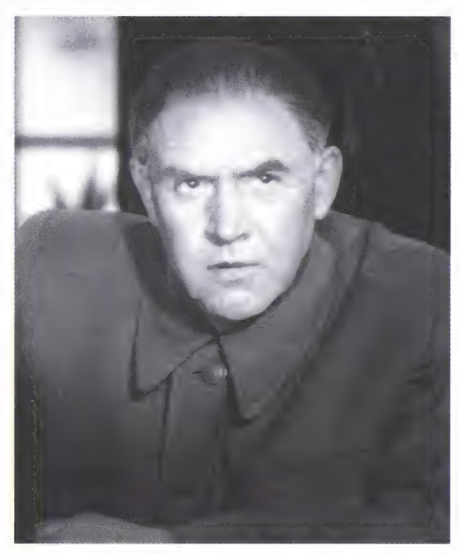
К сожалению, как уже указывалось, сценарий фильма был разработан недостаточно хорошо. Например, из фильма непонятно, почему Нестеров так уверен в наличии алмазов в пойме реки Ним. Не понял мотивов поступков Нестерова и журналист М.Меньшиков: «У геолога Нестерова, основном герое картины, нет твердой научной почвы под ногами. Все свои предположения он строит на песке».

В фильме Нестеров приводит доводы в пользу своего предположения, но Палехов их легко парирует. Так что, действительно, научной основы в его доводах мало. А вот в первоисточнике, в романе Асанова, на совещании в Москве, Нестеров, перед отправкой его в Красногорск, убедительно доказывает возможность наличия алмазов в пойме реки Ним, причем именно с научной точки зрения. А вот в фильме этого нет.

Непростая задача была у Алисовой. Ее героиня, Варвара Меньшикова, любит Нестерова, но она не верит в успех розыскных работ и активно противится их проведению. Изобразить на экране столь противоречивые чувства Алисовой было очень сложно. Вот что пишет по этому поводу киновед А.Калентьева в очерке о творчестве Н.Алисовой: «В работе над ролью Алисова идет всегда от жизни. Но когда сценарный материал роли далек от жизни, тогда неудача актрисы предопределена. Так случилось в фильме "Алмазы", где актриса сыграла роль геолога Варвары Меньшиковой, упрямо не верящей (по непонятным зрителю причинам) в счастливый исход поисков алмазов на Урале. В тяжелые дни для изыскателей она покидает экспедицию. Актриса отыгрывает на внешнем обаянии. Но и оно не в силах было скрыть фальшивую и противоречивую схему характера героини» *(Калентьева, с. 36)*.

Но если мы снова обратимся к роману Н.Асанова, то станет понятна противоречивость поведения Варвары Меньшиковой. Дело в том, что Меньшикова попала не в свою стезю. Романтика геологоразведочной работы обернулась для нее непредвиденными трудностями. Она устала. Она хочет уехать из Красногорска в Москву, но не одна, а с любимым, с Нестеровым. Кроме того, Меньшикова действительно не верит в успех поисков. Поэтому она столь активно поддерживает Палехова. Меньшикова надеется, что поиски алмазов будут закрыты, и они с Сергеем уедут отсюда. Меньшикова думает о собственном счастье.

Все это есть в романе, но отсутствует в фильме. Отсюда и недоумение зрителей по поводу нелогичных поступков героев фильма...

Игнат Саламатов (арт. В.Ванин).

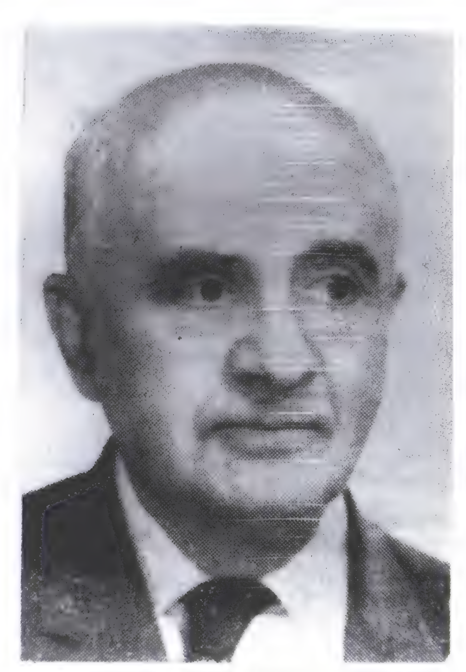

Борис Палехов (арт. Е.Агуров).

Оператором «Алмазов» стал Александр Сигаев, совместно с Александром Ксенофонтовым снявший знаменитого «Чапаева». Было у него много и других работ и самостоятельных, и совместных с другими операторами. Вторым оператором, как и на «Освобожденной земле», был Юрий Разумов. Звуком фильма занимался опытный Евгений Нестеров, звукооператор одного из первых звуковых фильмов – «Путевка в жизнь».

Отрицательно на качестве фильма сказалось отсутствие единства в работе И.Правова и А.Оленина. Видимо, они были слишком разными по своим творческим устремлениям. Об Оленине отзывались, как о патриоте, о партийном человеке, но в творческом отношении он был не очень. Правов не был удовлетворен «Алмазами», позднее он не любил вспоминать и сам фильм, и работу над ним, мотивируя тем, что снимал его не один.

Не получилось у Правова и слаженной работы с монтажером фильма Радионовой. По воспоминаниям очевидцев у Правова был очень тяжелый нрав, и он часто ссорился с Радионовой. О сложной обстановке на картине узнал директор киностудии Я.М.Блиох, но и он не смог добиться мирной работы, а менять режиссера или монтажера было поздно, надо было заканчивать картину.

Режиссер А.В.Мачерет.

После окончания фильма Радионова уехала в Ленинград, на «Ленфильм», место ее довоенной работы. Причем, она уехала последней, остальные ленфильмовцы отправились домой сразу после снятия блокады Ленинграда...

Прокат «Алмазов» начался 8 декабря 1947 г. В целом, у фильма много недостатков. Тем не менее, с интересом можно наблюдать за персонажами фильма – как они отстаивают свои позиции, как идет к своей цели геолог Сергей Нестеров. В Свердловске фильм прошел хорошо, публика его приняла. Надо думать, хорошо он прошел и в других городах. Хотя, все же, заметными в истории кино «Алмазы» не стали.

«Страницы жизни»

Как уже упоминалось, художественным руководителем Свердловской киностудии с апреля 1945 г. являлся режиссер Александр Вениаминович Мачерет. У Мачерета был непростой путь в кино. Сначала он учился в Парижском и Московском университетах, работал юристом, был режиссером «Синей блузы» и только в 1932 г. (а было ему в то время уже 36 лет) взялся за постановку игровой кинокартины. Свой первый фильм «Дела и люди» Мачерет снимал на строящемся Днепрогэсе. После этого Мачерет снял еще шесть игровых кинофильмов и написал несколько сценариев. Один из них был очень успешным – сценарий фильма «Летчики».

И вот теперь Мачерет попал на Свердловскую киностудию. Можно предположить, что ему предлагали снимать и «Освобожденную землю», и «Алмазы», но он отказывался. По воспоминаниям Я.Лапшина, Мачерет не торопился снимать свой фильм, видимо, не очень доверяя новой студии. Потом все же приступил к съемкам кинофильма «Когда небо синее» по мотивам пьесы К.Симонова «Так и будет», но не закончил его. Фильм закрыли. Хотел экранизировать повесть Валентина Катаева «Сын полка», но потом отказался от этого.

Третьей попыткой Мачерета стал сценарий по роману В.Катаева – «Время, вперед!» и нескольким его послевоенным рассказам. Сценарий согласно титрам написал совместно с Катаевым, хотя Лапшин в воспоминаниях упоминает о том, что сценарий писал только Мачерет. Писался сценарий долго, и только летом 1947 г. Мачерет приступил к съемкам.

В фильме с рабочим названием «Трудовая жизнь» (в прокате – «Страницы жизни») во время первой пятилетки деревенская девушка Нина Ермакова впервые приходит на стройку. Она поражена и восхищена размахом строительства. Начав работать электросварщицей, Нина вскоре понимает, что ей необходимо учиться. Закончив институт, становится инженером. Ее мужем стал опытный инженер-строитель Хомутов. В годы войны он гибнет на фронте. После войны при восстановлении листопрокатного цеха Нина использует идею своего мужа и добивается успеха...

В фильме три главные роли. Актеры, которых Мачерет пригласил на эти роли, были театральными. Инженера Хомутова играл Виктор Хохряков, актер Московского драматического театра им. Гоголя. Он только начинал карьеру в кино, это был его четвертый фильм. Нину Ермакову, новичка на стройке, а затем инженера сыграла артистка Малого театра Татьяна Еремеева. Артистка театра им. Ленкома Наталья Кутасина сыграла роль бригадира Дуси Никифоровой. Т.Еремеева и Н.Кутасина впервые снимались в кино.

Участвовали в фильме и студенты киношколы – Николай Бадьев, Сергей Богомолов и Нина Чалова.

В съемочную группу Мачерет подобрал специалистов, которых знал и которым доверял. С москов-

Инженер Хомутов (арт. В.Хохряков) и Нина Ермакова (арт. Т.Еремеева).

ским художником-постановщиком Владимиром Каплуновским и вторым режиссером Евгением Брюнчугиным Мачерет работал на своей предыдущей картине «Я – черноморец», снятой совместно с режиссером В.Брауном в 1944 г. на Ташкентской киностудии. С художником Петром Бейтнером, отвечавшим за строительство декораций, Мачерет участвовал в 1936 г. в фильме «Родина зовет». Оператор Михаил Каплан был из Ленинграда, вторым оператором стал свердловчанин Константин Дупленский, выпускник ВГИКа, фронтовой оператор.

Своим ассистентом Мачерет взял Лапшина, и тому на съемках досталось по полной: «Тогда не существовало деления на ассистентов по площадке, актерам, реквизиту. Я был один, хотя сейчас у нас бывает, как минимум три-четыре ассистента. Мачерет со свойственной ему прямотой сказал: "Слушай, Ярополк! Я жену свою зачисляю ассистентом по костюмам, но работать она не будет, ты сам понимаешь, это тоже ляжет на тебя". Я сразу окунулся в довольно трудную, большую работу. Это была серьезная школа» *(Лапшин, с. 10)*.

Натурные съемки проходили летом 1947 г. в тех же местах, где Мачерет снимал свой первый фильм «Дела и люди» – на Днепрогэсе, близ Запорожья. Натурной площадкой стал завод «Запорожсталь», который в это время восстанавливали военнопленные. Жила группа в деревне, расположенной недалеко от плотины Днепрогэса и острова Хортица.

Вспоминает Т.Еремеева: «Я вылетела в Запорожье, снималась там два месяца. Видела своими глазами руины цехов "Запорожстали". При мне была задута первая восстановленная домна, при мне был пущен прокатный стан, по которому побежал первый огненный лист стали, и я даже была снята на митинге, посвященном этому событию, – "Запорожсталь" возрождалась» *(Еремеева, с. 145)*.

Потом в Свердловске снимали зимнюю натуру. Здесь Т.Еремеева в чем-то повторила участь З.Смирновой-Немирович, тоже, как и она, летая в Москву и обратно. «Потом пришлось летать на зимнюю натуру в Свердловск, в морозы и пургу, сниматься там по двенадцать часов, и ночами, каждый раз отпрашиваясь в театре для этих отлучек, и сломя голову нестись в обратный путь на аэродром» *(Еремеева, с. 145)*.

Дуся Никифорова (арт. Н.Кутасина).

Когда съемки подходили к концу, снятый материал посмотрели в Комитете и, как и на предыдущих фильмах Свердловской киностудии, забраковали его. Высокое начальство не устроило наличие в фильме в большом объеме ручного труда – тачки, лопаты... Им хотелось показа труда механизированного. Попросили переписать часть сценария, относящуюся к первой пятилетке.

В сценарий внесли изменения, и новые съемки провели под Москвой, на станции Расторгуево и недалеко от Горок Ленинских. Работниц, таскавших тяжелые тачки, заменили на электросварщиц. Ночную натуру снимали на «Мосфильме». Как проходили съемки, вновь узнаем у Т.Еремеевой: «...начались те запланированные ночные съемки, от которых я не имела права отказаться. Я металась то на станцию Расторгуево на ночную натуру, то на "Мосфильм" – всегда ночью; я изнемогала от усталости, и мозг мой жаждал сна. Страдала не только моя роль в театре, страдала и моя роль в кино. Сниматься с усталым, воспаленным от ежедневного грима лицом, с покрасневшими от бессонной ночи глазами, так же как и играть в театре после ночных съемок – тяжело» *(Еремеева, с. 146)*.

Но пересъемка, похоже, произошла не только из-за показа ручного труда, потому что руководство Комитета на этом не остановилось. В помощь Мачерету дали известного режиссера Бориса Васильевича Барнета. За Барнетом шла слава режиссера, вытягивающего слабые сценарии. Видимо, здесь был такой же случай. Это не понравилось ни Мачерету, ни Барнету. Мачерету не хотелось допускать к своим задумкам кого-то другого, а Барнет привык вытягивать фильмы в одиночку. Так что ни о какой слаженной работе речи не было.

Какой вклад в фильм внес Барнет, сказать трудно. Лапшин упоминает, что Барнет относился к картине небрежно. Между Мачеретом и Барнетом возникали конфликты, т.к. зачастую они не могли выработать совместных решений. Хотя сам Мачерет не отрицает положительного вклада Барнета: «Картина не получилась, действительно, – вспоминает Александр Вениаминович Мачерет, – хотя была она без вранья, честная. Я не был в обиде на Барнета – он много придумал хорошего, по-режиссерски интересного, он свое дело сделал» *(Кушниров, с. 196)*.

Учащийся Школы киноактера Н.Бадьв в роли Моси в фильме «Страницы жизни».

Не способствовали нормальной работе группы и частые задержки с зарплатой. По свидетельству Лапшина, задержки могли быть в месяц или два...

Но вот наступил этап монтажа картины. Как уже упоминалось, монтажер трех предыдущих фильмов Свердловской киностудии Екатерина Радионова после трудной работы с Правовым над «Алмазами» из Свердловска уехала. Ее место на «Страницах жизни» занял Яков Евгеньевич Харон. О Хароне отзывалась, как о замечательном кинематографисте – он умел все, он мог быть и режиссером, и звукооператором и монтажером. Монтаж картины шел на студии Горького и шел почти год, начиная с ноября 1947 г. Вероятно, в это время были и пересъемки, и досъемки. На экраны фильм вышел 24 декабря 1948 г.

Фильм, увы, не получился, это признавал и режиссер фильма А.В.Мачерет. Актриса Т.Еремеева тоже была не в восторге: «К сожалению, фильм наш не отразил всей значительности этого огромного созидательного процесса. И хотя встретилась я в работе с двумя очень интересными людьми – режиссерами А.В.Мачеретом и Б.В.Барнетом – у которых многому научилась, мне на память о фильме остались только огорчения» *(Еремеева, с. 145)*.

На киностудии «Страницы жизни» восприняли даже хуже, чем «Освобожденную землю» и «Алмазы». Это был последний фильм Свердловской киностудии 40-х годов. Производство художественных фильмов на Свердловской киностудии на время прекратилось.

* * *

Общественность Свердловска приветствовала появление киностудии, интересовалась положением дел на ней. Отвечая на запросы жителей города, в «Уральском рабочем» выходили статьи, в которых описывалось, как проходит реконструкция Клуба строителей под киностудию, рассказывалось о планах нового учреждения культуры, читатели узнавали о ходе съемок «Сильвы» и многое другое. И в дальнейшем «...свердловская общественность оповещалась о планах и перспективах работы киностудии, а руководящие работники студии неоднократно выступали с обещаниями и интервью на этот счет. Общество терпеливо и доверчиво относилось к этим заявлениям» *(Гезенцвей)*.

Но время шло, а зримых результатов не было. И вот в начале 1947 г. вышла уже критическая статья. В ней автор, журналист Л.Гезенцвей, привел немало нелицеприятных фактов о киностудии. Сначала он оценил уже вышедшие фильмы и не в лучшую сторону. «Дебютировала киностудия неудачно, выпустив в 1944 г. кинокартину "Сильва", с которой долго вообще не знали, что делать и, очевидно, лишь из-за коммерческих соображений выпустили на периферийные экраны». «Освобожденную землю» автор определил как «...легковесное кинопроизведение, во многом грешащее против правды жизни».

В это время шли съемки фильма «Алмазы». Гезенцвей высказался и по их поводу: «Сейчас в студии работают над картиной "Алмазы"; кстати, это – единственная картина, которую снимают. Картина должна быть готова к сентябрю 1947 г. Павильонные съемки заканчиваются, скоро начнутся съемки на натуре. Но уже известно, что многое заснятое является браком и подлежит пересъемке» *(Гезенцвей)*.

В произошедшем автор обвинил художественного руководителя студии А.В.Мачерета, который, по словам Л.Гезенцвея, не оказывал никакой творческой помощи режиссерам А.Оленину и Е.Некрасову в их первой большой самостоятельной работе.

Тут же автор статьи, наверное, справедливо затронул еще один важный вопрос – почему на студии нет Художественного совета? Если на самой студии нет соответствующих творческих кадров, то такой совет можно было бы создать из ведущих творческих и общественных работников Свердловска. Но чтобы это был только консультативный орган.

Не понравилась автору и незаинтересованность студии в работе с местными писателями, потенциальными сценаристами – К.Филипповой, Н.Поповой, И.Ликстановым, К.Мурзиди, Ю.Хазановичем, О.Марковой. Студия, по его словам, ориентируется только на «маститых» московских сценаристов.

Часть статьи Гезенцвей посвятил фактам разбазаривания средств и финансовым злоупотреблениям. К приведенным выше фактам чрезмерных трат на фильме «Крылатые кони» можно добавить, что на фильме «Освобожденная земля» для пошива обычной колхозной одежды «...в Краснодарский край из Москвы вызывалась специальная моделистка, которая обошлась студии в 25 тысяч рублей» *(Гезенцвей)*.

Неплохо, согласно Гезенцвею, устроились руководители студии. Они проживали в квартирах, принадлежащих студии, не платя ни за жилплощадь, ни за коммунальные услуги. Все это ложилось на бюджет студии. Два года числилась библиотекарем Новицкая, жена бывшего директора киностудии, при этом никакой библиотеки на студии не было. А со столовой ОРСа у руководства студии вообще сложилась замечательная дружба. Зав. производством этой столовой Вольф являлся еще и администратором кинокартины «Крылатые кони». Официантка Панфиленок состояла на должности помрежа. Буфетчица столовой Рязанова числилась составителем химических растворов.

В конце статьи автор возвратился к насущным проблемам студии: «...студия должна быть серьезно укреплена творческим и техническим персоналом – режиссерами, операторами, звукооператорами и т.д., а также оснащена необходимой аппаратурой, т.к. нынешняя отстает от современных требований» *(Гезенцвей)*.

Приятного мало. В то же время следует отметить, что и на других студиях были сложности и со сценариями, и с качеством выпускаемых фильмов. Известны приватные высказывания ведущих кинематографистов СССР, кото-

рые они вряд ли бы озвучили официально, но которые выражают их истинную точку зрения на ситуацию в кино в то время.

Например, писатель и сценарист, директор Сценарной студии Д.И.Еремин признавался в том, что в наше время «...гениальные произведения и художники невозможны, так как творить о том, что хочется, запрещается, а рамки разрешаемого настолько узки, что в них ничего не создашь путного. За последние годы нет ни одного выдающегося сценария».

Киносценарист Н.В.Рожков: «В нашей кинематографии работать с каждым днем становится все хуже и хуже. <...> Сейчас в кино занято 10–15 сценаристов, работают они медленно и плохо. Тематика – неинтересная, и большинство из них заранее знает, что их вещи ставиться не будут».

Режиссер И.А.Пырьев: «Современной темы в нашей кинематографии не существует. Все боятся за нее браться, и в первую очередь сам Большаков. Не так повернешь тему, не тому угодишь, не так будет поставлен вопрос – и вы сталкиваетесь с запрещением вашего сценария» *(Летопись... 2010, с. 13)*.

К этому можно добавить отмечаемую многими плохую организацию производства на киностудиях и дефицит квалифицированных кадров среднего звена. В таких условиях ведущие режиссеры старались не испытывать судьбу и всячески уклонялись от новых постановок. Режиссер Ю.Райзман: «Когда я себе представляю, что мне нужно скоро снимать фильм в существующих условиях, я содрогаюсь от ужаса. Хорошую картину – снять трудно, плохую не хочется» *(Летопись... 2010, с. 12)*.

Возвратимся к Свердловской киностудии. Видимо, после статьи Л.Гезенцвея мало что изменилось на ней, потому что через год, в январе 1948 г. появилась еще одна критическая статья. Ее опубликовал в газете «Комсомольская правда» журналист М.Меньшиков. В статье «Сильву» Меньшиков назвал унылым и бесцветным фильмом, «Освобожденную землю» и «Алмазы» – художественно беспомощными.

Далее Меньшиков раскритиковал сценарный отдел за неумение работать с потенциальными авторами сценариев и за неумелую финансовую политику. В частности, в статье он писал: «За четыре года многие лица побывали в отделе. И большинство из них остались довольны радушным приемом и щедрой оплатой. Студия выдавала авансы под плохие сценарии, платила за негодные либретто. Кто только здесь не брал денег! <...> Но из 19 сценариев принято было всего три, остальные забракованы. <...>

Художественный руководитель Мачерет по своему сценарию долгое время снимал картину “Когда небо синее”. Потом сценарий признали неудачным, и картину сняли с производства, составив оригинальную мотивировку: “по тематическим соображениям”. Никто оказывается не виноват, виновата тема. А как же быть с деньгами, затраченными на картину, т.е. выброшенными на ветер? <...>

Около двух миллионов рублей уплатила студия людям, которые участвовали в съемках фильмов, так и не появившихся в свет, писали сценарии картин, которые так и не были поставлены. Недаром Свердловскую киностудию называют самым нерентабельным предприятием Урала» *(Меньшиков)*.

В заключении статьи Меньшиков затронул и Министерство кинематографии, которое по его мнению, знало «...что фильмы студии убоги в идейном отношении, что у нее твердого репертуарного плана...», но никак не реагировало на непорядки на студии. И что в первую очередь этим должен был озаботиться министр кинематографии И.Г.Большаков, но он ничего не сделал для исправления ситуации.

После статьи Меньшикова критика в адрес Министерства кинематографии продолжилась. 27 марта 1948 г. Управление агитации и пропаганды направило секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову письмо, в котором раскритиковало работу Министерства кинематографии за недостаточное количество выпускаемых кинокартин, многие из которых были низкого идейно-художественного качества.

В письме, в частности, говорилось о том, что были созданы новые киностудии в Риге, Свердловске, Алма-Ате, но производство фильмов при этом только сокращалось. Приводилась следующая статистика: в 1939 г. была выпущена 51 кинокартина, 1940 – 44, 1941 – 36, 1942 – 32, 1943 – 30, 1944 – 26, 1945 – 20, 1946 – 20. В 1947 г. по плану намечалось выпустить 30 кинокартин, а выпущено всего 12 *(Летопись... 2010, с. 83)* Т.е. падение производства налицо.

14 июня 1948 г. Совет Министров страны на основании представления УПиА принял постановление, которое еще в большей степени усложнило работу кинематографии. В постановлении говорилось о том, что «...в Министерстве кинематографии СССР существует неправильная установка на выпуск большого количества кинофильмов в ущерб их качеству, в результате чего идейный и художественный уровень многих кинокартин не отвечает возросшим требованиям советских зрителей.

Погоня за количеством кинофильмов вызывает необходимость привлечения к производству фильмов малоопытных режиссеров, выпускающих слабые кинокартины, на производство которых затрачиваются чрезмерно большие средства, не окупаемые должными доходами государству от эксплуатации кинотеатров в силу слабой посещаемости кинотеатров зрителями.

Совет Министров считает необходимым решительно повысить качество выпускаемых кинофильмов за счет уменьшения их количества и путем привлечения к постановке фильмов лучших режиссерских и актерских сил» *(Летопись... 2010, с. 89–90)*.

Этим постановлением был открыт так называемый период «малокартинья». Правительством решено было уменьшить количество выпускаемых кинокартин, и на Свердловскую студию, фильмы которой считались малоудачными, надо думать, их попросту не хватило.

Судьба Свердловской киностудии была решена в докладной записке И.Г.Большакова к К.Е.Ворошилову, заместителю И.В.Сталина в Совете министров. И.Г.Большаков писал: «Свердловскую киностудию по производству художественных фильмов, у которой в программе не осталось ни одного художественного фильма, реорганизовать в киностудию по производству научно-популярных фильмов. При этом Новосибирскую киностудию учебных фильмов ликвидировать, а ее помещение и оборудование использовать для кинокопировальной фабрики» *(Ватолин, с. 259)*.

Предложение Большакова было узаконено в Постановлении Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. под названием «О реорганизации киностудий и мерах по увеличению доходов от кинематографии» *(Летопись… 2010, с. 94–95)*.

Согласно этому документу из программы Свердловской киностудии изымались художественные фильмы, и в Свердловск из Новосибирска полностью переносилось производство научно-популярных фильмов. В начале сентября 1948 г. вышел приказ о переводе всей творческой и части творчески-технической групп коллектива (всего около 100 человек) новосибирской студии «Сибтехфильм» в Свердловск.

С осени 1948 г. начался новый этап жизни Свердловской киностудии.

Литература

Бажов П.П. Письма. 1911–1950. М.-Екатеринбург. 2018.

Бек-Назаров А.И. Записки актера и режиссера. М. 1965.

Большаков И.Г. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. 2-е изд. М. 1950.

Ватолин В. «Победы и потери сибирского кино (1930-е – 1940-е гг.)» Киноведческие записки № 78. С. 238–260.

Гезенцвей Л. О Свердловской киностудии художественных фильмов // Уральский рабочий. 1947. 3 янв.

Дукор Н.А. Первый выпуск школы киноактера // Уральский рабочий. 1947. 3 авг.

Еремеева Т. В мире театра. М. 1984.

Закончено строительство 1-й очереди Свердловской студии художественных фильмов // Уральский рабочий. 1943 г. 7 ноября.

Зачиняев В.Н. Воспоминания. Музей Свердловской киностудии.

Зеличенко Б.Е. Создано на Урале //Урал. 1987 г. № 5. С. 159.

Ивановский А.В. Воспоминания кинорежиссера. М. 1967.

Калентьева А. Нина Алисова // Актеры советского кино. Вып. 6. М. 1970.

Кравченко Е.А. Мозаика прошлого. М. 1971.

Кушниров М.А. Жизнь и фильмы Бориса Барнета. М. 1977.

Лапшин Я.Л. Кинолента длиною в жизнь. Екатеринбург. 2010.

Лебедев Е. День киностудии // Уральский рабочий. 1944. 22 окт.

Лебедев Е. Свердловская киностудия // Уральский рабочий. 1944 г. 3 янв.

Лебедев-Шмидтгоф В.Г. Киностудия на Урале // Уральский рабочий. 1943 г. 28 ноября.

Летопись российского кино 1930–1945. Отв. ред. А.С.Дерябин. 2-е изд. М. 2017.

Летопись российского кино 1946–1965. Отв. ред. А.С.Дерябин. М. 2010.

Меньшиков М. Три года – три картины. Так работают на Свердловской киностудии // Комсомольская правда». 1947 г. 17 янв.

Мин М. Будущие киноактеры // Уральский рабочий. 1946 г. 23 июля.

Могунов Н.И. Воспоминания. Музей Свердловской киностудии.

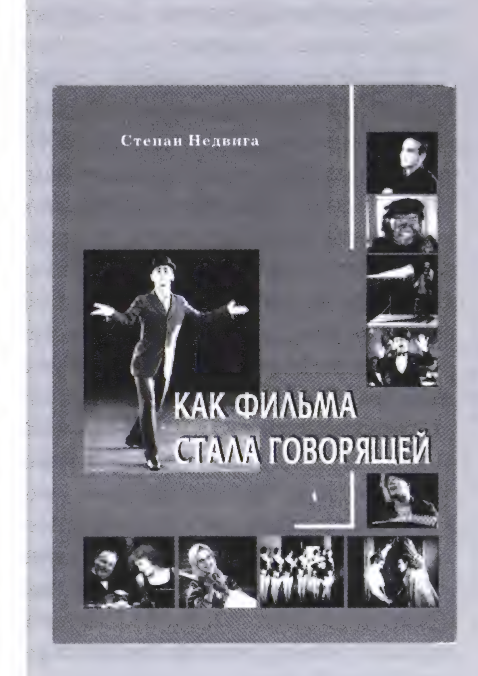
«Помнишь ли ты...» Первые годы Свердловской киностудии (1943–1951). Авт.-сост. Л.Н.Эглит. Екатеринбург. 2013.

Ромм М.И. Устные рассказы. М. 1991.

Стенограмма заседания Художественного совета при Комитете по делам кинематографии при СНК СССР по обсуждению кинокартины «Сильва» от 8 февраля 1945 г. Музей Свердловской киностудии.

Шахов Г.А. Сергей Мартинсон. М. 1966.

Ярон Г.М. О любимом жанре. М. 1963.

В июне 1922 г. собравшиеся в небольшом зале сотрудники Американского института инженеров-электриков стали свидетелями необычного для того времени эксперимента. В зале погас свет и застрекотал проекционный аппарат. На экране появилась молодая женщина с молотком в одной руке и небольшим колоколом в другой. Перед ней был рупор записывающего устройства. «Сейчас я позвоню», – сказала она в рупор. В зале возникло радостное оживление. Это было что-то новое – еще никто из собравшихся не слышал голосов с экрана. Продолжая, женщина ударила по внешней стороне колокола. По залу поплыл его низкий гул. После чего сказала еще несколько фраз и фильм закончился. Сразу же радостное оживление переросло в овации. Все кинулись поздравлять автора фильма – инженера и изобретателя Иосифа Тыкоцинера. Ведь он заставил говорить Великого Немого!

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА

Рашид ХАКИМОВ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, г. Челябинск.

Это событие, о котором сейчас помнят лишь историки, состоялось почти шестьдесят лет назад. 17–31 октября 1961 года в Москве прошел XXII съезд КПСС. Молодые люди уже могут не знать, что такое КПСС *(здесь и далее курсив автора)* и поэтому расшифруем эту аббревиатуру – «коммунистическая партия Советского Союза – руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы», так было записано в статье 6 Конституции СССР. В советский период все основные решения жизни страны, ее народа принимались на партийных съездах, а между съездами – – Центральным Комитетом КПСС. На XXII съезде присутствовало 4799 делегатов, представлявших более чем 9,6 миллионов коммунистов. XXII съезд очень многим отличался от ранее проводившихся партийных съездов. Он впервые проходил в сверхсовременном для того времени Кремлевском Дворце съездов, специально построенном к этому событию. Среди подарков XXII съезду КПСС была постройка самой крупной в Европе Волгоградской ГЭС и взрыв самой мощной в истории термоядерной бомбы на полигоне на Новой Земле. Среди делегатов были два космонавта Юрий Гагарин и Герман Титов. Присутствовали делегации 80 зарубежных коммунистических, рабочих, национально-демократических партий.

В повестке дня съезда было: отчетный доклад ЦК КПСС; отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии КПСС; об изменениях в Уставе КПСС; выборы центральных органов партии. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял Устав КПСС, который, в частности, содержал моральный кодекс строителя коммунизма. На съезде также было принято решение вынести гроб с телом И.Сталина из Мавзолея и похоронить у Кремлевской стены. История с принятием этого решения была очень близка к спиритическому сеансу. 30 октября, в предпоследний день на съезде выступила старая большевичка Дора Абрамовна Лазуркина, 1884 года рождения, член партии с 1903 года. И она сказала буквально следующее: *«Вчера я советовалась с Ильичем*, будто он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии»[1].

Но, пожалуй, самым главным было принятие новой, по счету третьей Программы партии, где впервые было заявлено как о ближайшей цели – о строительстве коммунизма в СССР. Н.С.Хрущев во время своего выступления объявил, что к 1980 году в СССР будет построен коммунизм.

Утвержденный съездом, текст Программы завершала знаменитая фраза *(в 1986 году она на очередном партийном съезде без большого шума была изъята)*: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Обещалось, что к концу 1965 года не будет никаких налогов с населения, в 1970 году в СССР будет самый короткий рабочий день, не более 35 часов в неделю. Планировалось, что в течение второго десятилетия станет бесплатным пользование коммунальным транспортом, в конце десятилетия – коммунальные услуги[2]. А в 1980 году планировалось достичь такого уровня развития экономики, что даст возможность осуществить принцип распределения благ по потребностям. Сейчас, в 2020 году, по идее авторов Программы, страна и народ должны

были жить в условиях *«глубокого коммунизма»*.

Однако на сегодня нет не только коммунизма, но и СССР, и КПСС. Получается, что коммунистическая партия не выполнила свое обещание.

Кто же принимал Программу партии, которая в итоге оказалась невыполненной? Интерес представляет анализ состава делегатов съезда: по роду занятий – 1158 партийных работников, 465 советских работников, 104 профсоюзных и комсомольских работника или 39 процентов представляли партийно-советскую номенклатуру. 30 процентов делегатов были рабочие и колхозники, и в их число вошли и мастера, бригадиры и заведующие фермами. По возрасту делегаты выглядели следующим образом: до 35 лет – 22 процента, от 36 до 40 лет – 16,6 процента, от 41 до 50 лет – 37,9 процента, свыше 50 лет – 23,5 процента. На съезд было избраны делегатами 1073 женщины или 22,3 процента всех делегатов. Среди делегатов съезда было 99 Героев Советского Союза и 478 Героев Социалистического Труда. А перед съездом по всей стране прошло широкое обсуждение новой Программы КПСС – программы строительства коммунизма, которую должен был принять предстоящий съезд.

Страна-победительница, преодолев громадные разрушения, ценой неимоверного труда в короткие сроки сумела подняться из военных руин. Затем началась хрущевская «оттепель». После долгой исторической полосы сталинской тирании и зашнурованного существования казалось, что страна пробуждается и нащупывает дорогу к новой жизни. По сравнению с предыдущим периодом значительно поднялся жизненный уровень народа, сталинское наследие было громко осуждено, и казалось, все исправлено в механизме социалистического строя, тем более что уже на трети земной суши утверждался социализм, а на другой трети рушились колониальные империи, а советский народ под массированным воздействием пропагандистской машины какое-то время даже построение коммунизма воспринимал как вполне реальную задачу с обозначением конкретного срока – 1980 год...

Освоение целины, покорение сибирских рек, прорыв в космос, овладение атомной энергией (первый в мире атомный ледокол «Ленин», первый в мире искусственный спутник Земли, первая в мире АЭС), кажется, только подкрепляли жизнеутверждающий оптимизм правящей Коммунистической партии и ее руководителей, настойчиво внедрявшийся в сознание миллионов.

Выдающийся поэт Александр Твардовский отразил эти настроения в стихотворной форме:

«Нелегок путь,
Но ветер века
Он в наши дует паруса»[3]

Космический апрель 1961 года по своему значению был сродни победному маю 1945 года. Приходит на память теперь уж неизгладимое мое личное воспоминание, тогдашнего десятилетнего мальчишки. Яркий весенний день, журчат первые ручьи, хотя местами еще лежит снег. По просыхающей нашей деревенской улице на велосипеде, отчаянно крутя педалями, катит Света, дочь председателя колхоза, оглашая округу звонким криком: «Гагарин в космосе! Гагарин полетел!» За ней с радостными возгласами бегут мои сверстники, следом присоединяются другие. Взрослые застыли на месте, пораженные небывалым известием...

Многое в Советской стране инициировалось сверху и несло на себе печать господствующей партийной идеологии, но одновременно и многое рождалось снизу, на почве реального воодушевления масс. Вспомним десятки тысяч молодых людей, добровольно выехавших в 1954 году на целину по зову партии, целые трудовые коллективы на доверии, магазины без продавцов, бесплатный хлеб в столовых, широкое развитие форм самоуправления и мер общественного воздействия (коллективы коммунистического труда, народные дружины, бригадмильцы, товарищеские суды). И все эти формы самоуправления были еще лишены налета формализма, погубившего их впоследствии. В обществе преобладал жизненный оптимизм и ощущение уверенного движения вперед. Менялись отношения между людьми. Снова скажем строками Твардовского:

«Я отмечал: народ добрее
С самим собою мягче стал...» [4]

Огромную роль в пропаганде идеи коммунизма сыграла пресса и радио (телевидением тогда была охвачена лишь малая часть страны). Все газеты, от «Правды» до районной, радио изо дня в день публиковали и передавали материалы в поддержку проекта Программы. Как отмечают исследователи, «пресса являлась эффективным инструментом манипуляции массовым сознанием населения»[5]. По оценкам партийных органов, в обсуждении приняло участие 9 миллионов коммунистов, а всего по отчетам – около 73 млн человек. Но обсуждение шло в четко определенных рамках, практически все предложения были под знаком одобрения. И удалось добиться того, что довольно значительная часть населения с воодушевлением восприняла партийный документ, люди на собраниях, через радио и газеты горячо одобряли новую Программу. Так, в районной газете с характерным названием для того времени названием *«Путь к коммунизму»*[6] было опубликовано выступление секретаря парткома Аргаяшского совхоза Н.Н.Тарасова: «Советский народ с огромным энтузиазмом встретил проект Программы Коммунистической партии. В его цифрах он увидел яркое выражение своих заветных дум и мыслей, чувств и чаяний. Даже трубадуры империализма признают вдохновляющую силу наметок проекта. В самом деле, вдумайтесь, что значит ежегодно выплавлять 250 миллионов тонн стали? Если все их погрузить в железнодорожные вагоны, то это составит семь рядов эшелонов от Москвы до Владивостока! А что значит увеличить производство зерна более чем в два раза? Это значит ежегодно собирать его почти 30 миллиардов пудов»[7].

Возможно, цифры и впечатляли, но за ними не было видно, а что реально произойдет с обществом, с человеком? Неужели заставлен-

ный эшелонами с металлом почти десятитысячекилометровый Транссиб мог стать вдохновляющей людей целью. Фактически, как отмечают исследователи, в основе создания материально-технической базы коммунизма было требование преимущественного развития тяжелой индустрии, ничего нового по сравнению со сталинской модернизационной гонкой не было предложено[8].

Заметим, что намеченные съездом цифры так никогда и не были достигнуты, по производству стали СССР лишь приблизился, выплавив 165 млн тонн в 1988 году, также было и по производству зерна: вместо цифры в 480 млн тонн самый высокий показатель в стране в 1986 году составил 210 млн тонн.

Насколько реальными и в то же время насколько же нереальными были ожидания и надежды людей – можно увидеть из свидетельства видного ученого-экономиста Виктора Ивановича Бархатова, 1946 года рождения, ныне профессора Челябинского госуниверситета, доктора экономических наук, а тогда 15-летнего школьника-подростка, жившего в маленьком уральском городе Нязепетровске Челябинской области. Он пишет в своих воспоминаниях: «В тот период происходили серьезные экономические и политические сдвиги, появилась идея перехода к коммунизму, и мы, живя в довольно скудных условиях, близко приняли идею коммунизма, не понимая, что практическое претворение ее в тех условиях недостижимо. Мы не понимали политических последствий и экономических закономерностей. Главная мечта: в том мире будет изобилие, и любая возникающая потребность будет удовлетворена. Часто вместе с друзьями на берегу реки пекли картошку в золе и мечтали о приходе коммунизма. Нам было лет по 15–16. Наша фантазия распространялась очень далеко, но она же нас порой доводила до абсурда. Мы решили, что в каждом доме будет два крана: из одного идет вода, а из другого – шампанское»[9].

И такие мысли мучили не только подростков. Как писали в газетах, в 1961 году, накануне принятия на XXII съезде КПСС партийной программы, самый частый вопрос, который задавали на собраниях трудящихся: «а если я на общественном складе возьму десять костюмов?»

Больше половины советских людей верили в реальность построения коммунизма. По результатам социологического исследования, проведенного позднее, в 1998 и 1999 году среди современников того времени, на вопрос: «Как вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?», 51 и 53 процента опрошенных ответили – «верили в коммунизм», и 18,5 и 16 процентов – «не верили»[10].

Но в то же время простые люди, имея уже многолетний опыт отношений с властью, и в большинстве своем отрицательный, в отличие от партфункционеров все-таки оставались реалистами и хотели видеть то, что было для них наиболее близко: конкретное улучшение сейчас, а не призрачные обещания, и поэтому весьма характерны были их приземленные предложения. Данная тенденция отмечена и в исследованиях: «Даже те советские люди, которые всячески выражали свою верность коммунистическим идеалам в начале 1960-х гг., с коммунизмом связывали в первую очередь не теоретические построения, а нужды на конкретное улучшение советской действительности»[11]. Исследование было проведено на материалах Тамбовской области, но проблемы и предложения были общими для всей страны. Предложения трудящихся касались снижения пенсионного возраста, сохранения коммунальных услуг учителям-пенсионерам при уходе их с работы, предоставления с 1962 года всем трудового отпуска продолжительностью в один месяц, предоставления молодым матерям двух выходных дней в неделю, всеобщей доступности и качественного медицинского обслуживания, гарантированной оплаты труда в колхозах, все сельхозмашины выпускать с оборудованием, облегчающим труд механизатора, кабина трактора и комбайна должна быть пыленепроницаемой, оборудование всех прицепных и навесных машин должно обеспечивать полную безопасность жизни и здоровью человека, дополнить о плановом жилищном строительстве, где были бы указаны конкретные сроки и пути развития жилищного строительства в стране[12].

Насколько приземленными были ожидания людей того времени, говорит пример даже из 2000-х годов. В одной деревне Челябинской области, куда подвели долгожданный газ, а потом его завели и в дома, одна пенсионерка, донельзя довольная, что не надо топить печь, простодушно сказала на открытии приезжему журналисту: «Вот, оказывается, какой он коммунизм, я и не знала». Газовое отопление и газ в доме для нее были синонимом коммунизма.

В сводке писем, поступивших в ходе обсуждения Программы в редакции центральных газет, авторы нередко свое личное неблагополучие связывали с коммунизмом. Так, в одном из писем автор, жалуясь на отсутствие бани и прачечной в своем районе, писал: «Очевидно, через 20 лет, т.е. при коммунизме, люди вообще не будут мыться, если нас уже сейчас лишили элементарного гигиенического удобства»[13].

Современники отмечали, что для населения самыми впечатляющими положениями Программы партии были отнюдь не самые важные с точки зрения авторов: воспитание нового человека, утверждение новых коммунистических отношений, складывание бесклассового общества. Все говорили, что будет бесплатный транспорт, бесплатные коммунальные услуги, бесплатные заводские столовые, а не о духовном развитии человека, или о дальнейшем развитии социалистической демократии[14]. Фактически люди, прежде всего, стремились к улучшению своего материального положения.

В ходе обсуждения Программы поступали предложения получать в качестве оплаты за труд натуральный продукт. Так, комбайнеры Кузнецкого совхоза Аргаяшского района предложили дописать в Программу КПСС «Оплата по труду в денежной и *натуральной* форме в течение предстоящего десятилетия останется основным источником удовлетворения материальных и культур-

ных потребностей трудящихся»[15]. Можно заметить, что данное положение было весьма близко к времени «военного коммунизма» 1918–1920 гг., когда люди реально не получали деньги, а получали услуги и продукты в натуральном виде. Это еще раз свидетельствует, насколько поспешными и нереальными были планы по строительству светлого коммунистического будущего.

В то же время, как отмечает А.А.Фокин, значительная часть выражала и сомнения в возможности построения коммунизма: «Коммунизм – это когда народ сознательный, бескорыстный, патриот своей родины», «Ни фига мы не построим, все пропьем», «С нашим народом нельзя коммунизм построить, надо перевоспитать сначала»[16].

Так, в Аргаяшском районе продолжала сохраняться *трахома*[17], являющаяся, прежде всего, социальной болезнью из-за недостатков санитарной гигиены. В районе не были решены многие проблемы культуры и быта. Характерны названия писем читателей в районной газете «Путь к коммунизму» за 1961 год: «Керосиновую лампу не выбросишь» – *«…очень слабое освещение в домах на улице Береговой»*, «В Челябинск за хлебом» – *«…в трех деревнях Нарыбаково, Мамаево, Алишево в магазинах нет ни хлеба, ни муки»*, «Керосин нам нужен», «Где купить учебники?», «Почему очереди за хлебом», «Где купить бензин», «Разве таким должен быть интернат» – *«…школьный интернат в Акбашевской семилетней школе …условия плохие, всюду грязь. Дети спят по двое на узких кроватях. В этот день не было простыней, наволочек, штор на окнах. Объяснили, что их отдали в стирку… Кухня в конце коридора и напоминает сарай. Посуда грязная… сегодня в обед детям – кусочек хлеба и ломтик маргарина»*[18].

В качестве трех задач коммунистического строительства в Программе партии было заявлено: создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социалистических общественных отношений в коммунистические и воспитание нового человека. О реальности выполнения поставленной задачи по воспитанию нового человека, «гармонично сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство», можно судить опять по материалам районной газеты. Сообщение с пленума Аргаяшского райкома партии от 16 июня 1961 года – «За аморальное поведение и браговарение пленум вывел из членов райкома КПСС К.Н.Шаяхметову». В заметке «Преступники наказаны» сообщается, что четверо мужчин за совершенное насилие над несовершеннолетней девушкой приговорены к срокам от пяти до семи лет заключения[19]. О наличие криминальной проблемы не только в отдельном Аргаяшском районе, но во всей стране говорит публикация в районной газете Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни»[20].

В стране, идущей к коммунизму, не была еще полностью ликвидирована неграмотность. Даже через четыре года в справке Челябинского обкома КПСС от 27 октября 1965 года было отмечено: «...сейчас в области 1100 человек неграмотных, которые, за исключением больных, охвачены обучением»[21]. Примечателен и образовательный уровень делегатов съезда: 2312 делегата с высшим образованием, 230 с незаконченным высшим, 665 со средним образованием, что составляет 72,8 процента всех делегатов, и получается, что 27 процентов или почти треть делегатов имели неполное среднее или даже начальное образование[22].

Делегат XXII съезда Раида Хакимжановна Камалова жила и работала в Кулуевском совхозе Аргаяшского района. Кулуевская средняя школа в 1961 году размещалась в пяти приспособленных одноэтажных деревянных зданиях, с печным отоплением и наружными туалетами, а в школе в две смены обучалось свыше тысячи человек учащихся из пятнадцати соседних деревень. При школе имелся школьный интернат для проживания детей из дальних деревень. Интернат был размещен в одноэтажном деревянном доме, здесь проживало около 200 учащихся.

Из ближайших деревень дети ходили в школу ежедневно пешком. Из некоторых деревень детей привозили в школу и отвозили домой на сельском «трамвае», т.е. тракторной тележке на прицепе у трактора типа «Беларусь». Выражение «на сельском трамвае» – было творчеством детей и их родителей. Детям тяжело было ходить и ездить особенно весной и осенью, когда в слякоть размывало дороги...

Вспоминает директор Кулуевской школы Зайнагеддин Насреддинович Хусаинов (1932–2016): «В век освоения космоса школа, находящаяся в райцентре, единственная средняя на весь бывший Кулуевский район, находилась в материальном отношении «хуже некуда». Отсутствовали элементарные условия для нормальной работы учителям, для получения качественных знаний учащимся. Отсутствовали предметные кабинеты, а кабинеты химии, физики были размещены в приспособленных комнатах, отсутствовало оборудование и наглядные пособия для выполнения лабораторных и практических работ. Уроки физкультуры проводились в коридоре, мешая занятиям в классах по другим дисциплинам, а зимой – на улице и в основном катались на лыжах.

Не было актового зала или любого приспособленного помещения, хотя бы на 50–60 мест, где можно было бы провести с учащимися культурно-массовые мероприятия.

Не было учительской, методкабинета, где учителя в свободное от уроков время могли бы поработать и отдохнуть, получить методическую помощь, не хватало квалифицированных учительских кадров»[23].

В поисках выхода учителя и родители решили использовать подготовку к XXII съезду КПСС. Партком совхоза добился через Аргаяшский райком партии избрания делегатом на съезд передового бригадира дойного гурта Раиды Камаловой, ей вручили письмо от имени педколлектива, родителей, рабочих совхоза на имя первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева с

просьбой о строительстве школы в селе Кулуево. В письме подробно рассказали о состоянии школы и что совхоз работает только на закрытый город, в котором находится химкомбинат «Маяк».

Раида Камалова, как она сейчас рассказывает, до Н.С.Хрущева не дошла, но она вручила письмо одному из его помощников. Месяца через два после съезда пришел ответ, что вопрос решен положительно. Сколько было радости у всех кулуевцев! ЦК партии обязал министерство среднего машиностроения СССР, в ведение которого находился Кулуевский совхоз как подсобное хозяйство закрытого города Челябинск-40, силами своих строителей построить новую школу.

Осенью 1964 года новая средняя школа на 536 мест в селе Кулуево была сдана. Вот, это, пожалуй, был реальный результат поездки на съезд делегата Камаловой.

Пребывание на съезде на всю жизнь осталось в памяти Раиды Камаловой. Впечатления о съезде, которыми делилась Раида Камалова сразу после возвращения: из газетной публикации того времени: «Участие в нем – самые счастливые дни в моей жизни».

О Программе КПСС она пишет: «...по образному выражению Н.С.Хрущева, как бы третья ступень ракеты, которая *вознесет* нашу страну к сияющим высотам коммунизма».

Интересны ее живые впечатления о людях, с кем она встретилась на съезде. Камалова запомнила представителя Компартии США Генри Уинстона *(он в заключении в американской тюрьме потерял зрение)* и его выступление, когда он сказал: «Я слепой, но я прозрел, слушая Программу КПСС». Запомнился Камаловой прославленный маршал Семен Буденный: «Ему 78 лет, а он бодрый, рассказывал, что каждый день на коне скачет».

Раида Камалова тогда писала в газете о Хрущеве: «Своей кипучей энергией он воодушевлял нас. Сколько раз, глядя на него, я вспоминала слова одного из ораторов: «Наше счастье, что во главе партии и государства стоит верный ленинец Н.С.Хрущев! <...>Возвращалась я со съезда полная энергии и творческих замыслов. Хочется работать и работать. Сделаю все, чтобы коллектив гурта выполнил годовой план надоя от каждой коровы по 2400 литров молока»[24]. Отметим, что в 1961–1965 гг. продуктивность одной коровы в США составляла 3519 кг, в Нидерландах – 4183 кг. Но была настолько большая уверенность в быстром достижении американских рубежей, что в Советском Союзе быстро разошлась припевка:

«Держись корова,
из штата Айова!»

(Айова был один из ведущих сельскохозяйственных штатов Америки, где на ферме Росуэлла Гарста в сентябре 1959 года побывал Никита Хрущев). В 1961 году этот показатель в СССР не достигал 2 тысяч кг, а надой в 2211 кг по стране был достигнут в 1980 году. Заметим, что тогда практически отсутствовала механизация на фермах, дойка в Кулуевском совхозе, как и в большинстве хозяйств, была в то время ручной, навоз убирали вручную, раздача кормов также была руками. Кормов не хватало, бывало так, что после зимовки коров просто приходилось поднимать, обессиленные бескормицей они не могли даже встать, как показано в известном художественном кинофильме «Председатель». Такое было не в Кулуево, здесь все-таки по статусу подсобного хозяйства закрытого города кормов было больше, но в других совхозах и колхозах Аргаяшского района такое было. И ведь это было уже в пятидесятые годы, а не после войны, как в кинофильме.

Делегат съезда Р.Камалова много встречалась с трудовыми коллективами района, рассказывала о съезде. После съезда пропаганда продолжала сохранять свою жизнеутверждающую линию. Передовая в районной газете «Путь к коммунизму» вышла под названием: «Товарищ! Тебе жить в коммунизме, тебе строить коммунизм»[25].

Но жизнь очень быстро внесла свои коррективы в грандиозные планы партии. С 1 июня 1962 года в стране последовало повышение цен на мясо, мясные продукты, масло животное[26]. Это сразу вызвало негативное отношение к действиям правительства. В городе Новочеркасск 1–2 июня дело дошло до открытого выступления рабочих, оно войсками было жестоко подавлено, было расстреляно 24 человека.

В стране нарастало недовольство людей. Из закрытой информации Управления КГБ по Челябинской области от 4 июня 1962 года: «Токарь Шатохин, 34 лет, из Челябинска-50 *(а это был закрытый город, в настоящее время Снежинск, там был свой, намного лучший режим обеспечения, чем по области)* заявил: «Только что приняли новую Программу, идем к коммунизму. Думали, что скоро будет бесплатное питание, а, тут, наоборот, цены повышают. У нас социализм, в США – капитализм, а люди там живут лучше. Там все могут сделать, а у нас только цены повышают для блага народа»[27].

Не прошло и года после съезда, как в стране начинаются перебои с хлебом. 4 октября 1962 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли закрытое постановление «О наведении порядка в расходовании ресурсов хлеба». На основании этого постановления в ноябре начинаются проверки «состояния торговли хлебом и хлебопродуктами». В городах впервые после отмены карточной системы в 1947 году вводится практика, по которой в магазинах хлеб продавали не более 2,5 кг в одни руки. В декабре 1962 года отменяется практика бесплатного хлеба в столовых общественного питания. В декабре 1963 года СССР впервые закупает зерно в США. Серьезно осложняется международная обстановка, в октябре 1962 года разразился Карибский кризис, противостояние СССР и США приводит мир к порогу ядерной катастрофы, когда глубоко на второй план уходит и коммунизм, и капитализм перед единственным вопросом – сохранится ли вообще жизнь на Земле?

Кем же была делегат съезда Раида Камалова? На сегодня ей 88 лет, а тогда ей было 29 лет, наверно, на сегодня она, возможно, осталась единственной из ныне живущих делегатов XXII съезда. Она родилась 18 января 1932 года в поселке Аргаяш, райцентре

одноименного района тогда Башкирской АССР, сейчас Челябинской области. Ее отец Хакимжан Ахметжанович Рахимов, 1899 года рождения, был родом из переселенцев из Татарстана, родился в селе Асаново Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье торговца *(сама Раида Хакимжановна говорит: «был купцом, брат отца тоже был купцом»)*.

Деловая хватка отца передалась и сыну. Благодаря природной сметке, Хакимжан, окончив только сельскую школу, работал всю жизнь управляющим отделения сельхозбанка. На фронте в Великую Отечественную он не был из-за брони, репрессии его тоже обошли. Хотя была ситуация, когда он вполне мог попасть под Молох сталинских репрессий. Еще в начале 1930-х годов Хакимжан Рахимов окончил юридические курсы в Казани и был направлен судьей в Учалинский район Башкирской АССР. Но уже начались репрессии, суды под неусыпным контролем НКВД начали штамповать необоснованные жестокие приговоры. Хакимжан не мог согласиться с этим и после очередного крупного разговора с прокурором района внезапно уехал, фактически скрылся. Его могли тогда найти, но, к счастью, все обошлось, и он стал работать управляющим отделения сельхозбанка в Аргаяше. Отметим, что семья Рахимовых жила в Аргаяше, на улице Коммунистической, но Хакимжан коммунистом не был. Умер Хакимжан Рахимов в 1984 году. У Рахимовых было шестеро детей, Раида была вторым ребенком в семье. Очень трудно было поднимать детей. Раида Камалова рассказывает, что в войну она с сестрами ходила пешком в ближний колхоз, где на полях собирали оставшийся картофель, колоски. Колхозные полеобъездчики жестоко гоняли детей. Еще выручали семью овощи, которые помногу сажали в огороде у себя дома. Родители всячески поддерживали своих детей, и потому дети стремились к знаниям, и не случайно пятеро детей Хакимжана получили высшее образование. Раида в школе была активной комсомолкой. После окончания Аргаяшской средней школы № 1 она поступила учиться в Троицкий зооветеринарный институт. Хотела в политехнический институт, но подвела тригонометрия, не смогла ее сдать и после школы получила справку, а не аттестат зрелости. Посоветовали идти в зооветеринарный, туда она смогла поступить. Вот такая случайность и определила всю ее жизнь.

После института, получив диплом зоотехника, Раида почти два года работала в колхозе имени Сталина. Молодой зоотехник, здесь впервые научилась обращаться с лошадью, когда ей выделили лошадь для поездок, приобрела опыт работы с людьми, преодолела косые взгляды и недоверие колхозников к приезжему специалисту *(«приехала нас учить, молодая ишшо»)*. Раида Камалова здесь первой в районе внедрила искусственное осеменение коров, а это тогда было подобно революции для колхозников с их устоявшимися взглядами. После замужества Раида переехала в Кулуево, стала работать зоотехником отделения Кулуевского совхоза. В 1959 году в стране стали распространять почин знатной ткачихи Валентины Гагановой из Вышнего Волочка Калининской (ныне Тверской) области: она из передовой перешла бригадиром в отстающую бригаду и вывела ее в передовые. Интересно, что Гаганова и Раида Камалова одного возраста, обе родились в январе 1932 года: Гаганова – 3 января. Раида Камалова по примеру Гагановой в 1960 году пошла работать бригадиром отстающего дойного гурта первого отделения Кулуевского совхоза. Надой за год повысился на тысячу литров, бригада стала лучшей не только в районе, но и в области.

Я отойду от истины, если скажу, что здесь все обошлось без партийного органа. Нет, конечно, Аргаяшский райком партии, его первый секретарь Василий Александрович Ягудин, молодой и амбициозный (он затем был награжден орденом Трудового Красного Знамени), лишь меньше года назад избранный, стремился и свою работу показать, и передовика-коммуниста вырастить. И потому незаметно, но верно лепили образ передового молодого современника. В феврале 1960 года Раида стала членом КПСС, как она говорит, вступила в партию по своему желанию, никто ее не принуждал. На выборах 5 марта 1961 года Камалова была избрана депутатом районного Совета депутатов трудящихся. В сентябре 1961 ее, коммуниста со стажем в полтора года, избрали членом райкома КПСС и там же избрали делегатом на областную партийную конференцию, где она и была избрана делегатом партийного съезда. Попадание в характеристику делегата съезда было очень точным: молодая женщина, передовой бригадир-«гагановка», рабочая *(а бригадиры проходили по категории рабочих)*, да еще с высшим образованием.

Одними из молодых делегатов съезда вместе с Раидой были космонавты Герман Титов, ему было 26 лет (его партийный стаж был еще меньше – два месяца и десять дней, исчислялся с 7 августа 1961 года, когда Титов, кандидат в члены партии с апреля 1961 года, решением ЦК КПСС сразу был принят в члены КПСС без прохождения годичного кандидатского стажа), и Юрий Гагарин, ему было 27 лет. Космонавты пользовались всеобщим вниманием. У них, как и многие делегаты, Раида взяла автограф. Раида Хакимжановна вспоминает: «Титов сидел недалеко от меня, очень внешне обаятельный. А Гагарина всегда окружали делегаты, шахтеры, женщины, как увидят Гагарина, кидаются к нему «Юрочка! Юрочка!», иногда даже неприятно было».

Раиду Камалову можно в полной мере причислить к тому поколению, которое в последствие было названо – «дети XX съезда партии». Она и в партию вступила под влиянием обстановки оптимизма, царившей тогда в хрущевскую «оттепель».

Раида Хакимжановна говорит: «Меня в докладе привлек вопрос культа личности Сталина. В памяти остались выступления, где очень болезненно рассказывали про репрессии, про Тухачевского, Блюхера. С обвинениями выступали против Ворошилова, он очень переживал, несколько раз выходил из президиума... После съезда я много выступала, рассказывала.

Было по-разному. Если в Аргаяше спокойно воспринимали слова осуждения Сталина, то в Кулуево, особенно участники войны, не давали даже рот открыть – «Мы шли в бой «за Родину, за Сталина».

Действительно, отношение к критике культа личности Сталина в стране было далеко неоднозначным. Культ Сталина после XX съезда и известного постановления ЦК партии 1956 года до конца не был разоблачен. Осудив Сталина, не осудили его политику, свели к отдельным извращениям общей правильной линии коммунистической партии. И среди делегатов было немало сталинистов. Так, в составе челябинской делегации был писатель Всеволод Кочетов (1912–1973), один из самых ярых сталинистов, по известному выражению «автоматчик партии», своим словом и делом (книги «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Журбины», «Чего же ты хочешь?») не раз доказывавший эту свою приверженность.

Раида Хакимжановна рассказывает о бытовых условиях на съезде: «В Москву наша делегация поехала на поезде, нас очень тепло встретили, разместили в гостинице «Бухарест». Я жила в одном номере вместе с телятницей Еленой Белобородовой из Карталинского района. Работа съезда начиналась в 9 часов, заканчивалась в 17 часов. Ходили в Кремлевский дворец съездов пешком, так как было рядом. В один из дней мне навстречу шел Хрущев, он со мной поздоровался за руку. Рука была мягкая, теплая. Шел Хрущев один, лишь позади двое мужчин, видимо, охрана, может его помощники. Это меня очень удивило. В зале впервые были установлены наушники с переводом. Дали нам именные папки, в них была вложена шариковая ручка, и я впервые тогда увидела ее. Для всех делегатов были бесплатные автомашины, вызываешь в любое время и едешь куда нужно. В Москву я приехала в первый раз, и для меня все было ново. Я посетила Малый театр, смотрела спектакль «Иркутская история» с Элиной Быстрицкой в главной роли, побывала на стадионе Лужники, в Третьяковской галерее, в новом здании МГУ. Но я и удивлялась в то же время, рядом с ВДНХ стояли деревянные маленькие дома, где топились печки. Часто звонила домой. Дома остался сын, ему было полтора года. С ним была моя свекровь и муж. Слышимость по телефону была очень хорошей, как будто рядом стоишь. Нам давали и деньги на расходы. Отправляла домой и своим родственникам посылки, впервые увидела бананы, все посылки дошли и притом очень быстро».

Вместе с Зоей Тураниной, бригадиром метизно-металлургического завода из Магнитогорска, Раида сходила в ГУМ и купила себе костюм. Познакомилась с очень интересными и именитыми людьми. В челябинской делегации были и рабочие (а представительство рабочих всегда было обязательным): сталевар Челябинского металлургического завода Хабир Шагеевич Самахужин, комбайнер из Агаповского района Габдулхак Самигулович Уразаев. Оба – Герои Социалистического Труда. Но в делегации большинство все-таки было партийные и хозяйственные руководители. Был директор сверхсекретного комбината «Маяк» Николай Анатольевич Семенов, генеральный конструктор Миасского КБ машиностроения Виктор Петрович Макеев, создатель баллистических ракет морского базирования, перед съездом, 17 июня 1961 года, удостоенный звания Героя Социалистического Труда, но даже в делегации не все знали о его работе. Рядом с Камаловой на съезде сидел генерал Евгений Васильевич Коршунов, командующий армией ПВО Уральского военного округа. Раида Камалова, смеясь, рассказывает: «Он все время удивлялся, говорил мне, как ты молодая попала сюда, на съезд, делегатом?» Раида Камалова, например, вместе обедала с ректором Челябинского политехнического института, профессором Алексеем Яковлевичем Сычевым: « Я смущалась, как себя вести за столом? А он был простой, мог пошутить. Покушает, берет тарелку и по-деревенски хлебным мякишем почистит ее» *(Камалова смеется)*. Близко познакомилась с директором Уйского совхоза Григорием Федоровичем Дейнеко, совхоза «Путь Октября» Кизильского района Николаем Петровичем Ефимовым. Потом ездила в эти хозяйства, перенимала лучшее.

Камаловой как работнику сельского хозяйства наиболее близки были проблемы села. Раида Камалова сейчас рассказывает: «Мне запомнились слова доклада Хрущева о посеве кукурузы, помню, как мы потом принимали участие в посадке квадратно-гнездовым способом. Закладка силоса сыграла положительную роль в повышении продуктивности, так как до этого обработка соломы в кормоцехах, по сути, простое запаривание, особых результатов не давала. Зря Хрущева ругают за кукурузу. Когда кукурузу начали выращивать, молоко крепко пошло».

На мой вопрос: «А вы верили, что построим коммунизм», Раида Хакимжановна медленно, все обдумывая, отвечает: «Надежда все-таки была...»

В душе она осталась преданной коммунисткой. Партийный билет № 05015247, где имеется последняя отметка об уплате членских взносов за июнь 1991 года, она хранит до сих пор. Также как и красный мандат делегата XXII съезда за номером № 3557...

Программу КПСС приняли единогласно, за нее проголосовали все 4394 делегата с решающими голосами (на съезд тогда избирали еще кандидатов с совещательным голосом, они представляли кандидатов в члены КПСС, этот порядок действовал еще и на XXIII съезде, а после был отменен). Не нашлось ни одного голоса «против» или хотя бы кто-то «воздержался». Объяснение этому: голосование было открытым, и сам общий оптимистический настрой, похоже, захватил всех делегатов. Отметим, что за принятие Программы проголосовали и делегаты Л.И.Брежнев, Ю.В.Андропов и М.С.Горбачев *(только К.У.Черненко на XXII съезде не было, так как он тогда работал в секретариате Президиума Верховного Совета СССР и не был избран делегатом съезда)*. Все они затем станут Генеральными секретарями ЦК КПСС и обязаны будут претворять эту программу в жизнь. Правда, после ухода 14 октября 1964 года Н.С.Хрущева с поста главы правительства и руководителя партии, его преемник Л.И.Брежнев, уже понимая

нереальность выполнения Программы, позднее определит построение коммунизма как очень длительный период и выдвинет положение о *развитом социализме.* Коммунистическая цель будет отодвинута на дальнюю перспективу, построение коммунизма откладывалось. А Михаил Сергеевич Горбачев, приняв в 1985 году страну уже в состоянии застоя и начавшегося системного кризиса, реально оценит ситуацию, и в 1986 году на XXVI съезде будет принята новая редакция Программы партии, где открыто будет признана нереальность сроков, намеченных на XXII съезде и будет заявлено *«выполнение нынешней Программы выходит за пределы текущего столетия…»*

А в октябре 1961 года за Программу поднимала свой мандат и Раида Камалова. Сейчас она говорит: «Я искренне верила в те планы, которые намечал съезд. Я была молодая, для меня все было новым, я верила, что наши руководители в Москве самые честные, они все знают, они мне казались идеалом. И областные руководители для меня были такими же. Правда, в районе, руководители уже были с недостатками, не всегда были честными».

В этом Раиде пришлось скоро убедиться. Она рассказывает: «Наш директор совхоза С.В.Мушкаев привел на ферму свою захудалую корову и взял вместо нее самую лучшую. Я не выдержала и написала письмо, приехали корреспонденты из областной газеты «Челябинский рабочий» и написали большой критический материал. Директор совхоза С.В.Мушкаев вынужден был вернуть корову. Мне ничего за критику не было, ведь это было уже после съезда, но моего мужа, инженера, все-таки директор заставил уволиться. Приезжал тогда секретарь райкома К.Т.Авхачев разбираться, но он фактически поддержал директора».

Нельзя не задаваться вопросом, как съезд господствующей в стране партии принял столь нереальную, в каких-то моментах даже фантастическую программу? Но если Раида Камалова была молодым коммунистом, со стажем один год и восемь месяцев, и жизненный стаж у нее был весьма малый, и можно понять, почему она восприняла идею близкого строительства коммунизма с таким воодушевлением. Однако ведь на съезде были умудренные жизнью, с большим партийным стажем и огромным опытом коммунисты. Но было полное единодушие делегатов съезда…

Однако коммунизм в стране так и не построили. Раиде Камаловой после съезда дали хорошую квартиру, до этого семья Камаловых жила в одной половине ветхого бывшего дома престарелых. Всю жизнь Камалова честно проработала в сельском хозяйстве зоотехником, затем инспектором и начальником районной инспекции по качеству сельхозпродукции. Но в кабинете старалась не засиживаться, не было дня, чтобы не выехала на ферму, проверяя, подсказывая, заставляя животноводов работать с полной отдачей, производить качественную продукцию. Могла и под корову сесть и показать, как надо доить, могла и доильный аппарат в руки взять, когда они появились на фермах. И потому ее все доярки, скотники, специалисты района искренне уважали. Проявляла принципиальность, таким же был и ее муж. Так, на одной из районных партийных конференций Риф Ахметович Камалов выступил против начальника районного управления сельского хозяйства, который просто зарвался на пути личного обогащения, предложив не избирать его в члены райкома партии. Это был действительно поступок. Был большой скандал: начальника управления тогда не избрали в состав райкома, сняли с должности, его карьера была подорвана. Но после конференции райком партии начал преследовать Рифа Камалова. Но он все выдержал, не сломался. С работы его так и не смогли снять. Риф Ахметович все время трудился на селе инженером. Сын Рудольф, 1960 года рождения, стал врачом, живет с матерью, после института уже более тридцати лет работает в родном Аргаяше врачом-терапевтом, все жители ценят и уважают его за высокий профессионализм и душевную отзывчивость. Раида Хакимжановна всегда жила честно, золота или другого богатства не нажила. Сейчас живет с сыном в обычном доме, есть газ, хороший сад, но нет там никаких излишеств. Одолевают ее болезни, но благо, что сын-врач рядом, старается не поддаваться болезням, много ходит. Младший сын, Рустам, 1962 года рождения, стал санитарным врачом, живет в Екатеринбурге. Родная внучка Камаловой – Евгения Рустамовна окончила «Плехановку» *(Российская экономическая академия имени Плеханова)*, сейчас живет в США, в Калифорнии. В Канаде живет племянница Раиды Камаловой – Аида, на Кипре и в Великобритании живут две внучатые племянницы. Вот так изменилось время, вот так изменилась жизнь...

Невольно вспомнишь, что летом 1959 года в Москве состоялась первая Американская национальная выставка – «Промышленная продукция США». На площади в 41 тыс. кв. м была представлена бытовая техника, оборудование для предприятий городского и коммунального хозяйства, транспортные средства и многое другое. Среди экспонатов были новейшие модели американских катеров, телевизоры, кухонные комбайны, шикарные автомобили, высокотехнологическое оборудование, новые экспериментальные принадлежности домашнего и кухонного обихода, вызывавшие всеобщее удивление у посетителей. Для выставки отвели территорию в одном из живописных мест парка Сокольники. Выставка вызвала огромный интерес советских людей. Только в первый день после открытия, 25 июля на американской выставке побывали 75 тысяч человек, а всего за шесть недель работы выставки – почти 2,7 млн советских людей. 24 июля выставку посетил первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Н.С.Хрущев и вице-президент США Р.Никсон. И тогда же между ними произошел острый спор-разговор, названный потом «кухонные дебаты». Именно тогда Хрущев произнес свою знаменитую фразу: «Мы вам еще покажем кузькину мать!» Интересно, что в конце дебатов лидеры двух держав обменялись пророчествами. «Ваши внуки будут жить при ком-

мунизме», – пригрозил Хрущев вице-президенту США. На что Никсон ответил: «Нет, ваши внуки будут жить при свободе». Ставшие свидетелями «кухонных дебатов» посетители выставки описывают их как по-настоящему яростные, поскольку в конце 1950-х годов никто не мог с уверенностью сказать, какая система победит. Время показало, что неправым оказался Хрущев. Пророчество Никсона оказалось ближе к действительности. Сын Хрущева, Сергей Никитович, крупный ученый в области ракетостроения, с 1991 года жил в США, и там же умер в июне 2020 года в возрасте 85 лет. И внуки Хрущева также получили американское гражданство, тоже обосновались в США.

А коммунистическая идея очень быстро перешла в область анекдотов: «На повестке дня колхозного собрания два вопроса: строительство сарая и строительство коммунизма. Ввиду отсутствия досок сразу перешли ко второму вопросу»[28].

Что сейчас Раида Хакимжановна думает о своей и нынешней жизни?

Камалова: «В то время отношения были более человечными. Люди были людьми. Нашего поколения скоро совсем не будет, оно исчезает. Были времена, да прошли...»

Нельзя обойти вопрос о коммунистической идее. Идея бесклассового, справедливого, идеального общества издавна владела умами людей на протяжении всей мировой цивилизации, начиная от древнегреческого философа Платона (V–IV век до нашей эры). Не углубляясь в историю вопроса, можно отметить, что были выдвинуты многие проекты устройства такого общества, написаны большие книги, как «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» англичанина Томаса Мора (1478–1535), «Город Солнца» итальянца Томмазо Кампанеллы (1568–1639). Эти мыслители представляли будущее общество как коммуну (*communis* – латинское «общий»), как общественный и экономический строй, основанный на социальном равенстве, на общественной собственности на средства производства. Но эти проекты и книги даже при подробном описании будущего общества не устанавливали конкретные сроки его прихода. Однако были и практики коммунистического устройства на Земле. Так, в первой половине XIX века делались попытки устройства коммунистических общин (колоний) в Северной Америке. Коммунистические общины основывались социальными реформаторами или религиозными сектами. Это колония «Икария» Эьенна Кабэ, общины шейкеров, Кави-общины и другие. В Англии также был опыт устройства коммунистической общины – «Новая гармония» Роберта Оуэна. Но это были малые коммунистические сообщества, численность их членов не превышала тысячи человек, и все они через несколько лет, а некоторые через одно-два десятилетие, все равно распадались.

Ф.Энгельс в своей работе «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний», написанной в октябре 1844 года, положительно оценил и поддержал опыт этих коммунистических общин[29]. В то же время основоположники марксизма К.Маркс и Ф.Энгельс, к их чести, будучи глубокими учеными, никаких конкретных сроков перехода к коммунизму не оставили, очертив коммунистическое общество лишь вчерне. Так, Ф.Энгельс по поводу попыток К.Каутского сочинять аптекарские рецепты для завтрашнего дня резко заметил: «Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами»[30].

Лишь большевики-коммунисты в Советской России с захватом власти в 1917 году поставили вопрос о коммунизме в масштабе отдельно взятой, огромной страны в практическую плоскость и даже обозначили конкретные пути и *сроки* его наступления, правильнее сказать его *построения*. Не случайно именно в СССР появились понятия *«развернутое строительство коммунизма»*, *«Программа строительства коммунизма»*, *«строители коммунизма»*.

В октябре 1920 года В.И.Ленин, выступая на III съезде комсомола, заявил: «Поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10–20 лет будет жить при коммунизме»[31]. Это было первое конкретное определение даты наступления коммунизма. Через некоторое время партийными идеологами было разъяснено, что коммунистическая формация состоит из двух фаз: первая фаза – это социалистическая (неполный коммунизм), а вторая – коммунистическая (полный коммунизм). И по этой трактовке, как было провозглашено в Конституции СССР 1936 года, социализм (первая фаза) в СССР построен в основном, но не окончательно. И получалось, что предвидение В.И.Ленина было вполне реалистичным. А XXI съезд КПСС (27 января – 5 февраля 1959 года) объявил уже о полной и окончательной победе социализма в СССР, о том, что реставрация капитализма в стране уже невозможна[32].

Правда, затем сроки, определенные XXII съездом КПСС, уже не сложились. На замену пришло брежневское положение о развитом социализме. Оно оставалось в силе до тех пор, пока генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В.Андроповым в июне 1983 года не было сказано: *«Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся»*[33]. По большому счету, это было самое **большое поражение** коммунистической идеологии: *строили то, чего сами толком не знали...*

В подтверждение этой мысли можно привести высказывание известного российского политолога С.Кара-Мурзы. Он писал: *«Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что СССР убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ»*[34]. Партийные теоретики, к их несчастью, овладев «алгеброй» революции, посчитали свое образование законченным, и «учили диалектику не по Гегелю»,

вот это их и точно подвело. Можно привести самый яркий пример. Когда творец построения коммунизма Никита Хрущев пришел в транс после визита в Швецию летом 1964 года, тогда он сказал сыну Сергею: «Шведы уже построили коммунизм, который мы собираемся строить».

Размышляя над феноменом принятия Программы строительства коммунизма в СССР, оказавшейся в конечном итоге невыполнимым документом, приходишь к выводу, что оно было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, жесткой моделью авторитаризма, сложившейся в СССР, безусловного подчинения лидеру и его линии, во-вторых, личными чертами характера тогдашнего руководителя КПСС и Советского правительства Н.С.Хрущева, его импульсивностью, стремлением к быстрым волевым решениям, к волюнтаризму. Он был подобен тем людям, о которых знаменитый немецкий философ Ф.-В.Г.Гегель еще более чем двести лет назад писал: «...которые возбуждение принимают за вдохновение, напряжение – за работу, а усталость – за результат».

В-третьих, крайне низким уровнем знаний теории общественного развития и неглубоким анализом практики у руководителей правящей коммунистической партии и Советского государства. Сложнейшее и глубокое научное прогнозирование было подменено поверхностным социальным прожектерством. Вместо глубокого анализа живой, реальной, вечно меняющейся действительности, во многом еще непознанной, со многими элементами случайного (в этом плане достаточно назвать теорию *«Черный лебедь»* видного американского экономиста Нассима Николаса Талеба (1960 г.р.), открывшую трудно прогнозируемые и редкие события, но которые имеют значительные последствия, достаточно назвать потрясший и продолжающий еще потрясать мир COVID-19). Верх одержал упрощенный подход к пониманию окружающего мира и законов развития материальной природы и общества. Вдохновители принятия и авторы Программы строительства коммунизма взяли на вооружение до нельзя упрощенный и даже примитивный линейный подход. В подтвержденье этого еще раз обратимся к примеру с тремя ступенями ракеты, приведенному Н.С.Хрущевым. Выступая на XXII съезде, он использовал *космическое* сравнение: «Программы КПСС можно сравнить с трехступенчатой ракетой. Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая подняла ее к социализму, а третья – призвана вывести ее на орбиту коммунизма. Это замечательная ракета, товарищи»[35].

Мир менялся с удивительной быстротой, но коммунистические руководители СССР в 1961 году хотели видеть лишь те изменения, которые были нужны им. Мимо их внимания тогда прошла научно-техническая революция, уже тогда назревавший в мире переход к возобновляемым источникам энергии, переход к пятому и шестому технологическому укладу, к информационному обществу, когда основной ценностью становятся информационные ресурсы, а не эшелоны с металлом. Вне понимания авторов и составителей Программы осталось то, что может появиться айфон и смартфон, а всесильный Интернет накроет и захватит мир. Понятно, что они не могли, но они и не *хотели* предвидеть такие грядущие явления, как глобализация, мировой терроризм, год от года нарастающий исламский фактор, миграционный и климатический кризис, то, что произойдет сексуальная революция, и многое другое. Размышляя обо всем этом, невольно обратишься к незабвенному Н.В.Гоголю, и Программу 1961 года, этот набор благопожеланий с благоглупостями, определишь как «маниловщину». К сожалению, традиция громких нереализованных проектов не была изжита в нашей стране и в последующий период. Вспомним лозунг М.С.Горбачева: «обеспечить каждого гражданина страны к 2000 году отдельной квартирой», затем план удвоения валового внутреннего продукта страны за десять лет, выдвинутый В.В.Путиным весной 2003 года или проект «общеевропейский дом от Владивостока до Лиссабона».

В-четвертых, как не парадоксально, принятию Программы способствовали несомненные успехи СССР, последовавшие после сокрушительной его победы во второй мировой войне, послевоенного быстрого восстановления народного хозяйства, достижений в науке, технике, культуре, прорыва в космос, овладения атомной энергией. У многих людей появилась уверенность, что после разоблачения культа личности Сталина страна, народ все исправит, все совершит и всего достигнет, и все это заложило почву для социального оптимизма у значительной части населения. В 1951–1960 гг. СССР удерживал ежегодные темпы развития промышленности в 11,8 процента, превосходя развитые капиталистические страны. И руководство страны, и, прежде всего, Н.С.Хрущев, без глубокого анализа пролонгировали *(продлили)* эти достигнутые темпы на 10 и 20 лет вперед[36]. Особенно большой оптимизм привнес в советское общество гигантский прорыв СССР в космос. Эйфория от успехов освоения космоса, кажется, тогда затмила многие реально мыслящие умы. Общепризнанно, что 12 апреля 1961 года по своему значению народ поставил в один ряд с 9 мая 1945 года, такой подъем царил в стране. И это отразилось и в мировосприятии лидера страны Никиты Сергеевича Хрущева, буквально зараженного освоением космоса. Партия опять выступала за мобилизацию народа, призывала его на свершение своих планов. На XXII съезде КПСС говорилось: «Съезд призовет партию, народ, а народ – горы свернет»[37]. Можно привести такой показательный пример. Работавший тогда консультантом ЦК КПСС, затем ставший известным публицистом Ф.Бурлацкий приводит разговор 1960-х годов *с директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР* А.А.Арзуманяном:

«– Ты, Федор, счастливый, ты доживешь до такого времени, когда социализм победит во всей Европе.

– И когда же это произойдет по вашему предположению, Анушаван Агафонович?

– Не позже, чем через пятнадцать-двадцать лет.

– А каким путем?..

– Я не знаю, каким путем... Но твердо знаю, что социализм – дело одного, двух десятилетий»[38]. А

ведь это мнение высказывал один из ведущих экономистов страны, не раз бывавший за рубежом, владевший огромным объемом информации....

В-пятых, международная обстановка в то время в огромной степени стала благоприятной для СССР: произошло крушение колониальных империй (1960 год – год Африки), в 1959 году совершилась революция на Кубе, страна уже имела ракетно-ядерный щит.

В-шестых, образовательный и культурный уровень населения продолжал оставаться низким, в обществе отсутствовали традиции критического анализа и культура публичного обсуждения, сопоставления, сравнения политики власти. Страна, несмотря на ряд шагов, как Московский фестиваль молодежи 1957 года, продолжала оставаться изолированной от остального мира.

Если взять в целом всю советскую историю и рассматривать строительство нового общества или коммунизма в СССР как огромный неосуществленный социальный проект, то можно отметить следующее. Проект по своим масштабам был невиданной в истории мировой цивилизации попыткой изменить глубинные основы общественно-экономического устройства. Одновременно он стал и реально осуществленной ускоренной модернизацией страны, прежде всего, успешной индустриализацией, а также проведением культурной революции. За менее чем полвека бывшая Российская империя из преимущественно патриархально-крестьянской страны, с недостаточно развитой промышленностью превратилась в промышленную державу со второй в мире экономикой. А по ряду направлений (космос, овладение атомной энергией) СССР даже опередила ведущую сверхдержаву – США. Однако в значительной степени это было достигнуто сверхнапряжением сил народа, а в основе – насильственными методами под девизом *«железной рукой загоним человечество к счастью»* (так называемая коллективизация с массовым раскулачиванием, политические репрессии, использование в широких масштабах принудительного труда в системе ГУЛАГа, депортации целых народов), с огромными людскими потерями, как в Великую Отечественную войну, так и в мирные годы.

Опыт коммунистического строительства в СССР имел, таким образом, и видимые достижения и одновременно жестокие провалы и недостатки. Он дал значительный опыт в понимании теории и практики общественного развития. Но этот опыт, к сожалению, во многом был наработан путем проб и огромных ошибок, и если другим странам он нанес меньший урон и сослужил полезную роль, став неким предостережением от повторения, то для СССР имел огромное негативное значение, и эти последствия во многом не преодолены до сих пор.

Идея коммунистического общества еще сохраняется в мире и продолжает иметь какое-то число своих сторонников. Но ее реализация уже отодвинута на столь далекое будущее, что пока уже никак и никем реально она не рассматривается.

Примечания:

[1] КПСС. XXII Съезд. Стенографический отчет. М., Госполитиздат. 1962 Т. 3. С. 121.

[2] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат. 1961. С. 391.

[3] Твардовский А. За далью – даль. Поэма, стихи о Сибири. Иркутск. Восточно-Сибир. книж. изд-во. 1977. С. 127.

[4] Там же, С. 127.

[5] Буряк Е.М. Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР//Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 269.

[6] Примечательный факт. По названию газеты можно проследить этапы развития как страны, так и утверждения коммунистической идеи. Газета была создана в 1931 году, выходила на башкирском языке, под названием «Енербез» (Победим), в 1941 году газета стала называться «Большевик», в 1952 году – «Путь к коммунизму», а в 1965 года стала называться «Восход».

[7] Путь к коммунизму. (Челябинская область, Аргаяшский район). 1961. 19 сентября.

[8] Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс... канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 46.

[9] Хакимов Р.Ш. Наука побеждать профессора Бархатова. Челябинск. Изд. Цицеро. 2016. С. 31.

[10]. Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс.... канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 149, 150.

[11] Слезин А.А. Общественные ожидания от построения коммунизма в начале 1960-х гг.//Перспективы науки. 2013. № 9 (48). С. 72, 73.

[12] Слезин А.А. Общественные ожидания от построения коммунизма в начале 1960-х гг.//Перспективы науки. 2013. № 9 (48). С. 72.

[13] Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс.....канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 159.

[14] Там же. С. 156.

[15] Феклистов Г., Чебурин А. О натуральной оплате труда. /Путь к коммунизму. 1961. 31 августа.

[16] Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс....канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 161.

[17] Свинцова О. Добиться полной ликвидации трахомы. /Путь к коммунизму. 1961. 14 декабря.

[18] Путь к коммунизму. 1961. 21 сентября; 1 августа; 24 июня, 24 августа, 23 мая, 23 декабря.

[19] Путь к коммунизму. 1961. 20 июня, 4 июля.

[20] Путь к коммунизму. 1961. 9 мая.

[21] Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 22-й 161. Д. 105. Л. 223–224.

[22] КПСС. XXII Съезд. Стенографический отчет. М., Госполитиздат. 1962. Т. 1. С. 427.

[23] Хусаинов З.Н. Воспоминания о работе в Кулуевской школе./ Восход, 2016. 27 мая; 3 июня.

[24] Камалова Р. Выдающееся событие нашей эпохи. /Путь к коммунизму. 1961. 16 ноября.

[25] Путь к коммунизму. 1961. 21 ноября.

[26] Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 года № 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птицу, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное».

[27] ОГАЧО.Ф.П-288. Оп. 42. Д. 79. Л. 21–24.

[28] Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс...канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 197.

[29] Энгельс Ф. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., Изд-во. политич. лит-ры. 1974. Т. 42. С. 211–225.

[30] Письмо Ф.Энгельса – К.Каутскому, 1 февраля 1881 года/Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., Изд-во. политич. лит-ры. 1974. Т. 35. С. 124.

[31] Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде комсомола//В.И.Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1958–1965. Т. 41. С. 318.

[32] Материалы XXI съезда КПСС. М., Госполитиздат,1961. С. 97–98.

[33] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14–15 июня 1983 года. М., Изд. полит. лит-ры. С. 8.

[34] Сергей Кара-Мурза. СССР: предпосылки краха// «Литературная газета». 2007. 17–23 января.

[35] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат. 1961. С.135.

[36] Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века. Дисс...канд. ист. наук/А.А.Фокин. Челябинск, 2007. С. 56.

[37] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат. 1961. С. 154.

[38] Бурлацкий Ф. Глоток свободы. М.: 1997. кн. 1. С. 96.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

7 декабря 2020 г. Евгению Юрьевичу Рукосуеву, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН исполнилось бы 62 года. Его жизнь оборвалась 14 июля в самом расцвете творческой деятельности. С детства он проявлял интерес к военной истории. И хотя судьба не баловала его, еще в юности Евгений Юрьевич остался без родителей, тем не менее, сразу после службы в армии он сумел поступить на очное отделение исторического факультета УрГУ и закончил его с красным дипломом. После окончания университета в 1985 г. он проработал несколько лет в школе, создал семью, вырастил двух сыновей. Но полностью свое фанатичное увлечение историей он сумел реализовать только в исследовательской деятельности. В 1988 г. Евгений Юрьевич поступил в аспирантуру при вновь созданном Институте истории и археологии УрО АН СССР. С этого времени его научная деятельность была неразрывно связана с Институтом.

Евгений Юрьевич не был теоретиком, мастером широких обобщений, скорее наоборот, он был эрудитом: разрабатывая какую-либо проблему в мельчайших деталях, старался дать исчерпывающий ответ, как говорится «закрыть тему». В одном интервью корреспонденту студенческой газеты на вопрос «В каком бы периоде истории Вы хотели бы жить?» Евгений Юрьевич назвал XIX в. По сути, он в нем и жил, исследуя различные проблемы той эпохи. Базовой темой его исследований стала золотопромышленность Урала; из нее вырос интерес к истории горнозаводской промышленности и монетного производства, истории предпринимательских организаций и рабочего класса. Другое направление его научных интересов – военная история – связано с его происхождением из казаков (его предки с XVII в. служили на Волге, а затем на дальневосточных рубежах). Евгений Юрьевич живо интересовался различными аспектами вспомогательных исторических дисциплин – униформологии, геральдики, вексиллологии, нумизматики, бонистики, сфрагистики и исторической географии. Из-под его пера вышло более 250 работ, в т.ч. 24 монографии, 5 сборников документов, нескольких справочников и энциклопедий. Среди них особое место занимает трехтомник «Короли, президенты, премьеры...», высоко оцененный не только коллегами, но и в Министерстве иностранных дел РФ и на международном уровне.

Евгений Юрьевич Рукосуев.
(7 декабря 1958 – 14 июля 2020)

Евгений Юрьевич стремился к тому, чтобы результаты его изысканий находили практическое применение. Он участвовал в разработке геральдики Свердловской области, являлся экспертом по историко-культурным ценностям, консультировал на съемках художественного кино, разрабатывал концепции музейных экспозиций и на протяжении двух десятков лет прививал любовь и интерес к истории студентам УрГПУ и УрФУ. В памяти коллег, учеников, друзей Евгений Юрьевич останется как добрый, светлый, открытый человек, всегда готовый оказать помощь и поддержку.

Стержневой темой его научной работы, к которой он обращался на протяжении всей своей жизни, стала золотоплатиновая промышленность Урала. Ей были посвящены его кандидатская и (отчасти) докторская диссертации, ряд статей и монографий. Перед своей кончиной он работал над новой книгой «Горнозаводская промышленность Урала в XVIII – начале XX века: благородные металлы». Данная публикация представляет собой отрывок из этой книги.

РУКОСУЕВ Е.Ю.

ДРАГИ В ЗОЛОТОПЛАТИНОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Одним из новейших достижений науки и техники, которое на рубеже XIX–XX вв. стало внедряться в производство золотопромышленниками, явилась дражная добыча. Добыча золота со дна озер и рек велась и до появления драг. Старатели доставали песок со дна рек, находясь на плоту, в центре которого было отверстие. Через это отверстие черпаком, насаженным на длинный шест, со дна на плот поднимался песок, который потом промывался на вашгерде[1]. Более состоятельные промышленники рыли каналы для спрямления речных изгибов, меняя течение реки. Осушенные русла рек с золотоносными песчаными отложениями разрабатывались обычными разрезами.

Только на рубеже XIX–XX вв. началась действительно промышленная эксплуатация россыпных месторождений золота и платины в наносных отложениях рек с помощью драг. В России первая драга была построена в 1896 г. Верхне-Амурской компанией на реке Уруши на Дальнем Востоке. На Урале первая драга появилась в 1900 г. на прииске Неожиданном на реке Ис. Она была привезена из Голландии. С 1902 г. начал строительство драг Невьянский завод. Первая драга этого завода, имевшая деревянный понтон, была смонтирована на Невьянском пруду в 1902 г. Впоследствии понтон стали делать из железа, что сделало драги более прочными. За шестнадцать лет, с 1902 по 1918 г., Невьянский завод построил 27 драг новозеландского типа, 16 из них для Урала[2]. В 1903 г. драги начал выпускать Путиловский завод в Санкт-Петербурге. Завод строил драгу полностью, включая понтон и машины, для монтажа драг на месте эксплуатации командировал своих сборщиков. С 1903 по 1914 г. Путиловский завод построил 16 драг, из них для Урала – 12[3]. Наряду с отечественными, на Урале устанавливались драги, привезенные из-за границы.

Драга была настоящей плавучей фабрикой для извлечения золота и платины со дна рек и озер. Основной частью ее был понтон, на который крепился корпус. Внутри корпуса устанавливались приспособления для добычи и промывки песков – черпаки, бутары[4] или чаши[5], паровые машины для приведения в движение самой драги, черпачного и промывального устройств.

Обслуживали всю эту сложную технику профессиональные рабочие, которые находились при драге постоянно в течение всего рабочего года. Экипаж драги, общей численностью более 20 человек, состоял из драгера-капитана и рабочих-матросов. В отличие от рабочих на приисках, которые зимой расходились по домам, в зимнее время они были заняты ремонтом механизмов, чтобы летом, когда дорог каждый день, драга работала без поломок[6]. Благодаря низкой осадке, с помощью драг можно было не только добывать песок со дна озер и рек, но и разрабатывать их берега. Практически все процессы работы драги, кроме снятия золота, были механизированы, что было особенно важно в северных районах Урала, где имелась широко разветвленная речная сети, позволявшей вести дражную добычу золота и платины, но постоянно ощущался недостаток рабочих рук. Всего в России до революции было изготовлено 97 драг, из них на Урале – более 50[7]. Все драги двигались за счет паровых машин, только с 1915 г. на Кытлымском прииске Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа стали устанавливать драги с электрическим приводом, привезенные из США, для обеспечения их электроэнергией была построена электростанция мощностью 500 кВт.[8]

В начале XX в. драги стали играть значительную роль в уральской золотоплатиновой промышленности. В 1911 г. на Урале было добыто 498 пудов 30 фунтов золота и 352 пуда 3 фунта платины, в том числе драгами золота – 29 пудов 15 фунтов (5,8%), платины – 108 пудов 6 фунтов (30,7%). Перечень драг с разбивкой по фирмам приведен в таблице.

[1] ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 341. Л. 144.

[2] РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 49. Л. 12, 71-71 об.

[3] РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 48. Л. 136.

[4] Бутары или бочки предназначались для обработки глинистых песков, которые плохо промывались на вашгердах. Бочки делались из железа в виде усеченного конуса или цилиндра, вся их поверхность просверливалась отверстиями. Внутри их на стенки крепились зазубренные железные полосы, а спереди и сзади располагались крестовины, в отверстия которых вставлялся вал. Бочка устанавливалась наклонно, в верхнюю, широкую часть засыпался песок, через узкое нижнее отверстие удалялись камни. В движение бочка приводилась при помощи конного ворота или паровой машины. От вращения песок разбивался зазубренными полосами и вместе с водой проскальзывал на поставленный под бочку вашгерд, называемый шлюзом. Его ширина была равна длине бочки, снятие золота с него производилось как с обычного вашгерда.

[5] Чаши предназначались для обработки вязких песков. На Урале большее распространение получили чаша Комарницкого и двухъярусная миасская чаша. Решетчатое дно чаши Комарницкого делалось из листового железа толщиной в полдюйма (1,27 см), закраины – из котельного железа толщиной в четверть дюйма (0,63 см). Диаметр чаши был 4 аршина (284,48 см). Одновременно в чашу насыпали до 1500 пудов (24 510 кг) песка, сверху опускалась крестовина с прикрепленными к ней железными граблями («гребками»). Подавалась вода, крестовина начинала вращаться под действием конного ворота или паровой машины, протертый песок вместе с золотом падал через отверстия на шлюз, а крупная галька удалялась после остановки гребков. В сутки на такой чаше промывалось от 20 до 25 тыс. пудов (от 328 до 410 т) песка, обслуживали ее 45 человек.

[6] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.

[7] Трифонов В.П., Ярков В.П. Золотая промышленность Урала в пореформенный период (1861–1917) // 200 лет золотой промышленности Урала. Свердловск, 1948. С. 41.

[8] ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2904. Л. 56-68 об.

Драги на золотых и платиновых приисках Урала. 1901–1918 гг.

№	Год начала работы	Место постановки	Изготовитель	Тип драги**	Емкость черпаков (фут³)	Понтон***	Промывальное устройство	Примечание
Платинопромышленная компания								
1.	1901	Река Ис, прииск Неожиданный	Верфь Конрад (Нидерланды)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	«Вскрывочная»
2.	1901	Река Ис, прииск Неожиданный	Верфь Конрад (Нидерланды)	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	«Промывочная»
3.	1905	Река Тура, прииск Екатерининский	Путиловский	Амер.	3½	Жел.	бочка	№ 6, Путиловского завода
4.	1905	Река Ис, прииск Америка	Татц (Германия)	Н.-Зел.	2	Жел.	бочка	–
5.	1907	Река Выя, прииск Находка.	Построена компанией	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	№ 1, по реке Вые.
6.	1908	Река Выя, прииск Благословленный	Построена компанией	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	№ 2, по реке Вые.
7.	1909	Река Выя, прииск Майский	Построена компанией	Н.-Зел.	3	Жел.	бочка	№ 3, по реке Вые.
8.	1910	Река Выя, прииск Покровский	Построена компанией	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	№ 4, по реке Вые.
9.	1910	Река Выя	Построена компанией	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	№ 5, по реке Вые.
10.	1912	Река Ис, прииск Юрьевский	Путиловский	Амер.	5½	Жел.	бочка	–
11.	1914	Река Ис, прииск Петровский	Путиловский	Амер.	5½	Жел.	бочка	№ 12, Путиловского завода.
12.	1914	Река Ис, прииск Елизаветинский	Путиловский	Амер.	5½	Жел.	бочка	№ 13, Путиловского завода.
Невьянский горный округ								
13.	1902	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Дер.	бочка и чаша	«Петр Яковлев»
14.	1903	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Дер.	бочка и чаша	«Тибо-Бриньоль» № 10
15.	1903	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	7	Дер.	бочка и чаша	№ 2.
16.	1903	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	7	Дер.	бочка и чаша	«Ермолов» № 11
17.	1904	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	7	Дер.	бочка и чаша	«Коновалов»
18.	1905	Река Нейва, прииск Быньговский	Невьянский	Н.-Зел.	4	Дер.	бочка и чаша	«Мария», № 1.
19.	1907	Невьянский пруд, прииск Николаевский	Невьянский	Н.-Зел.	7	Дер.	бочка и чаша	«Невьянск», № 12.
20.	1907	Река Нейва, Быньговский прииск	Невьянский	Н.-Зел.	7	Дер.	бочка и чаша	«Фон-Крузе», № 3.
21.	1911	Река Нейва, Быньговский прииск	Невьянский	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 26, Невьянского завода. В 1914 г. перенесена на Каменушинский прииск Николае-Павдинского округа.
22.	1918	Река Нейва, Быньговский прииск	Невьянский	Амер.	7	Дер.	бочка	№ 27, Невьянского завода.
23.	1918	Озеро Шигирское	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	8	Дер.	бочка	–
Граф Шувалов								
24.	1904	Косьвинские прииски	Верфь Конрад (Нидерланды)	Н.-Зел.	4½	Жел.	бочка	–
25.	1904	Косьвинские прииски	Верфь Конрад (Нидерланды)	Н.-Зел.	4½	Жел.	бочка	–
26.	1912	Косьвинский прииск	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 3, Верхне-Исовская.
Богословское горнопромышленное общество								
27.	1904	Григорьевский прииск	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Дер.	бочка	–
Верхне-Уральское золотопромышленное товарищество								
28.	1904	Озеро Мисяш	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Жел.	бочка и чаша	В 1907 г. перенесена на Быньговский прииск, Невьянский пруд, «Боклевский» № 2.

Сосьвинское золотопромышленное товарищество								
29.	1904	Река Сосьва, прииск Радиевый	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Жел.	бочка и чаша	В процессе работы чаша была убрана
Лобвинское золотопромышленное товарищество								
30.	1904	Река Лобва	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Дер.	бочка и чаша	–
Верхотурское золотоплатиновое общество								
31.	1904	Река Лобва, прииск Потехин	Невьянский	Н.-Зел.	4½	Жел.	бочка и чаша	В 1908 г. перешла к Невьянскому горному округу, чаша была убрана.
Московское лесопромышленное товарищество								
32.	1904	Река Ивдель, Северо-Заозерская дача	Путиловский	Амер.	3½	Дер.	качающаяся решетка	№ 5, Путиловского завода.
33.	1907	Река Ивдель, Северо-Заозерская дача	Путиловский	Амер.	5½	Дер.	бочка	№ 9, Путиловского завода. В 1914 г. перенесена на Ниновский прииск, Николае-Павдинской дачи.
Туринское платинопромышленное общество								
34.	1904	Река Тура, прииск Иерусалимовский	Путиловский	Амер.	3½	Жел.	бочка и две чаши	№ 7, Путиловского завода. Перенесена на реку Туру, прииск Талисман.
Верх-Исетское заводоуправление								
35.	1905	Прииск Слизнинский	Верх-Исетский	Н.-Зел.	4	Дер.	бочка	В 1914 г. переведена на речку Малую Имянную, приток реки Туры, прииск князя Мещерского.
Тептярская золотопромышленная компания								
36.	1907	Озеро Ургун, в Тептярской даче	Клявитер (Германия)	Н.-Зел.	1½	Дер.	бочка	–
Нижне-Тагильский горный округ								
37.	1908	Река Мартьян, прииск Шульпихинский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 1, Нижне-Тагильского округа.
38.	1908	Река Мартьян, прииск Шульпихинский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 2, Нижне-Тагильского округа.
39.	1910	Река Мартьян, прииск Авроринский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 3, Нижне-Тагильского округа
40.	1910	Река Мартьян, прииск Авроринский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 4, Нижне-Тагильского округа.
41.	1911	Река Чауж, прииск Павловский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 5, Нижне-Тагильского округа.
42.	1912	Река Мартьян, прииск Иосифовский	Артур Браун (Англия)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	№ 6, Нижне-Тагильского округа.
43.	1915	Река Висим, прииск Павло-Анатольевский	Невьянский	Н.-Зел.	5	Жел.	бочка	№ 7, Нижне-Тагильского округа.
Зауральское горнопромышленное общество								
44.	1908	Река Большая Сосьва, прииск Даниловский	Путиловский	Амер.	5½	Жел.	бочка	№ 10, Путиловского завода.
45.	1912	Река Лангур, Южно-Заозерская дача	Путиловский	Амер.	5½	Дер.	бочка	№ 11, Путиловского завода.
Сысертский горный округ								
46.	1909	Река Кунгурка, прииск Кунгурский	Сысертский	Н.-Зел.	2½	Жел.	бочка и чаша	–
Александр Вернер								
47.	1912	Река Иман, приток р. Туры	Верфь Конрад (Нидерланды)	Н.-Зел.	7	Жел.	бочка	–
Николае-Павдинский горный округ								
48.	1914	Река Кытлым	Путиловский	Амер.	5½	Жел.	бочка	№ 14, Путиловского завода.
49.	1915	Река Кытлым	Марион (США)	Амер.	7½	Жел.	бочка	Электрическая.
50.	1918	Река Кытлым	Бюсайрей (США)	Амер.	7½	Жел.	бочка	Электрическая.
51.	1918	Река Кытлым	Бюсайрес (США)	Амер.	7½	Жел.	бочка	Электрическая.

* Значком (*) отмечены драги, которые были демонтированы к 1920 г.
** Н.-Зел. – драги Новозеландского типа, Амер. – драги Американского типа.
*** Жел. – железный, Дер. – деревянный.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ ПОЛВЕКА

Наталья ГЕНИНА

Искусствовед

Наталия работала художником на телевидении, затем на киностудии художником по куклам, руководила детским театром «Аистенок» во Дворце пионеров, была куратором Школы-Театр. Она писала маслом и акварелью, экспериментировала в разных техниках, делала театральные эскизы. Работы Наталии декоративны, пластичны, разнообразны, часто сказочные и фантастические сюжеты находят воплощение в ее полотнах и графических листах. Свой стиль Наталия Субботина называет «поэтической реальностью». Она с детства пишет стихи, и нередко ее художественные выставки устраиваются как перфоманс, выставочное пространство наполняется музыкой и стихами в авторском исполнении. Также Наталия Субботина всегда сама создает проекты своих книг и делает иллюстрации. Это позволяет сохранить индивидуальность и самобытность ее сборников.

Художники Субботины принимали участие в проектах Союза художников, в выставках неформальных художественных объединений, а позднее стали устраивать совместные персональные выставки в различных музеях и картинных галереях. Ни в какие объединения не вступали, стараясь сохранить свою свободу. Кроме того, супружеская пара очень полюбила путешествия. Изучая особенности акварелей европейских школ, супруги отправляются в длительное путешествие по Италии, где Геннадий работает над видами Рима, Флоренции, Венеции, Пизы, Сиены, Ассизи и других городов. Ему удается выработать манеру «европейской составляющей» городского пейзажа и, вернувшись в Россию, он делает цикл акварелей с видами Старого Екатеринбурга в стиле традиционного европейского рисунка.

Из истории искусства нам известно, что этот стиль возник в Италии в пятнадцатом веке и представлял собой зарисовки городских видов, называемых «ведута» (от слова «видеть»). Многие брали с собой в путешествие художников, чтоб они запечатлели прекрасные виды разных городов и стран. С восемнадцатого века наблюдается совершенствование именно акварельной живописи как самостоятельной техники. До этого акварель употребляли для подкраски гравюр. Вскоре по всей Европе возникают различные школы живописи видового архитектурного пейзажа. Чуть позднее расцветает акварельная живопись в России под влиянием развития реалистической живописи. Превосходной архитектурной командой акварелистов были русские зодчие под руководством Ухтомского и Петербургской академии художеств. Отличительной чертой стиля «ВИДЫ ГОРОДА» является фотографическая точность изображения архитектуры и ее деталей, без перспективных искажений и прочих вольностей. Геннадий сохраняет в своих работах торжественную приподнятость архитектурных видов, уважение к градостроительным принципам, документальную точность и романтическое ощущение связи времен. Наталия подбирает для него материал и архивные документы для следующих композиций. Их творческий тандем укрепляется с годами. Супруги много путешествуют, и Геннадий пишет виды Москвы, Петербурга, городов Урала, Прибалтики, Крыма, Карелии, Греции и других. А Наталия радостно проживает все странствия, посвящая стихи новым местам, делая открытия каждый день. «Что

Наталия Субботина «Италия. Сан Марко».

Геннадий Субботин «Москва. Красная площадь».

Геннадий Субботин «Верхотурье. Крестовоздвиженский собор».

Геннадий Субботин. Из цикла «Классицизм на Урале»: «Усадьба Расторгуевых-Харитоновых».

Наталия Субботина. Из цикла «Театральные куклы»: «Китаец и Японка», «Принцессы».

Наталия Субботина. Из цикла «Куклы кино»: эскиз к мультфильму по сказам Бажова «Золотой волос». Персонаж Золотой волос (Свердловская киностудия).

Наталия Субботина «Италия. Мост Сан Анжело».

Наталия Субботина «Карнавал в Венеции».

Наталия Субботина «Венецианская маска».

желать, когда так много утро каждое приносит?» – восклицает она. Для ее восприятия мира характерны излучения радости и света. Принимая мир всей душой, она делится позитивом в своих стихах. В стихотворении «Путешествия» из карельского цикла, Наталия пишет:

«Мне неволя незнакома,
Я лечу, подобна чайке,
И сверкаю опереньем
Над хрустальною водой,
И над строем крепких сосен,
Над лососевым протоком,
Над крутым песчаным склоном
И над сочною травой,
Я лечу подобно чайке,
И звенит любовью сердце,
Как душистый колокольчик
Между небом и землей».

В августе 2002 года в Екатеринбургском музее изобразительных искусств на Воеводина, 5, открывается совместная выставка супругов под названием «Акварели плюс», на которой представлены виды Екатеринбурга Геннадия Субботина и цикл итальянских картин маслом Наталии Субботиной. Совместные выставки также прошли в галереях «Окно», «Вдохновение», в зале Уставного суда, в Музее истории архитектуры, в залах Резиденции губернатора Свердловской области, в Союзе художников и Пушкинском доме. Клуб любителей миниатюрной книги выпустил два раритетных издания с акварелями Геннадия Субботина, а также книжку стихов Наталии Субботиной с ее авторскими графическими иллюстрациями.

В 2002 году, открыв выставку «Акварели плюс», Наталия вылетела в Индию, а Геннадий остался дежурить на выставке в Музее изобразительных искусств, встречаясь со зрителями. Впечатлениями о путешествии по Индии, зарисовками и фотографиями Наталия поделилась в двух своих исследовательских книгах « Улыбка Будды» и «Танцы Богов», а также сделала несколько выставок живописных полотен с индийской тематикой. Несколько лет она занималась изучением классической храмовой хореографии и связей индийских танцев с поэтическими литературными источниками древности. В процессе этой работы были написаны картины и цикл стихов под названием «Моя Индия».

В 2004 году в Екатеринбургском музее истории архитектуры на ул. Горького, 4 «А», состоялась выставка картин художницы, посвященная двум странам Индии и Италии под поэтическим названием «Капля упала в океан, и океан отразился в капле». На открытии выставки Наталия сказала: «Екатеринбург находится на границе Европы и Азии. Я задумалась над тем, кем же мы являемся в этом мире: европейцами или азиатами?» И зрителю был предложен поэтический спектакль-медитация, где Наталия читала свои стихи из нового поэтического сборника «Тайна в комоде», презентация которого состоялась на открытии выставки, и танцевала индийские танцы. В этот же период в Музее истории архитектуры состоялись Рождественские вечера под названием «У Субботиной по субботам». На выставку приходили артисты и музыканты, искусствоведы и художники-сценографы театров города, собирался клуб «Мир сценографии», друзья-туристы пели свои песни, приходили альпинисты и спелеологи, друзья Наталии, с которыми она спускалась под землю и поднималась на снежные вершины. Спонтанные вечера превращались в импровизированные концерты, люди вели задушевные беседы, на один из вечеров даже собрались одноклассники Наташи почти в полном составе во главе с первой учительницей Евгенией Федоровной Морозовой. Эти вечера вспоминают до сих пор, так же, как авторские поэтические концерты Наталии Субботиной, проходившие в Пушкинском доме Екатеринбурга.

В Музее истории архитектуры весной 2003 года состоялась совместная выставка четы Субботиных под названием «Художник и город», где были представлены современные виды Екатеринбурга – акварели Геннадия Субботина и фотографии Наталии с ее поэтическими текстами, на которых был запечатлен город и Геннадий, рисующий родной город в любую погоду. Это была третья выставка проекта, посвященного 280-летию Екатеринбурга. За участие в этом проекте музея город наградил супругов Субботиных грамотами, дипломами и памятными подарками. Также Геннадию была торжественно вручена медаль к 400-летию Верхотурья за цикл акварелей «Верхотурье – духовный центр Урала».

Более пятнадцати акварелей с видами города Екатеринбурга семья Субботиных подарила Музею изобразительных искусств в юбилейный год музеев Екатеринбурга.

Выйдя на пенсию, супруги приняли решение поселиться у моря. Дети выросли и уехали в Москву. Художники Субботины продолжили свои путешествия и поселились на берегу Черного моря в славном городе Одессе. Наталия в детстве приезжала в этот город на каникулы к своей тетушке Августе и полюбила Южную Пальмиру как второй родной город, поэтому выбор супругов пал на Одессу, несмотря на сложности. Как писал поэт И.Бродский: «Когда так много позади всего, в особенности горя, поддержки чьей-нибудь не жди, сядь в поезд, высадись у моря». Море всегда воспринимается местом отдыха и блаженства, особенно для тех, чья жизнь прошла в суровом уральском климате. Люди весь год работают и копят деньги, чтоб провести свой отпуск на морском побережье, а жить у моря мечтают многие. «О, в этом городе есть, что порисовать! До конца жизни хватит!» – воскликнул Геннадий после первого обзора одесских улиц и приступил к работе. Его привлекла архитектура стиля ампир, постройки периода модерна, очаровала эклектика памятников архитектуры. Он снова работал циклами, создавая акварели центральных улиц Одессы: Дерибасовской, Греческой, Преображенской, Садовой и других. Он рисовал церкви, культовые здания, к примеру, такие, как знаменитый Одесский оперный театр, Потемкинская лестница, Ланжерон, Московская гостиница, аптека Гаевского, здание пассажа, Археологического музея, а также вдохновлялся уютными одесскими двориками.

«Одесса сродни акварели, город родился по указу российской императрицы на одном вздохе, на заре девятнадцатого века, и строили его европейские архитекторы» – говорил Геннадий. Такой уни-

кальный город, конечно, восхищал художника. Считая своей миссией запечатлеть ускользающую красоту, Геннадий Субботин десять лет посвятил созданию видов Одессы. Город принял его сразу, виртуозные акварели постоянно покупали гости города, иностранцы, горожане и коллекционеры. Геннадий не изменил своих правил и выходил по выходным дням на Соборную площадь, где находился Одесский художественный рынок. Коллеги сразу приняли его в Товарищество Одесских художников, и так же, как в родном Екатеринбурге, каждый год покупали чудесные акварели для мэрии города.

Одесса когда-то была основана как город-крепость, но с годами приобрела славу портового города и курортного центра Российской империи. Одесситы не устают придумывать городу ласковые имена, называют его маленьким Парижем и Южной Пальмирой, они всерьез шутят, что «не всем так повезло – родиться в Одессе». Супруги Субботины купили прекрасную трехкомнатную квартиру рядом с морем и счастливо прожили в Одессе очень благополучный и творческий период своей жизни до самых тревожных событий в Украине 2014 года. Уезжая, подарили городу множество акварелей, где были запечатлены рукой мастера те старинные здания, что были разрушены, сожжены, или дурно реставрированы. Наталия опубликовала в Одессе несколько поэтических сборников. В стихотворении «Мечты сбываются» она отразила свое одесское настроение:

«А я у моря поселилась,
Исполнила свою мечту,
И, как бы лодка не кренилась,
Таскаю сетью красоту.
Ловлю прекрасные причуды,
Ищу слова, читаю сны.
Ракушек солнечные груды
Коплю для сведущей весны.
Все собираю в ожерелье,
Потом своим друзьям дарю,
Рисую маслом, акварелью,
Да Господа благодарю».

В 2015 году супруги Субботины переселились на другой берег Черного моря – в солнечную Болгарию, старинный город Несебр, памятник архитектуры под открытым небом, охраняемый ЮНЕСКО, купили апартаменты рядом с морем и красивым парком. Наталия погрузилась в изучение болгарской культуры и языка, Геннадий рисовал акварельные виды городов южного побережья. Супруги наслаждались жизнью у моря, цветеньем болгарских роз, поездками на экскурсии, узнаванием новой страны, ее жителей и болгарских обычаев. Наталия писала стихи, устраивала поэтические вечера, была активным участником музыкально-поэтической гостиной «Берегиня», членом клуба Русофилов и опубликовала в Болгарии шесть стихотворных сборников с авторскими иллюстрациями. В Болгарии сама природа превращается в Музу и дирижирует волшебной палочкой вдохновению. В стихотворении из сборника «Пятая стихия» Наталия писала:

«Есть место силы у меня
Под кедрами у самого обрыва.
Там наблюдать приливы и отливы
Могу в любое время дня.
Люблю сюда я утром приходить,
Когда лучи появятся над морем,
И вдаль глядеть на синее нагорье,
И, наблюдая, день не торопить.
И постепенно гладь морской стихии
Хрусталиками света заиграет,
И вдохновение меня не покидает,
Свободно и легко пишу стихи я».

Казалось, супруги нашли в Болгарии свой Эдем. Они всегда стремились к созданию гармоничного мира. Именно это было для них важно в жизни в прошлом веке и нынешнем. Но неожиданным образом художники Субботины снова меняют место жительства, перебравшись на север России из солнечной Болгарии в город, в центре которого стоит скульптура Берегини, держащей в одной руке кедровую ветвь, а в другой мудрую сову. И так она похожа по силуэту на «Хранительницу недр», единственный экземпляр каслинского литья (подаренный перед свадьбой будущим супругам графиней Марковой), который путешествовал с семьей 50 лет. Именно этот силуэт Наталия нарисовала на обложке своей первой книги стихов, выпущенной в Екатеринбурге в 1997 году. Для тех, кто умеет читать знаки, это был не простой символ.

Совместная юбилейная выставка картин Субботиных состоялась в молодом городе газовиков, в красивом выставочном пространстве здания Газпрома, где на стеклянных стенах разместились картины художников, словно парящие в воздухе. Выставка называлась «Путешествие длиною в полвека» и длилась полгода с небольшим перерывом на летние каникулы. «Мы выставкой еще не насладились», – сказала директор Музея Газпрома, – давайте ее еще продлим». И продлили. Выставка была очень достойно организована и встречена жителями Югории, отмечена в средствах массовой информации и сюжетах местного телевидения. Многие картины Субботиных сохранились, благодаря дочери Анастасии, которая переехала из Москвы в Югорск по приглашению возглавить театральный центр «Норд». Она работает в театре главным режиссером, а ее муж Александр Фучило является актером этого театра и руководит молодежной студией.

Неожиданные повороты делает судьба. Начав свое путешествие с Урала, побывав в Италии, Греции, Израиле, Индии, Болгарии и других странах, судьба завернула художников снова ближе к Уралу, в Сибирь, на Крайний север. Есть такая песня: «От Ямала до Урала тайга, тайга. От Урала до Ямала снега, снега...» А город Югорск находится посередине, он еще очень молод, в этом году справил пятьдесят восемь лет. Снежная страна Югория с полярной ночью, белыми лунными ночами, северным сияньем, с глухарями, оленями и медведями, с лесами, полными грибов и ягод, с реками, полными рыбы, с людьми, сильными, честными и закаленными в северных условиях жизни полюбилась супругам, приоткрыла для них новый мир и вдохновила на новые картины. «Мы снова дома, – улыбается Геннадий, бережно обнимая свою любимую жену, – возвратились на круги своя, и дети с нами, и маленький внук, и старшие внуки из Москвы приезжают, соединилась вся семья».

«Кто знает, – смеется Наталия, – наше путешествие еще не закончилось...»

❑

ТАЙНЫ «АНТОНИНОВСКОГО КЛАДА».
(ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕСБЫВШЕЙСЯ МЕЧТЫ...)

Роман ФИРСОВ

Историк, исследователь. Действующий член Секции ИВАК (Санкт-Петербург). г. Лондон.

Ольга ПОТЕМКИНА

Старший научный сотрудник Свердловского областного краеведческого музей имени О.Е.Клера. г. Екатеринбург.

Эта история началась больше 100 лет назад, в далеком уже 1919 году, затем неожиданно напомнила о себе почти через 60 лет и получила свое продолжение и развитие уже в наши дни.

...В 1975 г. в Свердловске, на улице 8-го Марта (бывшей Уктусской) полным ходом шла реконструкция и строительство нового учебного корпуса Свердловского института народного хозяйства (ныне – это одно из зданий Уральского государственного экономического университета (УРГЭУ). С утра до вечера кипела работа. Ревели бульдозеры, грохотали экскаваторы, машины не успевали отвозить строительный мусор. Город избавлялся от прошлого и стремительно расчищал место для новых, современных, построек. Наблюдавшая за этим процессом детвора с нетерпением ждала – когда же дяди-строители закончат работу, и наступит их время – время игры в «войнушку» и «казаков-разбойников» в старинных развалинах. Так и случилось в тот день, когда, даже не догадываясь об этом, вездесущие мальчишки, играючи, неожиданно запустили «машину времени». Нечаянное движение, и обвалившаяся ветхая стена под лестницей на втором этаже полуразрушенного здания открыла дверь в прошлое, в жизнь постояльцев дома № 58 по улице Уктусской в тревожное начало XX века. С этого момента начинается история клада, который позднее был назван «Антониновским».

В небольшом помещении за фальшивой стеной не переливались мягким светом жемчуга и самоцветы, не блистали чаши, наполненные серебром и златом. Там были аккуратно упакованы самые разные предметы: церковная утварь, оружие (несколько винтовок, пистолетов, штык-ножей), документы, продовольственные карточки 1917–1918 гг., альбомы для открыток и марок, газеты, открытки и письма, лотерейные билеты, мужская одежда и обувь, в том числе добротные военные сапоги (и несколько других предметов одежды) английского производства, столовая и кухонная посуда,

Улица 8 Марта. Накануне сноса домов под строительство нового учебного корпуса Института народного хозяйства (СИНХ). *Свердловск. 1975 г. (Государственный архив Свердловской области).*

большой самовар, несколько упаковок чая, две огромные сахарные головы, иностранные сигары и даже фотоаппарат и микроскоп, словом, все то, что было ценно для людей, которые так заботливо все это пытались сохранить в неспокойное время.

Владельцев тайника, как и время его создания, научным сотрудникам Свердловского государственного областного краеведческого музея, куда сразу же поступила эта находка, установить оказалось не сложно. Большинство газет, в которые были бережно обернуты предметы, было датировано 1918–1919-м годами, а на документах, найденных в тайнике, можно было прочитать фамилию – Антониновы. Почти 60 лет «Антониновский клад» ждал возвращения своих хозяев, которые так никогда им и не воспользовались. Сотрудники музея попытались выяснить судьбу этой семьи, но в 1975 году почти никаких сведений о ней найти не удалось.

Предметы из этого тайника хранятся в настоящее время в фондах Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е.Клера и периодически экспонируются на различных выставках. И вот недавно, в связи с изучением и подготовкой материалов к новой выставке, посвященной истории кладов, обнаруженных на Урале в XIX–XX вв., вновь оживился интерес и к теме «Антониновского клада». И, конечно, появилось желание больше узнать о самих его «хозяевах», о людях, которые 100 лет назад надежно укрыли дорогие для них вещи и документы в тайнике, чтобы вернуться за ними, и вовсе не предполагали, что когда-нибудь все это станет своеобразным посланием потомкам и предметом пристального внимания историков.

Научные сотрудники Музея истории и археологии Среднего Урала (филиал Свердловского областного краеведческого музея) в настоящее время ведут активную работу по поиску архивных документов и материалов, связанных с биографией членов семьи Антониновых: какими были эти люди, какое получили образование, каково было их семейное положение, чем они занимались в жизни, каковы были их увлечения, интересы, политические взгляды и пристрастия в то неспокойное «революционное» время. К этому времени нам удалось прочесть лишь несколько страниц из жизни «создателей» «Антониновского» тайника. Ранее уже было известно, что в разгар Гражданской войны, в связи с отступлением белых из Екатеринбурга, хозяин квартиры, где был обнаружен клад – Александр Петрович Антонинов, вместе с семьей, как и многие его современники, вынужден был бежать из города и, по некоторым данным, умер от тифа в 1919–1920 гг. во время эвакуации с армией Колчака. Никаких материалов о дальнейшей судьбе остальных членов семьи в архивах нашего города до настоящего времени обнаружено не было.

Но фамилия Антониновых была весьма известна в дореволюционном Екатеринбурге. Ведь протоиерей Александр Петрович Антонинов, глава семьи, окончивший Казанскую Духовную академию (выпуск 1896 г.), служил ректором Екатеринбургской духовной семинарии. На эту должность он был назначен указом Святейшего Синода в 1916 году. Екатеринбургская семинария в начале XX в. занимала несколько городских строений по адресу ул. Уктусская, 60. В одном из соседних домов (под № 58) на той же улице снимала квартиру семья ректора (все эти здания по ул. 8 марта, бывшей Уктусской, до наших дней не сохранились). Службу свою А.П.Антонинов нес честно и исправно. Семья не купалась в роскоши, но имела постоянный и хороший доход. Жена Александра Петровича – Павла Николаевна Вознесенская, подарила ему шестерых детей, которым родители стремились дать достойное по тому времени образование.

Из формулярного списка о службе ректора Екатеринбургской духовной семинарии протоиерея Александра Петровича Антонинова за 1916 г. (составлен 1 окт. 1916 г.): «Протоиерей Александр Петрович Антонинов, кандидат богословия, ректор ЕДС, преподает Священное Писание в 5 классе семинарии, 55 лет, имеет набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест, от Синода выдаваемый, и палицу (6 мая 1914 г.), ордена св. Анны 3 и 2 ст. и св. Владимира 4 ст. и медали: в память царствования Александра III, 25-летия церковно-приходских школ, 300-летия царствования Дома Романовых и крест в память того же 300-летия Дома Романовых, жалование получает 3 900 руб. в год. Состоит членом Императорского палестинского общества с 21 августа 1895 г. С 1896 г. состоит председателем совета Братства святого праведного Симеона Верхотурского. Женат на Павле Николаевне Воскресенской, 48 лет, дети: Александр, 29 авг[уста] 1890; Николай, 9 июня 1892 г., Константин, 9 октября 1894; Сергей, 6 ноября 1900; Вера, 6 ноября 1888; Ольга, 10 мая 1896. Из которых старший сын Александр и дочь Вера состоят на службе, а остальные дети обучаются в разных учебных заведениях...» (Российский государственный исторический архив, СПб.).

Вторым по старшинству сыном ректора семинарии был Николай (1892 г.р.), судьбе которого, в основном, и посвящен наш рассказ. Ему, кстати, принадлежит и значительная доля предметов из семейного тайника – обувь, одежда, вещи с вышитой монограммой «Н.А.», гимназический альбом, некоторые документы и т.д.). Некоторые факты его биографии открылись совсем недавно, когда в очередной раз просматривая опись предметов и документов из «Антониновского клада», сотрудники музея поняли, что Николай Антонинов имел прямое отношение к авиации, и, что в 1917 г. он был направлен на обучение в Англию в составе Русского Авиационного Корпуса (Russian Flying Corps in Britain), о существовании которого историки – «военные эксперты» нашего музея раньше никогда не слышали. Решено было обратиться за помощью к известному исследователю из Англии Роману Александровичу Фирсову – эксперту Форума поисковых дви-

жений Великобритании, который долгое время работал с документами Национального архива Великобритании (National Archives), Музея Королевских военно-воздушных сил Англии (Royal Air Force Museum London), а также с российскими архивными источниками, изучал материалы частных, семейных коллекций в России и за ее пределами. В результате этой многолетней кропотливой работы, в соавторстве с российским военным историком Андреем Карташовым, в 2014 году им была написана и издана монография «В небе двух Империй», которая посвящена ранее малоизвестной истории Русского авиационного Корпуса в Великобритании в 1917 году.

Роман Александрович мгновенно и с искренней доброжелательностью откликнулся на приглашение к сотрудничеству и просьбу оказать помощь музею в поисках сведений о курсанте Русского авиационного Корпуса, уроженце города Екатеринбурга Николае Антонинове. Но сами музейщики в тот момент, честно говоря, почти не надеялись на успех этой инициативы. Ведь с той поры пронеслось столько исторических и политических бурь и событий, что любые документы могли затеряться или просто «кануть в лету», исчезнуть. Но тем больше было их удивление и радость, когда, начав активную переписку с одной из авторов этой статьи, Роман Александрович совершенно безвозмездно (за что сотрудники музея ему особенно благодарны) предоставил им ценную информацию и редкие архивные материалы, позволившие «пролить свет» на биографию одного из хозяев «Антониновского клада».

Мы знаем, что Николай Александрович Антонинов родился 9 июня 1892 года. Волею родителей, стремившихся дать ему хорошее образование, совсем юным был отправлен в Санкт-Петербург, где поступил в «престижную» Вторую гимназию имени Императора Александра I (к слову, и сегодня вторая гимназия Санкт-Петербурга располагается в том же здании и считается весьма престижным учебным заведением). Во время учебы проявил способности к точным наукам, рисованию и черчению. И к моменту окончания гимназии у молодого человека, вероятно, уже сложилось точное представление о будущей специальности и карьере. На то были достаточно веские причины, ведь на его судьбу, как и на судьбы тысяч молодых людей того времени, во многом повлияла начавшаяся Первая мировая война. Небывалый подъем патриотизма в России, желание всеми силами помочь стране одержать победу – это обуревало умы многих представителей молодежи того времени. Конечно, на фронтах Великой войны их ждали трудности, трагедии, даже смерть, но и – Слава! Вероятно, не избежал этого душевного подъема и Николай Антонинов.

Как известно, войны, как не прискорбно это сознавать, зачастую являются двигателями технического прогресса своего времени. Все новые средства ведения боевых действий, вооружение и военная техника семимильными шагами развиваются именно в период войн. На фронтах начала XX столетия стали доминировать бронированные корабли, танки, артиллерия и едва «оперившаяся» боевая авиация. В условиях широкомасштабных позиционных действий 1916–1917 годов военное командование и политики воюющих стран высоко оценили достоинства нового средства борьбы – аэропланов. Авиация росла количественно и качественно. Воюющие страны в несколько раз увеличили производство самолетов и авиационных моторов.

В России формировались новые авиационные отряды, росло производство боевых самолетов. Качество авиационной техники непрерывно улучшалось за счет совершенствования конструкции и аэродинамических форм летательных аппаратов, повышения мощности и надежности силовых установок, оснащения новыми образцами оборудования и вооружения. Возможно, еще будучи гимназистом, Николай Антонинов понял – вот именно то, чем он хочет заниматься, именно то, в чем он сможет себя проявить и применить свои знания и способности. Молодой российской авиации необходимы были не только профессиональные летчики, но и умелые, талантливые механики.

Через какое-то время после окончания гимназии (к сожалению, нами пока не установлена точная дата этого события) он поступает в Школу авиации военного времени им. Великого князя Александра Михайловича Императорского всероссийского аэроклуба (ИВАК). Базировалась школа на Комендантском аэродроме Петрограда. Согласно адресной книге за 1917 год, в Петрограде проживал тогда единственный гражданин с таким именем и фамилией – Антонинов Николай Александрович. «Потомственный дворянин. Лиговская, 131 (Ныне Лиговский проспект. Бывший доходный дом Н.Н.Елизарова. – Ф.Р.), чертежник». После окончания гимназии он, вероятно, снимал квартиру по указанному адресу. Выбор им места учебы оказался неслучайным. В дореволюционное время ИВАК являл собой ведущее авиационное учреждение страны. К 1917 году в Российской Империи насчитывалось не менее 10 крупных авиационных военно-учебных заведений. Но востребованность в обученных авиаторах была настолько высока, что эти учебные заведения были не в состоянии удовлетворить требования фронтов в летных и технических кадрах.

Дефицит авиационных кадров стал основным мотивом для обращения России в 1916 году к Франции и Англии за помощью в обучении русских пилотов и мотористов. Летные школы этих стран опережали Россию не только в масштабах подготовки кадров, но и были оснащены наиболее современной учебной и боевой техникой, которую стали использовать также и в Российской армии. Тщательно накапливаемый методический опыт позволил этим странам создать наиболее современную материальную базу и эффективную методику обучения летному делу. Управление Военного воздушного флота к началу 1917 года приняло окончательное решение о направлении в эти страны нескольких групп офицеров и нижних чинов

Учащиеся Авиационной школы ИВАК. *Петроград, февраль 1917. (Личная коллекция семьи Визель). Солидный мужчина в штатском в центре – Кузнецов Василий Васильевич (1866–1938), известный российский, а позднее и советский метеоролог и гидролог, организатор аэрологических исследований в разных городах и обсерваториях страны (в т.ч. в магнитно-метеорологической обсерватории города Екатеринбурга в 1905 г.).*

для обучения последних авиационному и моторному делу. В общей сложности в феврале того же года порядка 250-ти военнослужащих отправились в авиационные школы союзников. Для молодежи, которая только и грезила небом, возможность прохождения подготовки во Франции или Англии была просто счастливым подарком судьбы.

Отношение многих сверстников Николая Антонинова к авиации и авиаторам того времени очень образно характеризует фрагмент из рассказа его старшего современника, писателя А.И.Куприна – «Люди-птицы», созданного им в 1911г. (правда, во многом оно остается таким и сегодня): «...Да, это новая, совсем новая, странная порода людей, появившаяся на свет божий почти вчера, почти на наших глазах. Мы, их современники, перевалившие через четвертый десяток лет, были свидетелями многих чудес. При нас засияло на улицах электричество, заговорил телефон, запел фонограф и задвигались на экране оживленные фигуры, забегали трамваи и автомобили, радиотелеграф понес без проволоки на сотни верст человеческую мысль, подводные лодки осуществили дерзкую мечту Жюль Верна. И вот мы уже перестали удивляться большинству открытий. Щелкая медным выключателем, мы в тот момент, когда комната озаряется ровным ярким сиянием, уже не говорим себе с радостной гордостью: «Да будет свет!» И любой петроградский коммерсант, слыша голос своего доверенного, говорящего из Москвы, кощунственно восклицает: «Прошу погромче! Сегодня телефон чертовски скверно работает!» Но авиация никогда не перестает занимать, восхищать и всегда снова удивлять свободные умы. Вот они высоко в воздухе проплывают над нами с поражающим гулом, волшебные плащи Мерлина, сундуки-самолеты, летающие ковры, воздушные корабли, ручные орлы, огромные, сверкающие чешуей драконы – самая смелая сказка человечества, многотысячелетняя его греза, символ свободы духа и победы над темной тягостью земли!.. И летчики, эти люди-птицы, представляются мне совсем особой разновидностью двуногих. Они жили и раньше, во всех веках, среди всех народов, но, еще бескрылые, проходили в жизни незаметно, тоскуя смутно по неведомым воздушным сферам, или в судорожных попытках умерли безвестно, осмеянные безумцы, поруганные, голодные изобретатели.
– Monsieur, – сказал однажды на парижском аэродроме знаменитый Луи Блерио своему ученику, русскому авиатору, после первого с ним совместного полета, – с этого дня летайте самостоятельно, я сегодня же выдам вам ваш «brevet» (диплом пилота-авиатора – прим. автора). Вы родились птицей!»

Но предстоящему обучению в Англии предшествовал тщательный и кропотливый процесс отбора кандидатов. Решено было привлечь к нему следующие военные и учебные заведения: Запасной авиационный батальон, Школу авиации ИВАК и Петроградский Политехнический институт, а точнее Теоретические курсы авиации при нем. Увофлот (Управление военно-воздушного флота) выдвигал жесткие требования к курсантам. В первую очередь они сводились к способностям и навыкам будущих «кадетов» Русского авиационного корпуса, как окрестили их англичане позднее. Предпочтение отдавалось знакомым с техникой солдатам и унтер-офицерам.

Образование – первое что подвергалось проверке при отборе в группы. Ни социальное положение, ни национальность не играли никакой роли в этом процессе. Например, в списках нижних чинов Запасного авиационного батальона в графе «Специальность» у многих кандидатов значится: слесарь, механик, техник, машинист, чертеж-

ник. В графе «Сословие» можно увидеть: мещанин, крестьянин, сын купца, потомственный дворянин и т.д. О национальном составе групп и говорить не приходится. Здесь были представители многих народов, населявших просторы Российской империи. Из нескольких сотен желающих были отобраны самые способные и надежные курсанты. Но следует заметить – благонадежность тоже играла немалую роль. Всем этим критериям отвечала и кандидатура Николая Александровича Антонинова: образован, дисциплинирован, физически здоров, благонадежен и способен к обучению.

Так, в первых числах февраля 1917 года, в числе 24-х представителей Авиационной школы ИВАК, Николай Антонинов прибыл на сборный пункт, который находился в здании Адмиралтейства. В личных архивах многих кадетов Русского авиационного корпуса сохранилась групповая фотография того времени. На ней запечатлены учащиеся авиационной школы в обществе новых друзей и высокопоставленных лиц. Датируется она 10-11 февраля 1917 года.

С большой долей уверенности можно утверждать, что на этом снимке запечатлен и Николай Антонинов. Безусловно, очень сложно на первый взгляд определить, кто же из них наш герой. Но мы все же попытаемся это сделать. И для этого снова нужно будет вернуться к «Антониновскому кладу». В нем, наряду со многими важными для членов этой семьи документами, бережно хранился гимназический альбом Николая. «Жизнь в рисунках» – так, наверное, можно было бы его назвать. Многие молодые люди той эпохи вели дневники, храня в них свои наиболее важные воспоминания и переживания, а также рисунки и памятные записи, сделанные их друзьями и знакомыми. На титульном листе этого альбома расположен карандашный набросок – портрет молодого гимназиста в форменной фуражке и шинели. Под ним нет подписи автора, в отличие от всех остальных рисунков в альбоме, выполненных разными людьми, и можно предположить, что это – автопортрет нашего героя. Это предположение находит свое подтверждение при внимательном рассмотрении группового фото из личного архива семьи Визель (Оскар фон Визель – сын известного художника и действительного члена Императорской Академии Художеств тоже входил в группу курсантов, отправлявшихся в Англию). Во втором ряду, скромно выглядывая из-за голов своих товарищей, стоит молодой солдат, поразительно похожий на гимназиста из старого альбома (к сожалению, других изображений или фотографий Николая Александровича Антонинова история для нас не сохранила).

В начале февраля на сборном пункте полным ходом шла работа по подготовке группы к длительному путешествию. По приказу Увофлота всех поставили на довольствие, снабдили документами, теплым обмундированием. Путь из Петрограда до Романова-на-Мурмане (ныне г. Мурманск) не близкий, да и не легкий. Именно оттуда, опасным морским путем, должны были они отправиться на туманный Альбион. 120 офицеров и нижних чинов обязаны были быть к нему готовыми и, как говориться, во всеоружии. До отъезда в Англию офицеры большое внимание уделили политической стороне вопроса. Давались наставления по правилам поведения в дороге и в «гостях» у «инглизов», как стали называть курсанты будущих гостеприимных хозяев. Лишнего не болтать, в контакты не вступать, не употреблять и за дамами не ухаживать. Учиться прилежно, приказы исполнять! По примеру «французской» группы, офицеры подготовили текст своеобразной присяги для курсантов. Ее принял каждый солдат и офицер, оставив под нею свою личную подпись.

Если ранее в статье уже был освещен вопрос: «Почему именно в Англию или Францию?», то настало время ответить и на другой вопрос, не менее важный: «Зачем»? То, что Россия нуждалась в опытных летчиках и техниках, мы знаем. Но была ли здесь еще какая-нибудь скрытая цель? Да, конечно, была. До отъезда в заграничную командировку Увофлотом был разработан образец «формального договора», подписав который каждый курсант тем самым обязывался по окончании командировки отслужить 2 года в авиационных или воздухоплавательных частях, или учреждениях. По возвращении из-за границы они должны были быть назначены на соответствующие должности, которые намечались для них заблаговременно, «при определении на военную службу, дабы каждый,

Автопортрет Н.А.Антонинова (?)
(Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е.Клера).

с одной стороны, знал для несения каких обязанностей он предназначается, а, с другой – более ясно представлял себе цель и главную задачу своей командировки»[1]. То есть, каждый курсант и офицер, отправляясь в Англию или Францию, уже должен был быть осведомлен о своей будущей службе и минимальном сроке ее несения. Сделано это было для того, чтобы таким образом пополнить штат ВВС Российской империи опытными инструкторами, владеющими приемами воздушного боя, стрельбы, бомбометания и т.д. Выпускники заграничных авиационных школ должны были передать в будущем полученный опыт новобранцам в России, что в последствии и происходило.

25 февраля 1917 года крейсер «Варяг» поднял якорь и в сопровождении двух миноносцев вышел в море. Да, да, именно «Варяг»! Знаменитый крейсер, приютивший на борту именитых и не очень гостей, уходил от родных берегов к берегам холодной Шотландии. 4 марта, не заходя в Ливерпульский порт, «Варяг» бросил якорь в его акватории. Все ожидали высокопоставленного гостя. Армейский чин в генеральских погонах озвучил перед строем шокирующую для многих информацию: «В России – Революция! Царь то ли отрекся, то ли свергнут с престола...» А Ливерпуль встретил гостей флагами, цветами и гимном ... «Боже царя храни». Сейчас уже трудно сказать, что именно испытывали в душе молодые курсанты в этот момент. Возможно, радость перемен, а может быть, страх перед неизвестностью и предчувствие горечи будущих потерь. Вот так началась их «английская» жизнь.

Альбион принял россиян по-английски сдержанно, с долей строгости, интереса и, зачастую, полного непонимания. Непонятны были и поведение, и манеры, и строжайшая дисциплина, которой английские офицеры просто восторгались. Безукоризненный внешний вид русских кадетов, их выучка и умение себя преподать впоследствии стали предметом воспоминаний многих инструкторов-англичан. Открытая русская душа растопила холодные английские сердца. Вопреки предупреждениям и запретам возникали дружественные связи, симпатии, а иногда даже развивались и романтические отношения между местными юными леди и русскими кадетами. И это несмотря на то, что большинство курсантов не владело английским, а офицеры имели практику лишь во французском (общение порой происходило часто с помощью жестов и словаря).

Из воспоминаний одного из кадетов Корпуса, курсанта из Литвы Пранас Хикса: «Прибыв в Лондон, осмотрели расположенные рядом аэродромы и заводы. В театре был организован концерт в честь русских летчиков. Выступали наш оркестр балалаек и хор, потом английский оркестр и хор. Перед концертом мы провели несколько репетиций, во время которых познакомились со множеством англичан, с отличными английскими девушками, которые приглашали нас на развлечения. Были и девушки, хотевшие, даже, выйти замуж за кого-нибудь из русских летчиков, но наше руководство распустило слух, что нашим жениться нельзя. Это нас и спасло, так как в Англии существовал закон, по которому, если молодой человек официально ухаживал за какой-либо девушкой, навещал ее дома и знакомился с ее родителями, – то она на такого жениха могла подавать заявление в суд, требуя, чтобы он женился на ней, или поделить с ним пополам его собственность...» (Из неоконченных воспоминаний вольноопределяющегося 23КАО П.Хикса // Sparnai (Крылья). 1970. № 1, 3.

По прибытии в город Ридинг, что близ Лондона, на базу Первой технической школы аэронавтики (No 1 School of Military Aeronautics at Reading), общая группа курсантов была разделена на 10 классов. В каждом насчитывалось 10 человек во главе со старшим офицером. Одна из них – отдельная группа механиков, которые тоже имели возможность обучаться летному мастерству. Для учебных полетов использовались аэродромы в районе современного Хитроу (Thetford, Northolt and Croydon). Школа военной авиации в Ридинге (с 1917 г. – Первая техническая школа аэронавтики) в период первой Мировой войны была школой подготовки кадров для Королевских ВВС (RFC) Великобритании, образована в 1915 году как инструкторский колледж, но в 1916 году – реорганизована в полноценную школу обучения летчиков RFC. Большинство уроков преподавалось в одном из зданий недавно построенного общежития Университета города Ридинг – Wantage Hall. В 1917 году обучение специальным техническим и летным навыкам было перенесено также и на близлежащие аэродромы.

Многие из инструкторов школы, несмотря на молодость, были уже опытными «ветеранами» Западного фронта. Будучи совсем еще молодыми людьми, они обучали кадетов, которые были часто того же возраста, что и сами преподаватели. Английский инструктор, свободно владевший русским языком, военный летчик лейтенант Герард Гвин Кратчлей, с марта по октябрь 1917 года был наставником группы русских кадетов.

«Заведующим полетами» Русского авиационного Корпуса в Англии был штабс-капитан Порфирий Васильевич Вяткин (1883–1938), он курировал обучение курсантов Корпуса. На личности этого человека хотелось бы остановиться особо. Потомственный сибирский казак, родом из Омска, окончил Омское Императора Александра III механико-техническое училище, затем Оренбургское казачье училище по 1-му разряду, получив в награду за особые успехи в учебе именную шашку. Свободно владел английским и французским языками. В 1909 году служил в 3-м Сибирском казачьем полку. Сотник с 1910 года. С 1912 года – полковой адъютант, награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. В 1913 г. есаул Порфирий Вяткин сдал экзамен на звание военного летчика в Севастопольской летной школе,

[1] Российский Государственный Военно-исторический архив. Фонд: № 493. Управление военного воздушного флота. Опись: № 3, [отсутствует]. Номер дела: 63.

Учебный корпус Wantage Hall Университета. *Г. Ридинг (Рединг). Беркшир, Англия.*

Столовая общежития Университета. *Ридинг (Беркшир, Англия). https://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia*

где оставался до начала Первой мировой войны в должности летчика-инструктора. Его коллегами там были Петр Николаевич Нестеров и Виктор Владимирович Дыбовский.

В период 1916–1917 годов, по соглашению между правительствами России и Великобритании, есаул (в армейской кавалерии соответствовало званию штабс-капитана) П.В.Вяткин выполнял специальные поручения в Лондоне, а начиная с февраля 1917 года, он становится руководителем обучения полетам курсантов Русского авиационного корпуса. В Российском государственном военно-историческом архиве сохранились характеристики русских летчиков за личной подписью штабс-капитана Вяткина, который внимательно следил за процессом обучения и успехами кадетов. Но в то же время он успевает заниматься в физической лаборатории в Теддингтоне (район Лондона) серьезными исследованиями в области создания самолетных приборов, результаты их были оформлены патентами. Всего штабс-капитан Вяткин сделал свыше 20 подтвержденных технических изобретений. В конце лета 1917 года он возвращается на Родину, а после Октябрьской революции уезжает в свой родной

Здание общежития Университета. *Г. Ридинг (Беркшир, Англия). 2020 г. (Фото Р.Фирсова).*

Курсанты Русского авиационного Корпуса возле университетского общежития. *Г. Ридинг (Беркшир, Англия). 1917 г. (Фото из личной коллекции Р.Фирсова).*

«Заведующий полетами» Русского авиационного Корпуса в Англии штабс-капитан Порфирий Вяткин. На заднем плане – самолет ВУАЗЕН. *(Фото из семейного альбома М.Вяткина).*

город Омск. Примкнув к Белому движению, П.В.Вяткин становится советником в штабе армии Колчака.

В 1919 году он был в первый раз арестован ЧК. Как многие бывшие офицеры того времени, под угрозой расстрела семьи Вяткин был вынужден вступить в Красную армию как военспец, получив должность заместителя начальника учебного отдела Главвоздухфлота, на которой прослужил с 1920 по 1924 год. Им была разработана структура учебных заведений страны для подготовки летчиков, а также инженеров и других специалистов для конструирования, производства и обслуживания самолетов. Под его началом была организована сеть летных школ, в том числе и Первая школа красных летчиков (в Москве, на Ходынке). Порфирий Васильевич Вяткин был расстрелян 31 января 1938 г. на Бутовском полигоне под Москвой. Реабилитирован 7 января 1957 г. за отсутствием состава преступления.

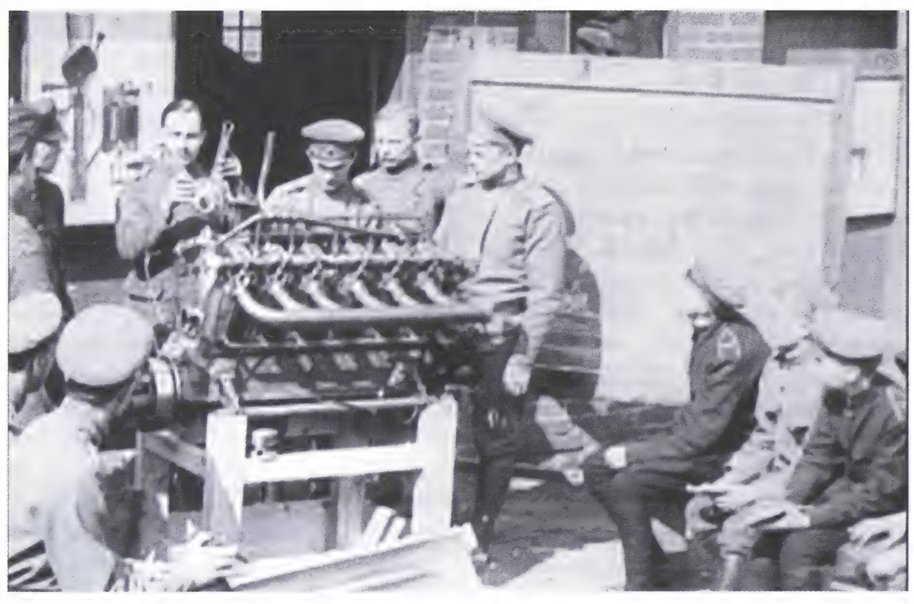

П.В.Вяткин. *Фото середины 1920-х гг. (Фото из семейного альбома М.Вяткина).*

Но вернемся снова в Англию, в 1917 год, в город Ридинг, где группа русских курсантов, занимаясь базовой теоретической подготовкой находилась первоначально чуть более месяца. Английские инструкторы в первую очередь «налегали» на матчасть и моторное дело. Ведь каждый будущий летчик, во-первых, должен знать, с чем ему предстоит иметь дело, как все это устроено и почему летает. Если многие из наших соотечественников и знали, что такое мотор, то большая часть из них никогда не имела дела с самолетами и в российских авиашколах еще не летала.

В отдельный класс были определены механики. Предполагалось, что мотористы не будут обучаться летному делу. Но впоследствии многие из них все-таки получили дипломы пилотов, тем самым открыв для себя небо. Именно в эту группу механиков и попал герой нашего рассказа – Николай Антонинов.

К концу апреля 1917 года первоначальный курс обучения всеми был пройден. Теперь «кадетам» пришлось сказать друг другу «До

Российские курсанты на занятиях. *Англия, 1917 г. (Из личной коллекции Р.Фирсова).*

это следовало изучить и уметь починить в полевых условиях. Николай Антонинов писал: «Я прошел курс пулеметного дела, радио, телеграф, бомбометания, фотографии, корректировки артиллерийского обстрела, познакомился со всей авиационной техникой, проходил все типы авиационных моторов всех стран»[2]. Здесь рукою самого Николая Александровича перечислены все основные дисциплины, с которыми пришлось ознакомится кадетам Русского авиационного корпуса. Конечно, эти знания не пришлось бы «носить за плечами». Такие кадры были необычайно востребованы в боевых условиях на полях сражений. Но, как я уже говорил ранее, эти люди нужны были в первую очередь в классах российских авиационных школ.

встречи!» и разъехаться по разным авиационным школам Англии. Впереди их ждали полеты! Классы направлялись в разные авиационные эскадроны, которые порой находились за многие сотни километров друг от друга. Ну а механики остались в Ридинге. Им предстояло с головой окунуться в мир поршней, винтов, в запахи бензина и масла. Для них наступил «второй год».

«Второгодники», как и курсанты-летчики, приобретали навыки в основных авиационных дисциплинах английских летных школ. Каждый из них обычно осваивал матчасть и пилотирование от 4-х до 6-ти видов летательных аппаратов. Вооружение самолетов, а это конечно же были пулеметы, необходимо было знать назубок и уметь справляться с их разборкой-сборкой с закрытыми глазами. И это были не только всем известные английские пулеметы Льюиса и Виккерс, но и оружие других стран Антанты и даже ее противников. В период Первой мировой войны в Российской империи не было единого стандарта принимаемых на вооружение самолетов и вооружения к ним. Закупки производились в Англии, Франции, Италии и Японии. Строились и использовались летательные аппараты и российских конструкторов. Все это, конечно, стало большой головной болью для мотористов и техников того времени. Ведь все

«Brevet» (диплом) авиатора. Диплом FAI курсанта Ф.Н.Комиссарова. *(Фото А.Карташова).*

Но Николаю Александровичу не суждено было стать счастливым и гордым обладателем заветного синего диплома FAI (Международной Воздухоплавательной Федерации), не красовались на его кителе крылышки Королевского авиационного корпуса RFC, как, впрочем, и у некоторых других его товарищей по учебе, хотя причины этого у всех были разные. Есть данные, что из 112 «английских» курсантов дипломы летчиков получили только 74 человека. Вот как сам Николай описал происшествие, не позволившее ему тогда стать дипломированным авиатором: «При обучении полетам был вначале на Морис Фарман, а потом на Кертис. На последнем был выпущен solo (самостоятельно), но через некоторое время... упал,

Эмблема Royal Flying Corps инструктора школы авиации Геральда Кранчли. *(Фото из семейного архива Кранчли).*

[2] Российский Государственный Военно-исторический архив. Фонд: № 493. Управление военного воздушного флота. Опись: № 3, [отсутствует]. Номер дела: 63.

Памятный крест на могиле кадета Андрея Новикова.
Кладбище Хаверлок, район Сатхол, Англия. (Фото Р.Фирсова).

повредив организм. По выздоровлении вся наша команда была отправлена в Россию»[3].

Неожиданная поломка самолета, или же ошибка пилотирования, вероятно, и лишила его возможности получить диплом военного летчика. По официальным данным не менее пяти курсантов побывали в авариях, уже находясь в Англии. Но их травмы оказались не опасными, и они с успехом окончили обучение полетам.

Но происходили порой и более трагические события. Группа потеряла трех своих товарищей. Их тела навечно остались лежать в английской земле. К слову сказать, на раннем этапе становления авиации, небоевые потери были вполне сравнимы с боевыми. Хотя в отношении смерти у русских курсантов существовало, очевидно, свое особое мнение. Об этом красноречиво рассказывал в своих воспоминаниях один из бывших английских инструкторов группы. Приведу краткий его рассказ: «После гибели кадета Батурина я зашел в казарму справиться о настроении русских курсантов. Застал я их веселыми и бодрыми. Казалось, что трагедия никак не повлияла на них. Причиной для смеха стало то, что Батурин накануне выиграл в курсантский тотализатор, а забрать свой выигрыш теперь не сможет...»[4]

Но именно это, кажущееся нам довольно легкомысленным, отношение кадетов к постоянной возможности гибели или получения серьезной травмы (впрочем, такое отношение вообще свойственно многим молодым людям), и позволяло, вероятно, этим ребятам сохранять душевное равновесие, оптимизм и уверенность в себе, без которых было бы просто невозможно продолжать обучение летному делу, полному риска.

Интересно, что на самом деле курсант Василий Батурин не погиб во время того злополучного полета, о котором говорилось в мемуарах бывшего английского «наставника», а лишь получил легкие травмы. Инструктор просто перепутал имена кадетов, и в своих поздних воспоминаниях указал, вероятно, то имя, которое хорошо запомнил. Но прошло время, и уже в период Великой Отечественной войны, в феврале 1942 года, под Тулой, смерть все же настигла бывшего курсанта. Полковник 40-го дальнебомбардировочного полка Батурин Василий Ефимович погиб за штурвалом самолета ДБ-3.

Планируемое всего на три месяца обучение русских кадетов в Англии для некоторых из них продлилось гораздо дольше. Но большинство из них летом-осенью 1917 г. вернулись на родину. Время тяжелой работы (а обучение продолжалось по 12–14 часов, плюс 2 полета в день – утром и вечером), но спокойной жизни в Англии закончилось. Последняя небольшая группа пересекла границу уже Советской России спустя почти год с начала заграничной командировки. И, конечно, у многих из них перед отъездом возникал вопрос: «Как и куда возвращаться?» Россия стояла на пороге глобальных перемен. «Золотопогонники», которыми являлись многие из курсантов, были уже вне всякого уважения в обществе будущей «советской России». Поэтому малыми группами, без всяких почестей, отправлялись новоиспеченные летчики в родные края. Кто куда – в Петроград, Вильно, Москву, Киев, Таллин. Кто-то остался в Англии, кто-то отправился во Францию. Некогда сильная дружная группа разлетелась в разные стороны. И уже точно известно, что им пришлось стрелять в друг друга в неспокойном русском небе, подсвеченном сполохами Гражданской войны. Если бы судьбы бывших английских кадетов вопреки ходу истории сложились более удачно, то мы, наверное, знали бы о большинстве из них только как о великолепных летчиках, покорителях воздушных трасс, рекордсменах высоты и скорости, авиационных конструкторах, замечательных наставниках-педагогах и ученых. Ведь имена многих из бывших кадетов Русского авиационного корпуса в Англии позднее были внесены в книгу истории российской авиации. Выдающимися в своих странах военными летчиками стали бывшие кадеты Корпуса Петр Абаканович (Польша), Пранас Хикса (Литва), Арнольд Ундер (Эстония). И многие другие...

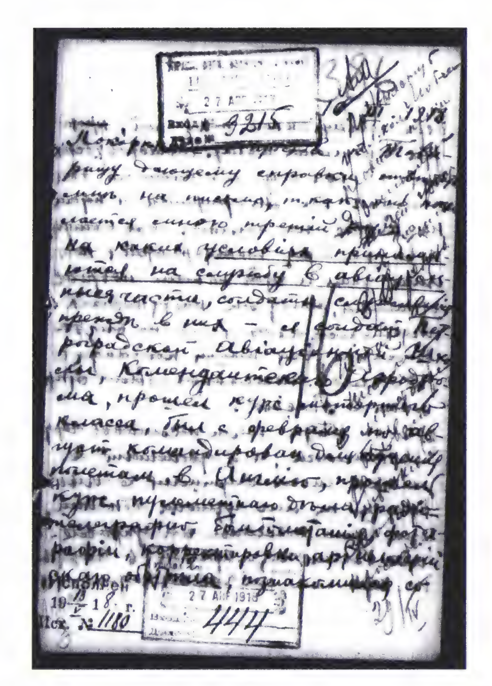
Но вернемся к нашему герою. Судя по личным записям Н.А.Антонинова, он приезжает на родину из Англии в сентябре 17-го года. Из его писем в Увофлот следует, что после возвращения

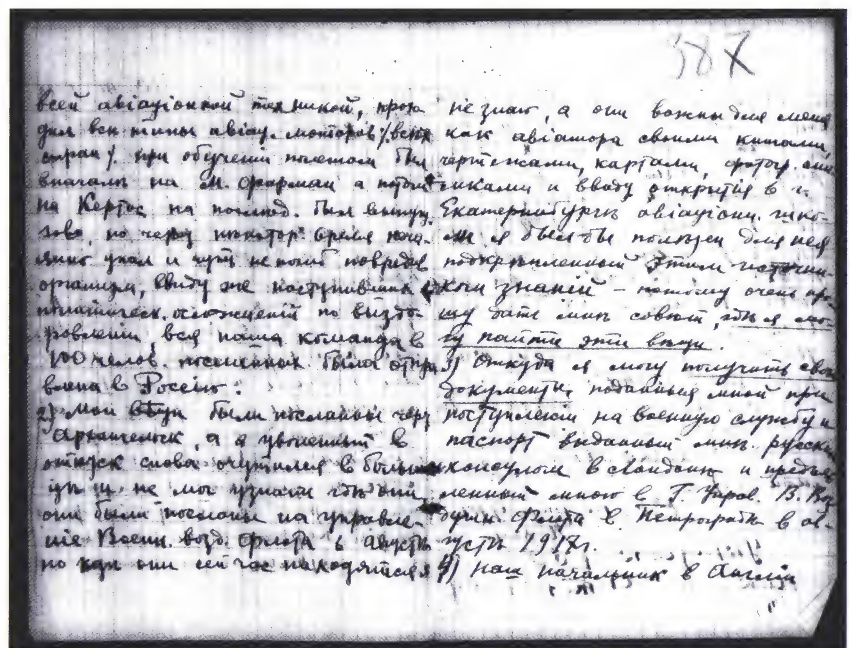

Кадет Русского авиационного Корпуса Василий Ефимович Батурин. *Г. Рединг. Англия. 1917 г. (Национальный Архив Великобритании. British Archives. London).*

[3] Там же.

[4] В небе двух империй: Монография / Карташев А.В., Фирсов Р.А. – М.: Издательский центр «Мой учебник», 204. – 264. Стр. 128.

Письмо Н.Антонинова в Управление Военно-Воздушного флота. *Екатеринбург. Апрель 1918 г. (Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва).*

он был направлен для дальнейшего прохождения службы в Школу авиации при ИВАК, то есть, на то же место, которое оставил в феврале месяце 1917 года. К сожалению, полученная во время аварии в Англии травма постоянно давала о себе знать. И вместо того, чтобы приступить к новым для себя обязанностям, Антонинов опять оказывается на больничной койке. А в России на полные обороты был запущен маховик новой революции. Развал и неразбериха коснулись и таких государственных институтов, как армия. Не обошло это и Управление Военно-воздушного флота. Многие выпускники английских и французских авиационных школ направляли в Управление Военно-Воздушных сил письма с просьбами найти и доставить до адресата оставленные за границей вещи, выплатить положенное за время учебы жалование, найти утерянные документы и дипломы. Такие письма писал и Николай Александрович.

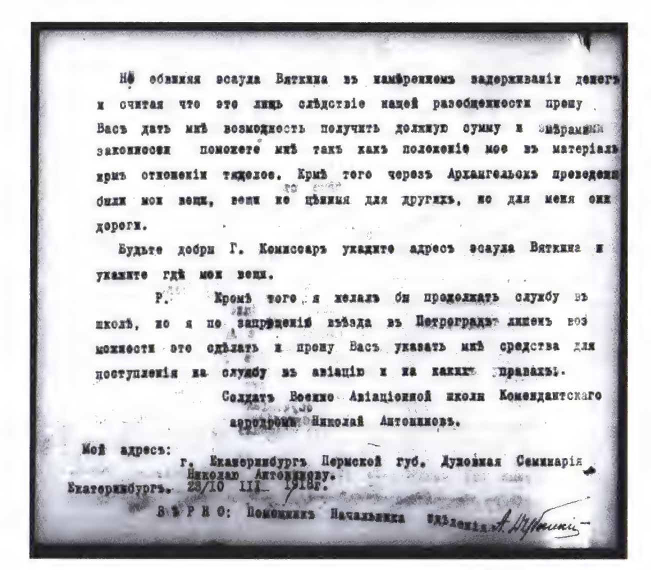
Надо отдать должное служащим Увофлота. На его запросы все же высылались ответы, правда больше похожие на отписки, в отличие от писем самого бывшего курсанта. Его сообщения полны драматизма и пропитаны чувствами человека, взывающего о помощи. Последние его запросы относятся к весне 1918 года. К этому времени, находясь в состоянии постоянной материальной нужды, он все еще не терял надежды получить свое жалование за время учебы.

Вероятно, еще в период своей болезни, Николай Александрович потерял возможность проживать в Петрограде. Причин этому можно найти много. Но это будут только версии, а нам нужны факты. И они есть. Из его писем известно, что в архивах Увофлота был утерян паспорт, выданный ему в Англии в консульском отделе. В письме он указывает на это, сокрушаясь по поводу того, что не может вернуться к службе на Комендантском аэродроме Петрограда. В это неспокойное, бурное время человек остался без средств к существованию, без вещей, без денег и с подорванным здоровьем. Изыскивая пути и возможности как-то устроить свою жизнь в новой стране, Николай Александрович решает вернуться на свою малую родину – в Екатеринбург, где его отчий дом и семья. В письме от апреля 1918 года он указывает свой обратный адрес – г. Екатеринбург, улица Уктусская, 60[5]. Сейчас, спустя 100 лет с момента произошедших событий, возможно кто-то с улыбкой прочтет эти строки: «...мои вещи были посланы на адрес Увофлота в августе, но где они сейчас находятся, не знаю, а они важны для меня как авиатора своими книгами, чертежами, картами, фотографическими карточками. Ввиду открытия в г. Екатеринбурге авиационной школы, я был бы полезен для нее, подкрепленный этим источником знаний...»[6]. Автор строк перечисляет список вещей действительно очень дорогих для него. Следует еще раз взглянуть на этот список – это именно то, что необходимо преподавателю авиационной школы. Это так называемая методическая литература и учебный материал. Вот наглядное подтверждение и одновременно ответ на вопрос: «Зачем и для чего они учились в Англии?»

Сейчас мы однозначно можем утверждать, что Николай Антонинов в Петроград больше не вернулся. Его мечта посвятить себя работе в Авиационной школе при ИВАК не сбылась. Не известно, смог ли бы он получить направление в Екатеринбургскую авиационную школу, которая так и не была сформирована, хотя предложение о ее создании в городе активно обсуждалось. Ведь

[5] «Антониновский клад» был обнаружен в доме 58, где и проживала семья до революции. Н.А.Антонинов указывает в своем письме официальный адрес Екатеринбургской семинарии, располагавшейся в соседнем доме, с которого отправлялась и на который, очевидно, доставлялась корреспонденция семьи ректора А.П.Антонинова

[6] Российский Государственный Военно-исторический архив. Фонд: № 493. Управление военного воздушного флота. Опись: № 3, [отсутствует]. Номер дела: 63.

Не обвиняя есаула Вяткина въ намѣренномъ задерживаніи денегъ и считая что это лишь слѣдствіе нашей разобщенности прошу Васъ дать мнѣ возможность получить должную сумму и ... законности поможете мнѣ такъ какъ положеніе мое въ матеріальномъ отношеніи тяжелое. Кромѣ того черезъ Архангельскъ преведены были мои вещи, вещи не цѣнныя для другихъ, но для меня они дороги.

Будьте добры Г. Комиссаръ укажите адресъ есаула Вяткина и укажите гдѣ мои вещи.

Р. Кромѣ того я желалъ бы продолжать службу въ школѣ, но я по запрещенію въѣзда въ Петроградъ лишенъ возможности это сдѣлать и прошу Васъ указать мнѣ средства для поступленія на службу въ авіацію и на какихъ правахъ.

Солдатъ Военно Авіаціонной школы Комендантскаго аэродрома Николай Антониновъ.

Мой адресъ: г. Екатеринбургъ Пермской губ. Духовная Семинарія Николаю Антонинову.

Екатеринбургъ. 23/10 III. 1918г.

ВѢРНО: Помощникъ Начальника Отдѣленія

Лист из письма-обращения солдата Военно-Авиационной школы Комендантского аэродрома Н.А.Антонинова в Управление Военно-Воздушного флота.
23/10. 03.1918 (Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва).

уже 27 июля 1917 года в Екатеринбурге появилось «Общество друзей авиации». К сожалению, никаких документальных свидетельств или упоминаний о дальнейшей судьбе Н.А.Антонинова нами пока не выявлено, но поиски и работа в этом направлении, конечно, будут продолжены.

Примечательно, что представленная в этой публикации яркая страница неизвестной ранее биографии бывшего екатеринбуржца Николая Антонинова (а одновременно – и страница летописи становления русской авиации) открылась нам сегодня благодаря именно той случайной находке 1975 года – «Антониновскому кладу», невольно, но бережно сохранившему для нас свидетельство личной человеческой истории, неотделимой от истории страны в целом.

...1919 год. Карта Урала полыхает кострами Гражданской войны. Кострами, в которых сгорают мечты, надежды, воспоминания. Сгорают человеческие жизни. В Екатеринбурге, в доме на тихой некогда улице, кто-то, скрываясь от посторонних глаз, бережно заворачивает в газеты дорогие его сердцу вещи. В душе теплится надежда на скорое возвращение в родной дом. Был ли этот человек Николаем Антониновым, или его отцом, матерью, братом или сестрой, мы уже никогда не узнаем – никто из них в отчий дом не вернулся.

Можно позволить себе окунутся в гипотезы и домыслы. Есть вероятность, что Николай Александрович, как и его отец, умер от тифа в 1919 г., или погиб на фронтах братоубийственной войны. А возможно, ему удалось уцелеть, но он не захотел или не сумел вернуться домой. Или не пережил сталинских чисток 1930–1940-х гг. Пока еще немногое нам известно и о судьбе его родных и близких, но благодаря энтузиазму и интересу к этой теме сотрудников Областного краеведческого музея в этом отношении уже есть значительное продвижение, как говорится, «лед тронулся».

Родственники Николая Александровича Антонинова, ныне живущие в России, располагают очень небольшой информацией о своих предках и о нем почти ничего не знают, ведь в нашей стране люди старшего поколения зачастую скрывали свое прошлое и, испытывая уже укоренившийся привычный страх за судьбу свою и своих детей, рассказывали о себе довольно скупо, упоминая о каких-то фактах биографии очень осторожно. Порой они специально уничтожали все «компрометирующие» старые документы и фотографии. Однако, согласно семейной легенде, рассказанной нам правнучкой его старшего брата Александра, есть версия, что «несостоявшийся» авиатор Николай Антонинов после революции покинул родину и оказался в Канаде. Но подтверждений этому пока не найдено. Тем более, что спустя 100 лет после описанных событий, Канаду можно было и перепутать с Англией, а «покинул родину» – с «был командирован на учебу».

Прошло столетие. Сменились поколения. Но история не перестает удивлять нас новыми открытиями. Люди создают ее, пишут и переписывают. А она, иногда, очень редко, но по точному адресу, присылает нам свои письма из прошлого. Не заигрались бы дети на развалинах дома, не открыли дверь в 1919 год, и никто никогда, возможно, не узнал бы и не вспомнил о жизни и судьбе этого человека, в прошлом – уральского мальчишки, когда-то мечтавшего летать.

Источники и литература:

Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Выпуск 3/15. 2016 г.

Интернет ресурс «Нашей родины красные соколы». http://www.airaces.ru/stati/ivak-imperatorskijj-vserossijjskijj-aehroklub.html

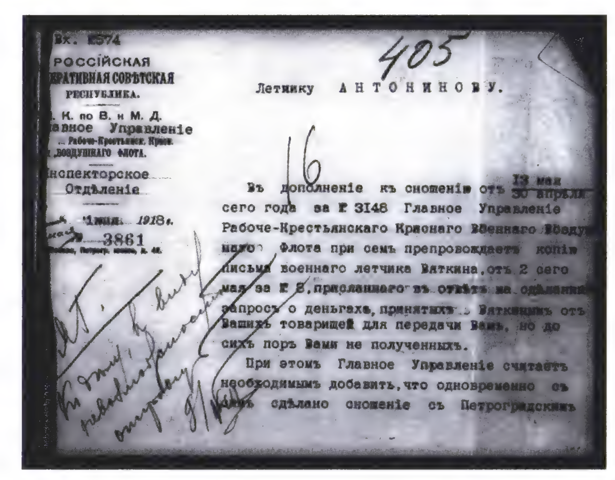
Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. – [СПб.]: издание т-ва А.С.Суворина – «Новое время», [1917]. – 930 с., 2086 стб.: ил., пл. – Электронная копия доступна на сайте Рос. нац. б-ки. URL: https://vivaldi.nlr.ru/bx000020038/view.

Фонды Свердловского областного Краеведческого музея имени О.Е.Клера, г. Екатеринбург.

Российский Государственный Военно-исторический архив Фонд: № 493, Управление военного воздушного флота Опись: № 3, [отсутствует] Дело: № 63, Командировки за границу. Именные списки, телеграммы и переписка.

В небе двух империй: Монография / Карташев А.В., Фирсов Р.А. – М.: Издательский центр «Мой учебник», 2014 г., 204. – 264

Национальный Архив Великобритании (British Archives. Visit of Russian officers and men to England for training in aeroplane duties.) AIR 2/10. 41/2. 53/1. P. 8-10.

Вх. №574

РОССІЙСКАЯ ...ЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

...К. по В. и М. Д.
...авное Управленіе ... Рабоче-Крестьянск. Красн. Воздушнаго флота.
...нспекторское Отдѣленіе
... Іюня 1918 г.
№ 3861

405

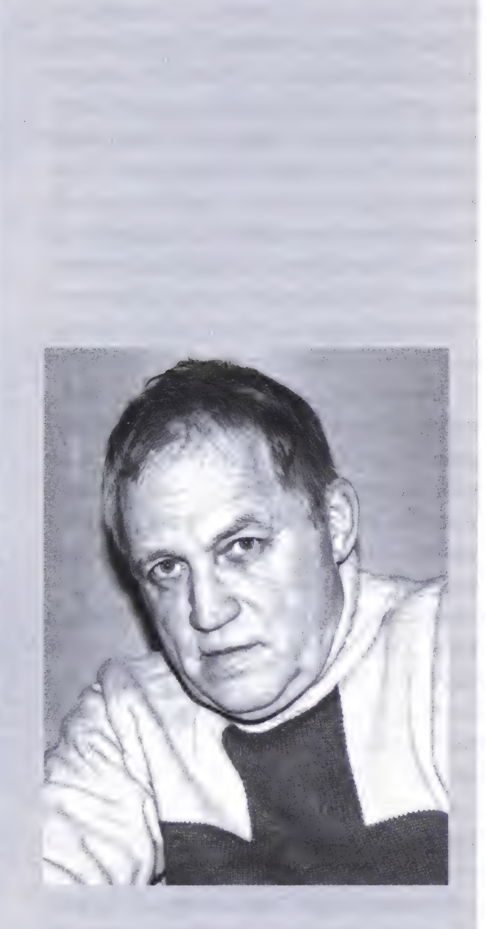
Летчику АНТОНИНОВУ.

16

Въ дополненіе къ сношенію отъ 13 мая / 30 апрѣля сего года за № 3148 Главное Управленіе Рабоче-Крестьянскаго Краснаго Военнаго Воздушнаго Флота при семъ препровождаетъ копію письма военнаго летчика Вяткина, отъ 2 сего мая за № 8, присланнаго въ отвѣтъ на сдѣланный запросъ о деньгахъ, принятыхъ Вяткинымъ отъ Вашихъ товарищей для передачи Вамъ, но до сихъ поръ Вами не полученныхъ.

При этомъ Главное Управленіе считаетъ необходимымъ добавить, что одновременно съ симъ сдѣлано сношеніе съ Петроградскимъ

Ответ на запрос Н.А.Антонинова из Инспекторского отделения Главного Управления Рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота.
Москва. Май 1918 г. (Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва).

Валерий ЕРМОЛАЕВ

Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России, зам. главного редактора журнала «Веси». г. Тавда.

ТАВДИНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

КАЗАЧИЙ ПЕРЕКАТ

«Ой, да по реке-Тавде, да по привольицу,
По привольицу, да по раздольицу
Как плывут косны лодочки,
Косны лодочки просмоленные...»

Так пелось в одной старинной народной песне о легендарном походе дружины атамана Ермака Тимофеевича в Сибирь в конце XVI века. Но не первыми из русичей ермаковы казаки побывали на берегах Тавды – самой полноводной реки восточного склона Уральских гор. С древнейших времен русские землепроходцы, промысловики, торговые люди разными путями проникали в Сибирь, и самыми удобными и короткими были камские: наиболее известным из них был путь «от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву реку», идущий затем по Тавде вниз до Тобола.

Сначала Великий Новгород, а позднее Москва последовательно и основательно вели колонизацию северной части Зауралья, с начала XV века ставшей называться Сибирью. Еще в 1092 году богатый новгородец Гюрята Рогович сообщает о странствиях посланного им «отрока в полунощные страны» за данью, которую выплачивали новгородцам тамошние племена.

После присоединения Перми в 1472 году и, особенно, с падением Казанского ханства в 1552 году Чердынский путь становится основной дорогой. Тогда же в числе народов, обитавших по соседству с Пермью, называются «вогуличи» – пелымские манси. Впервые же название «вогулы» появляется в летописях с 1134 года и обозначает оно племена, населявшие бассейны рек Камы, Туры, Тавды, Конды.

Пелымские вогулы в конце XV столетия объединились под властью своих князей и в союзе с тюменскими татарами оказывали сопротивление русской экспансии. Известны имена некоторых вогульских «князцов» того бурного времени: Молдан, Елмычей, Ляба, Пыткей, Екмыч, Чангил, Пындей, Юмшан. Пелымским князям были подчинены Конда, Таборы, Кошуки. Пелым ведет с соседними народами войны, вступает с ними в дипломатические отношения.

При Иване III начались хорошо подготовленные и систематические походы на восток. В 1465 году за уральские горы направляется отряд В.Скрябы, который ведут проводники – пленные вогулы. Спустя семь лет переваливает горы отряд Ф.Пёстрого. Коренные владыки сибирской земли наносят ответные удары: в 1481 году, например, пелымский князь Асыка в очередной раз совершает военный набег на Пермь Великую, подвергнув русских поселенцев в Прикамье «вогульскому разорению».

«Князь великий Иван III Васильевич посла рать на вогульского князя Асыку, да и в Югру, на Обь

Ермак в доспехах.

Зерцальный доспех 16–17 веков.

реку великую, а воеводы были... князь Федор Курбский Черный да Иван Иванович Салтык Травин. ... И быть им бой с вогуличи на усть реки Пелыни. На том бою убили устюжан седьм человек, а вогулич паде много, а князь вогульский Юмшан убежал».

Воеводы от Пелыма пошли вниз по Тавде. Этот поход состоялся в 1483 году. За полгода стрельцы перешли Урал, захватили Пелым, опустились по Тавде до Иртыша «мимо Тюмень в Сибирскую землю» и по Оби, через югорские земли, вернулись на Русь. Царь в свой титул прибавил еще одно название: Югорский. Вскоре Асыка прибыл в Москву с повинной и, признав зависимость от Русского государства, дал обязательство платить дань, «лиха не мыслити ни силы не чинити над пермскими людие».

Только не долго хранили верность русскому царю вогульские князья и их набеги на Каму и Печору возобновились. Зимой 1499 года более четырех тысяч русских ратников двумя отрядами вновь двинулись на восток, на лыжах перевалив уральский хребет. Вели их трое воевод: сын Федора Курбского князь Семен, Петр Ушатый и Василий Бражник-Заболоцкий. Целью похода было покорение северных манси. В результате вогульские и югорские князья привели «своих людей к целованию по их вере за князя великого».

Но и после этих событий набеги на русские владения не прекратились: неугомонные пелымские вогулы в 1521 году разоряли погосты возле Чердыни, в союзе с татарами в 1539 и 1547 годах вновь вторгались в Пермские вотчины, жгли стрелецкие заставы, грабили мирные поселения. В это же время в Сибири все более усиливалось господство нового Сибирского ханства, подчинившего себе и земли тюменских татар. Их центр Чимга-Тура пришел в упадок, а столицей ханства стал Кашлык на Иртыше. Тавдинские вогулы попали в данническую зависимость от татар. В Кошукском городке правил татарский мурза, местные вогулы стали носить татарские имена.

Смута, происходившая в Сибирском ханстве в 1560-е годы, привела к власти хана Кучума, который на протяжении двух десятилетий то вступал в союз с Русским государством, то, пользуясь временными неудачами его в войнах с Крымским ханством и в Ливонии, вторгался в русские владения. С середины XVI века полновластными владыками пермских земель стали Строгановы – династия купцов, владельцев соляных промыслов и обширных вотчин. Занятый борьбой с многочисленными врагами, царь Иван IV привлек их для обороны восточных границ государства от набегов хана Кучума. Строгановы пригласили на службу известных воинским умением и дерзостью казаков, которыми предводительствовал атаман Ермак Тимофеевич.

Ермак – одна из самых загадочных личностей в русской истории. Сведения о нем и его походе в Сибирь основаны на зыбких первоисточниках – сибирских летописях XVII века, по крупицам вобравших воспоминания участников похода, устные народные предания, редкие письменные документы. «Он был видом благороден, сановит, росту среднего крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного». Так позднее описал Ермака Тимофеевича – «родом неизвестного, душою знаменитого» – историк Н.М.Карамзин.

Вступив в поход 1 сентября 1581 года, дружина Ермака доплыла по Чусовой до притока Серебрянки, где зазимовала, а ранней весной по волоку перенесла в реку Тагил часть стругов, пушки, походный скарб. Пополнив флотилию тут же построенными судами, казаки вслед за ледоходом спустились до Туры, где вскоре вступили в первые столкновения с татарами и вогулами у юрт князя Епанчи (позднее здесь возникнет Туринск).

Короткие ятаганы и лиственничные луки с деревянными стрелами были бессильны перед свинцом и ядрами казаков, осененных иконой-знаменем архангела Михаила, изображенного на крылатом огненном коне в доспехах русского воина. Большие сражения разыгрались у древней столицы татар Чинги-Тура и вблизи урочища Бабасан на Тоболе. К осени подошло подкрепление от Строгановых в три сотни служилых людей, и Ермак повел отряд на столицу Кучума Кашлык. На подступах – у мыса Подчеваш на Иртыше – произошла знаменитая битва, ставшая распространенным сюжетом народных песен и легенд, запечатленная на полотне великого сибиряка Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Поверженный Кучум увел свое потрепанное войско в степи, а русские подняли победный стяг над столицей Сибирского ханства. Остяцкие (хантыйские) и вогульские князцы потянулись с пушниной и другими дарами на поклон к новому правителю Сибири. В Москву отправился с пятьюдесятью казаками Иван Кольцо, увозя грамоту Ивану Грозному о принятии Сибири «под свою высокую царскую руку» и дар: две тысячи четыреста соболей, двадцать черных лисиц, пятьдесят бобров...

Царь осыпал казаков милостями и подарками, устроил в их честь застолье, а Строгановы получили новые привилегии. Ермак по государевой «похвальной» грамоте на короткий срок стал воеводой Сибири. Весной 1583 года он пленяет видного военачальника Маметкула и, зная о распрях Кучума с мурзами, смело отправляется в низовье Иртыша, лишь в

случаях крайней необходимости прибегая к оружию. В результате похода все племена до Оби признали русское подданство. Экспедиция на Обь была повторена весной следующего года. Она же показала, что силы отряда таяли. Невосполнимые потери в стычках с татарами, болезни в суровых условиях похода, оскудевшие запасы пороха и свинца заставили казаков отказаться от дальнейших ясачных вылазок.

Ермак направился на Тавду и Пелым, «восхотеша» возвратиться «вспять на Русь». Так объясняет решение предводителя отряда Кунгурская летопись. Выбор пути отступления через Пелымское, наиболее сильное вогульское княжество, был продиктован военными соображениями. За годы пребывания в Сибири казаки собрали подробную информацию о дорогах, которые вели из Сибири в Прикамье. Они уяснили, что пройденный ими маршрут через тагильские перевалы был наиболее труднопроходимым. Если бы поход на Пелым увенчался успехом, казаки овладели бы самым удобным путем по Тавде из Пелыма в Кашлык. Позже эта дорога надолго стала для русских основным путем сообщения с Сибирью.

Два года прошло, как Ермак, «проплыв до усть Тавды реки и стояше неделю, размышляше, яко да и идут с вожами вспят, по Тавде вверх и чрез Камень вогуличами да возвратятся». 1 июля 1584 года казачьи струги решительно заскользили вверх. Заняв Красноярскую и Калымскую волости, обратили в бегство князька Лабуту, выиграв бой у речки Паченки, «наполниша трупом езеро, и то слывет и до ныне... Поганое, полно костей человеческих. И оттоле погребоша вверх по Тавде, августа 6 день в Кошуки. Приидоша к Кошуку княжцу Ворлякову, и поймали перваго есаула Ичимка и допросиша: Есть ли боевые люди? Он же вся возвестил Ермаку. Ермак же овых из них убил и есак взял. Нападе же на них страх велий, и приходяще кланяхуся с есаком, и все те волости и с Чандыри покорил боем и добровольно со старейшинами их».

Разузнав от Кошукских вогулов о проживающих выше по реке племенах, их обычаях и нравах, побывав на «болванском молении» в Чандырском городке, Ермак поднялся по Тавде до Таборинского городка, который занял без боя. Здесь начинались владения непокорных пелымских вогулов. С ними атаман уже встречался раньше, защищая строгановские вотчины на Чусовой. Пелымский князь Патлик и на этот раз, отправив женщин и детей на Конду, решил сражаться с русской дружиной, но потерпел сокрушительное поражение.

Ермак же отказался от планов продолжения похода по Тавде, Убежденный местными шаманами в том, что никакого пути с Пелыма на Русь нет, казаки 4 октября повернули обратно, увозя с собой меха, сушеную рыбу и «обирающе хлеб в ясак» с таборинских и кошукских аборигенов. Так закончился поход «ездившего воевать по Тавде» славного Ермака Тимофеевича. Между взятием Кошукского городка и гибелью в водах Вагая в предрассветный час 6 августа 1585 года судьба распорядила ему ровно год жизни.

Тавда на долгие годы стала оживленной водной дорогой в Сибирь. На реке есть перекаты, опасные в мелководье для судоходства. Один их них называется Казачьим. Сохранившееся в народной памяти и в современных речных лоциях наименование переката – своеобразный памятник первым землепроходцам, открывшим тавдинское, да и сибирское судоходство.

Недаром в гербе города Тавды «в рассеченном зеленом и червленом поле серебряная ладья на веслах под парусом и вымпелом на мачте, обремененная золотым с черными камнями по ободу тарчем – щитом Ермака»!

Быстрые и легкие казачьи струги, поднимавшие до двух десятков человек с полным вооружением, боеприпасами и запасом продовольствия, имели особое значение в процессе присоединения Сибири. По Тавде же во всякое время года можно было беспрепятственно плыть или ехать по

Находка у Казачьего переката.

санному пути, проложенному по льду. Вдоль реки, иногда переходя с одного берега на другой, тянулся сухопутный тракт от Пелыма в Тюмень и Тобольск.

Судоходство на Тавде в то время было сопряжено с опасностями, поэтому суда предпочитали идти караваном и сопровождались стрелецкой охраной. Суда купцов и промышленников, объединившись в товарищества, все чаще отваживались ходить без конвоя. Но еще долго по реке сохранялись стрелецкие и казачьи заставы, одна из которых, сказывают, и стояла у опасного переката против речного острова, тоже носящего имя Казачий. Правда, об этом месте слывет еще одно народное предание: мол, в разыгравшуюся бурю здесь, на перекате, разбился казачий струг дружины Ермака и утонули казаки в тяжелых доспехах. Так ли это было, или не так, судить нам теперь трудно, только...

В 2010 году удалось мне побывать на Казачьем перекате. На моторной лодке от старинной деревни Чулино мы с товарищем спустились вниз по Тавде на пятьшесть километров, благополучно прошли обозначенный в лоции Казачий перекат и против острова высадились на левый берег реки. Среди красивого соснового бора возвышался над рекой овальный в плане бугор с еще заметными остатками окружающего его вала и рва. Скорее всего, перед нами было древнее городище. Впрочем,

его могли использовать и при обустройстве стрелецкой заставы.

Внимательно осмотрев место, погуляв по сосняку и набрав в пакеты отборных белых грибов, мы спустились к лодке. Наше внимание привлек торчащий из береговой отмели острый край какого-то предмета, который мы тут же вызволили из песчаного плена. На выгнутой тонкой пластине ржавого железа явно проступал сохранившийся чеканный рельеф – овал, заполненный внутри расходящимися от центра лучами! Уж не зерцало ли это, вернее фрагмент этого старинного доспеха, одеваемого поверх кольчуги для усиления защиты груди воина?!

Уже дома, почитав справочники, оставил для себя все сомнения в том, что найденная на Тавде стальная пластина – артефакт тавдинской истории, и место ему в музее. Нам уже никогда не выяснить, чей это был доспех – ермакова дружинника, стрелецкого дозорщика или служивого казака, но эта находка у Казачьего переката – зримое свидетельство того, что легенды рождаются в народе не на пустом месте. Наверное, о том же родились у меня еще в раннюю пору жизни стихотворные строчки:

Река таежная, Тавда-река!
Ты не воспета, как сестра Ока
на дорогих холстах художников кистями.
Твоей красе, сияющей веками,
твоей воде, натруженной плотами –
моя негромкая влюбленная строка!

Ты щедро даришь мне, моя река,
приют утех рыбацких – перекат,
высоких яров утреннюю просинь,
цветущий мир зареченских покосов...
Навек влюблен в твои седые плесы,
где спят поныне струги Ермака!

РОХЛИНСКАЯ ЛЕСОПИЛКА

Города в Сибири возникали по-разному: по цареву указу, как, например, город Сургут, который в 1593 году основали московские воеводы Матвей Львов и Михаил Волконский, получив на то царскую грамоту, или Туринск, основанный в 1600 году как острог; в 1631 году возникла земледельческая Ирбитская слобода, а годом основания Екатеринбурга считается 1723 год, когда вступила в строй первая очередь казенного железоделательного завода на реке Исеть. Все эти сведения взяты из энциклопедии «География России» издания 1998 года.

Приведенные даты и считаются датами рождения всех этих городов. И не важно, что Екатеринбург тогда больше напоминал строительную площадку, в слободе Ирбитской можно было насчитать всего лишь десяток крестьянских изб, острог огораживал пятачок земли с несколькими казенными постройками, а воеводы со 155 служилыми людьми лишь успели выбрать на высоком берегу Обской протоки подходящий участок под строительство городка, удостоенного собственного герба только при опять же императрице Екатерине, то есть почти через два столетия. Даже Ирбит, знаменитый на всю Россию своей ярмаркой, официально признан городом только в 1776 году: от времени основания поселения до признания городом прошло почти полтора века.

Таким образом, города ведут свою историю от дня основания, как и люди – со дня рождения, а не с достижения совершеннолетия и получения паспорта. Позволим себе еще одну цитату из «Географии России»: «Возник в 1910 как поселок при создании лесосеки; город с 1937». Это из статьи о городе Тавде. Сразу отметим, что фраза «при создании лесосеки» не совсем понятна, в первом попавшем под руку толковом словаре найдется определение: лесосека – участок леса, предназначенный для вырубки; место, где производятся такие работы. Как-то мало шансов у лесосеки стать причиной основания города, скорее следствием.

А вот другие события к возникновению поселка в 1910 году вполне имеют отношение. Именно в этом году железнодорожный департамент принял окончательное решение о строительстве линии от Екатеринбурга через Егоршино на Ирбит, Туринск, Тавду. И ожидаемо, что уже в период проектирования дороги в конечном ее пункте на Тавде началась настоящая предпринимательская лихорадка, ведь еще в 1899 году экспедицией Д.И.Менделеева размеры лесосечного фонда в этом районе были определены в пять с половиной миллионов десятин!

Герб города Тавды.

Первым, якобы, был некий мелкий промышленник Рохлин, который в 1910 году на арендованной у крестьянского общества деревни Каратунка земле – на берегу старичного озерка Кривое – запускает пилораму-шпалорезку. Двигателем этой первой лесопильной установки фирмы «Пирвиц» служил локомобиль мощностью в 40 лошадиных сил. Шпалы отправлялись на баржах в Тюмень, Омск, Новониколаевск (ныне Новосибирск).

А уже следом появились двухрамный лесопильный завод разворотистых лесопромышленников Переломова и Жернакова, три пилорамы купца Шестева, вскоре им проданные уральскому спичечному монополисту Василию Логинову. К 1917 году к ним добавился казенный лесотехнический завод Министерства земледелия на берегу озера Матюшино с 24 углевыжигательными печами и прочее...

Все выше по Тавде и ее сплавным притокам уходили в тайгу лесорубы, будя топорами и пилами тишину вековых сосновых боров, а на берегу реки Тавды вокруг первых лесопилок, прижимаясь к железнодорожной станции, от-

крытой в 1916 году, набирал рост новый поселок – центр лесопиления и деревообработки, которому суждено было стать городом с почти 50-тысячным населением. И вполне закономерно динамично развивающийся центр лесного края указом ВЦИК РСФСР от 21 июля 1937 года получил официальный статус города!

Так какой же год считать годом основания Тавды, когда отмечать день ее рождения? Да с года появления в 1910 году первого предприятия – лесопилки Рохлина, уверенно посчитаем мы, вспоминая истории возникновения уральских городов-заводов. Да только тут одна закавыка получается: владелец лесопилки Рохлин фигура-то полулегендарная!

Из издания в издания переходит фраза о том, что город начался с лесопилки Рохлина. Сам это не раз употреблял в своих краеведческих работах, основываясь на свидетельствах в хранящихся в городском музее воспоминаниях старых рабочих Тавдинского лесокомбината. Других подтверждений не попадалось. Смущало и авторитетное свидетельство Павла Петровича Бажова, не раз бывавшего на Тавде и написавшего очерк «Первый лесозавод» о начале промышленного освоения края.

В те годы на Тавду ринулось немало предприимчивых людей, подчас не лишенных авантюризма. Об одном из таких рассказано в очерке П.П.Бажова. «Прослышал где-то, что дорогу на Тавду строят, а он, видишь, в Сибири бывал, доски тамошние тавдинские видывал. Вот и говорит своим компаньонам:

– Надумал я... податься в те места, куда дорогу новую ведут, Успеть надо хорошее место захватить, пока другие не пронюхали. Мешкать нам нечего. Грузиться надо да пошевеливаться, пока не налетели. Тоже ведь воронье, живо учуют, где плохо пахнет».

Герой очерка, бывший волжский слесарь из Сызрани, попал в Тавду вместе с этим предпринимателем – Шестевым, своим хозяином: «Раму-то с машиной всё одно я первый привез. На барже тянули с пароходом «Стефан». Как сейчас помню. И железная дорога тогда еще не открыта была, как я завод тут ставил». Привезли оборудование железной дорогой до Тюмени, а уж потом по воде в Тавду. «Тут вот я первый завод и ставил, – с гордостью рассказывает в очерке рабочий, – на этом самом месте, где и теперь стоит... Сначала только он был без стен и без крыши. Потом уж напилили».

Бойко «пилили» тогда девственные тавдинские леса. Не всегда была удача новым заводчикам, как в случае с тем же Шестовым, судя по бажовскому свидетельству: «Ошибка вышла... Вишь, рама-то жердевая была, – на мелкий лес то есть подходила. А тут и лесу такого не сплавляли... Сызранский лесопромышленный щуренок, устремившийся первым на тавдинский лес, оказался слишком слаб со своей жердевой рамой».

По Бажову получается, что первую пилораму на Тавде поставил предприниматель Шестев, о Рохлине он не упоминает даже. В 2009 году, когда приближалось столетие начала тавдинской лесной эпопеи, мне довелось работать в Тобольском архиве. Кошукская волость входила в Тобольскую губернию, в архиве могли сохраниться документы по лесам на Тавде. Просмотреть получилось дела с отчетами Тавдинского и Таборинского лесничеств за 1910–1915 годы, дела о строительстве и изысканиях при проведении Северо-Восточной Уральской железной дороги Екатеринбург – Тавда) за 1911–1916 годы и другие материалы, но о предпринимателе Рохлине упоминания в них найти мне не удалось.

Выходит, имя это пока остается легендарным в истории города Тавда. Тем самым оправданно использование его мною в поэтическом собирательном образе первого тавдинского промышленника:

Почесывал Рохлин лысины репу,
газету отложив... «Вот так зацепа!
Задумали, однако, «железку» всерьез...
А что, если двинуть?.. Вот где вопрос!
Сквалыжит супруга, мол, рохля и баба.
Всё надо обдумать, высчитать надо б!
Вот выступил Менделеев. И в газете тоже
пишут, что урманы там приготовлены к делёжу.
Сыт сиднем не будешь, каждый день промышляй...
Где наша не пропадала – махну в этот май?!»
Забилась в купчике промышленная жилка:
«подзанять, поднатужиться, купить лесопилку,
да по рекам отправить, пока строят дорогу...
От таких волнений наживешь изжогу!»

К пристани Каратунка привел капитан
с баржей груженой пароход «Стефан».
Выгрузили с баржи паровуху в сорок сил,
да раму «Пирвиц» – в тесовый распил.
И заухала «машинка» филином по плесу,
себе на крышу разделала тесу,
а там и первая партия отгружена шпал
для новой дороги... «Высчитал, не прогадал,
а супруге в Сарапул отпишу: не рохля,
а сибирский промышленник теперь Рохлин!»
Оправдалась на Тавде купецкая прыть.
...Через четверть века здесь городу быть!

КЛАД КОММИСАРШИ

Предания о спрятанном и не найденном кладе кто в жизни из нас не слышал, не мечтал тайно его отыскать. Помнится, в детстве мы, мальчишки с нашего двора, услышали историю о зарытом отступающими «колчаковцами» кладе на лесной дороге возле поселка бывшей суконной фабрики. Вооружившись лопатами, отправились на место, которое называлось «колчаковские окопы» – куда же, как не туда! – и стали усердно копаться в оплывшем бруствере окопа, на самом деле сохранившегося со времен событий Гражданской войны в наших краях. Кроме ржавой гильзы от винтовочного патрона, ничего ценного выкопать у нас тогда не получилось.

Доходили до меня слухи и о других кладах, а один я даже держал в руках: братья мои помогали другу разбирать старый прадедовский пятистенок в селе Кошуки, и вскрылся им в стене, за русской печью тайник, где лежала пачка поблекших денежных купюр Российской империи, годных разве только в

Окраина деревни Васьково.

коллекцию нумизмата. Но об одном кладе мне рассказали еще в 1970-е годы, а спустя три десятилетия я даже попытался его отыскать. Предание о нем звучало так.

Жила в деревне Васьково женщина, в годы коллективизации бывшая активисткой советской власти, беспощадная к «кулакам-мироедам», чем прославилась на всю округу и получила прозвище «Полька-комиссарша». Каким-то боком, а может быть и наделенная от районной власти полномочиями, «Комиссарша» участвовала в закрытии православного храма соседнего села Кошуки и реквизиции церковного имущества.

Здесь небольшое отступление требуется. На самом деле известно, что церкви, возведенные на деньги верующих, по декрету советской власти 1918 года перестали им принадлежать. А в 1930 году власти предприняли решительное наступление на религию. Перед самым рождеством 1930 года члены сельсовета с милицией, пригрозив оружием, забрали ключи у настоятеля Кошукского храма. Выставили образа, поломали, часть сожгли, а ценную церковную утварь и снятые колокола увезли в Тавду. Прихожане с великой надеждой отправили жалобу на бесчинства «Всероссийскому старосте т. Калинину Московскому»... Увы, «Калинин Московский» не помог, двери храма в селе Кошуки затворились для верующих на десятилетия.

А дальше наша история будто так развивалась. Местной советской активистке как-то удалось часть самого ценного из церковной утвари утаить и спрятать в доме своей престарелой матери, что жила одна в деревне Васьково. Набожная старушка, возмущенная кощунством дочери, одной темной ночью сложила «священную» утварь в старый самовар, самовар сунула в мешок, который взвалила на спину и унесла за деревню, зарыв в неведомом месте.

Узнав о поступке матери, взбешенная «Комиссарша» долго добивалась, где та спрятала дорогой мешок, но старая женщина так и не призналась, да и недолго после того она на белом свете задержалась. Искала потерю сама «Комиссарша», прослышав о том, пробовали найти клад васьковские мужики, но всё безрезультатно.

Вспомнил я эту то ли быль, то ли легенду, когда в своих краеведческих изысканиях наткнулся на упоминание о том, что в 1930-е годы председателем Васьковского сельсовета работала некая женщина – П.К.Краснова. Может, это и есть прототип той самой «Комиссарши», а выше рассказанная история клада имеет под собой реальную основу?

Как-то лет десять назад, а это где-то 2010 год шел, один мой товарищ обзавелся металлодетектором и усердно лазил с ним по огородам окрестных деревень, по урочищам исчезнувших к этому времени поселений, принося домой добычу: медные и серебряные монеты царских веков и советской эпохи, конские подковы, самоварные крышки и другие артефакты крестьянского быта. Надумали мы с товарищем попробовать поискать «комиссаршин» клад.

Поехали в Васьково и целый день бродили с прибором по окрестным полям и буеракам, особенно тщательно обследуя обрывистые берега тутошней речки Пеганки, уходя на километр от деревенской окраины. Ну не могла немощная старушка далеко унести и спрятать свою ношу, да еще в ночь! Поди, где-то в самой деревне и закопан мешок с церковной утварью? Проверить это мы не пытались – была летняя пора, все огороды заняты грядками и рядками цветущей картошки. Не дался нам клад! Думаю, кому-то еще повезет легенду о нем сделать былью.

ДЕЛО КОМКОРА ПУГАЧЕВА

В 1970-е годы услышал я одну историю от Рудольфа Людвиговича Штейнбрехта, бывшего «сидельца» тавдинских лагерей, талантливого художника-портретиста, оставшегося в Тавде жить после освобождения и посещавшего наш городской клуб художников; поведал он историю о том, что в одном из лесных лагпунктов в годы войны с ним вместе содержался герой Гражданской войны, командир корпуса (теперь этому званию соответствует генерал-лейтенант) Пугачёв. Особенно меня это не удивило: какие только известные люди не сидели за колючей проволокой в те годы в тавдинских лагерях – на одном из островов обширного сталинского архипелага ГУЛАГА! Например, Герой Советского Союза Владимир Карпов, будущий знаменитый автор книг о маршале Жукове, ушел на фронт прямо из лагерной зоны в тавдинском поселке Карьер.

Не поверить старому художнику было трудно, хотя и фамилия Пугачёв мне тогда ничего не сказала, не слышал я о таком герое «той единственной Гражданской», на слуху с детства Чапаев, Буденный, Фрунзе, Лазо (живу на улице его имени), даже о Блюхере в те годы уже были наслышаны. Сомнение все-таки зародилось, как-то всё на красивую легенду похоже...

И только в 1990-е годы эта фамилия зазвучала для меня во второй раз, в период работы в архиве тавдинского Управления мест заключения (называю так для простоты понимания, ибо учреждение это пережило на своем веку не одно переименование). Да, в том, кажется, 1994 году сделалось возможным получить допуск для работы в архиве этого, надо понимать, довольно закрытого учреждения, и я этим воспользовался.

Приходил на три-четыре часа, перебирал пыльные стопки тоненьких дел... В одно из таких посещений я как обычно просматривал дела, составляя списки умерших спецпереселенцев-немцев, похороненных в военные годы на «зыковском» кладбище возле озера Щучье, где с товарищами собирались поставить поминальный знак. Милая работница архива, угощая чаем редкого посетителя своего хозяйства, предложила:

– Хотите посмотреть дело интересного военного человека? Скоро таких дел у нас храниться не будет, готовим их к отправке в Екатеринбург по распоряжению областной власти.

Не знаю, нарушила ли архивистка какие-то инструкции, но я держал в руках «Личное дело заключенного Тавдинского отделения СевУраллага НКВД Семена Андреевича Пугачёва»! Времени на просмотр у меня было немного, пришлось пробежать по страницам «по диагонали», выхватывая и записывая некоторые сведения или отрывки из документов.

Вот что записал с 1-го листа дела: «Осужден военной коллегией Верховного суда СССР 26 октября 1939 г. по статье 58-1б и 58-11 на 15 лет и 5 лет поражения в правах... Лишен звания «комкор»... Окончание срока 10.10.1953 года... Дело закончено со смертью... Прибыл 15 января 1940 года. Приметы: рост средний, телосложение нормальное, цвет волос седой, глаза карие, нос обыкновенный, Родился в г. Рязани, русский, образование высшее, член ВКП(б) с 1934 года, служил в царской армии с 1906 по 1918 годы, в Красной армии с 1918 по 1938 годы. Был в Швейцарии в 1927–1928 годах, владеет французским языком... Члены семьи: жена Лариса Дмитриевна, пятеро детей – Владимир (1911 года рождения), Лидия (1913), Николай (1915), Дмитрий (1930) и Наталья (1936)... Специальность: машинист пишущих машин. Работа до ареста: Ленинград, начальник Военно-транспортной академии им. Кагановича с 1932 по 1938 годы».

Лист 3: «в Тавдинский лагерь прибыл из Бутырской тюрьмы».

Листы 4–5: «имел два ордена Красного Знамени, четыре ордена союзных и автономных республик, медаль «XX лет РККА».

Лист 6: «из дворян, штабс-капитан Генерального штаба царской армии».

Листы 7–8: отпечатки пальцев С.А.Пугачёва.

Лист 25: «13 ноября 1939 года в тюрьме состоялось свидание с женой».

Лист 58: «занят на относке и разделке рудостойки, раскатке шпал... ни поощрений, ни взысканий не имеет, принимает участие в оформлении стенной печати... Личное замечание начальника лагпункта: «отношение к труду не серьезное».

В день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года, находясь в Тавдинском лагере, заключенный Пугачёв пишет письмо Молотову (лист 72): «Прошу зачислить меня красноармейцем одной из действующих на фронте частей Красной армии... и искупить мою вину»; переведенный в лагерный пункт в селе Таборы в ноябре 1941 года пишет письмо наркому обороны со своими предложениями по ведению военных действий (листы 67–70); пишет письма Сталину, Ворошилову, Тимошенко, Калинину, но, судя по всему, эти письма к вождям к адресатам не отправлялись, пополняя лишь дело заключенного.

Идут листы с протоколом медицинского освидетельствования узника с резко пошатнувшимся здоровьем, которому определен диагноз – «старческая дряхлость»?! Листы о переводе его из одного лагпункта в другой, об определении «инвалида 1-й группы» на хозяйственные работы в огород, затем – в лесорубы! С 10 июля 1942 года содержится в Комендантском лагере в Таборах, где 16 марта 1943 года в медчасти умирает «от резкого истощения и паралича сердца при сопутствующих заболеваниях», а 20 марта тело Пугачёва было захоронено на кладбище лагпункта Куренево.

К делу было приложено обращение издательства «Советская энциклопедия», датированное июлем 1965 года, в Военную коллегию Верховного суда

С.А.Пугачёв.

СССР с просьбой сообщить дату смерти «командарма 2-го ранга Пугачёва С.А.»

Вернувшись домой, взволнованный прочитанными листами из «пугачевского» дела, открыл 21-й том 3-го издания Большой Советской энциклопедии, выпущенный в 1975 году: статья о предводителе Крестьянской войны Емельяне Пугачёве ожидаемо нашлась, а вот о военачальнике С.А.Пугачёве отсутствовала. Но была биографическая статья об еще одном Пугачёве – Владимире Семеновиче, родившемся в 1911 году в Рязани, ученом-академике в области механики и математики, лауреате Государственных премий СССР, генерал-майоре авиации, кавалере ордена Ленина и еще 6 орденов. Старший сын погибшего в тавдинских лагерях комкора, судя по справке в деле, тоже Владимир и родился в 1911 году. В деле были указаны два адреса, в Ленинграде и Загорске, ныне Сергиевом Посаде. Написал по обоим адресам в надежде, что кто-то из потомков Семена Андреевича может проживать по старым адресам. Ответов не пришло на мои письма.

Шли годы, славное имя С.А.Пугачёва постепенно возвращалось к людям, сейчас об активном участнике Гражданской войны можно найти массу материалов в Интернете. Приведу здесь только некоторые открывшиеся биографические сведения о герое очерка.

Родился Семен Андреевич Пугачёв 26 февраля 1889 года в Рязани в дворянской семье, отец был учителем гимназии. Окончил Алексеевское пехотное училище в Москве (1908) и Николаевскую военную академию Генерального штаба (1914). Во время Первой мировой войны в звании капитана воевал в составе 6-го Сибирского корпуса, затем в штабе Северного фронта. Награжден тремя орденами Российской империи: Святого Станислава 3-й степени, Святого Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 4-й степени.

После революции в апреле 1918 года добровольно вступил в Красную армию, служит в штабе Уральского военного округа, с начала 1919 года – начальник оперативного отдела штаба 2-й армии Восточного фронта, с сентября 1919 года – начальник оперативного управления Южного фронта, затем – начальник штаба Кавказского фронта. С августа 1923 по апрель 1924 года являлся командующим войсками Туркестанского фронта, ведшего активные боевые операции против басмачей в Бухарской и Хивинской республиках. В 1925–1928 годах герой Гражданской войны служил заместителем начальника штаба Красной армии, являясь активным участником и соратником наркома М.В.Фрунзе по проводимой в СССР военной реформе. В 1927–1928 годах был военным консультантом в составе советской делегации на Женевской конференции по сокращению вооружений. В 1928–1930 годах являлся начальником штаба Украинского, а затем Среднеазиатского военных округов. Таков краткий послужной список С.А.Пугачёва.

В феврале 1931 года он был впервые арестован, но все обвинения с него сняли и освободили. В сентябре 1932 года Семен Андреевич назначается начальником Военно-транспортной академии в Ленинграде. В 1934 году по рекомендации Г.К.Орджоникидзе и С.М.Кирова вступил в ВКП(б), из которой через три года был исключен за связь с «врагами народа» М.Н.Тухачевским и другими. 10 октября 1938 года – вновь арест, затем суд и отбывание наказания на Урале, где ему приходилось уже воевать в Гражданскую войну и где суждено было окончить свои земные дни... В 1956 году С.А.Пугачёв был посмертно реабилитирован.

В конце июля 2010 года была предпринята первая попытка найти место захоронения комкора Пугачёва. Замечательный таборинский краевед, бывший председатель райисполкома Виталий Федорович Мясников, тавдинский предприниматель Олег Поляков за рулем вездеходного «Уазика» и я, втроем, отправились на озеро Куренёво. Съехав с асфальтированной трассы Тавда – Таборы, часа два петляли, полагаясь на помощь навигатора, по разбитым лесовозами дорогам и зарастающим просекам, пока все-таки достигли живописного озера, на восточном берегу которого приютился лесной кордон.

Несмотря на то, что в давние годы Виталий Федорович бывал в этих местах и видел своими глазами ряды могильных холмиков лагерного некрополя, нам не удалось его найти – время и молодой сосновый бор, поднимающийся с послевоенных рубок, сильно нивелировали местность. Отдохнув на безлюдном кордоне и полюбовавшись на прекрасные озерные виды, мы отправились в обратный путь, признав в общей беседе, что судьба трагически распорядилась жизнью Семена Андреевича, но для его посмертного упокоения послала райский уголок таежной земли.

Несколько лет спустя усилиями опытного тавдинского поисковика Александра Семеновича Ботикова и его спутников Сергея Ефимова и Павла Лисина место захоронения заключенных у озера Куренёво было найдено, в январе 2016 года на найденном погосте был установлен временный поминальный крест, а 12 октября 2017 его заменили на металлический. Параллельно шла работа по созданию мемориала на бывшей территории лагерного пункта Комендантский, что существовал с 1931 по 1946 годы на подъезде к районному селу Таборы, где провел последние свои дни комкор Пугачёв. Автором проекта памятника стала тавдинка Светлана Сергеевна Монгилёва, мемориальные плиты изготовили в мастерской Александра Юрьевича Кожевников в Тавде, построил памятник Николай Николаевич Нерлов.

13 августа 2016 года на берегу реки Тавды состоялось торжественное открытие мемориала, на одной из плит которого портрет и слова: «Всем безвинным жертвам ГУЛАГА от семей потомков командарма Пугачёва Семена Андреевича». На открытии присутствовали потомки героя Гражданской войны – внук Владимир Масюков и правнук Владимир Синицин. Освятил мемориал таборинский священник о. Вячеслав Ошев.

❑

Владлен КОЗИНЕЦ

Работа: слесарь на заводе, бетонщик на стройке, телевидение (Воркута-Свердловск): корреспондент, комментатор, заместитель главного редактора, главный редактор. Образование-специальность: факультет журналистики Уральского госуниверситета – журналист, Свердловский социально-политический институт – политолог. Премии: Союза журналистов СССР, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, Министерства обороны СССР. г. Екатеринбург.

ФУЖЕР*

ИЗ ЦИКЛА «ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ БЫВАЛЬЩИНЫ»

«...Прежде чем диагностировать у себя депрессию, убедитесь, что вы не окружены идиотами...»
Зигмунд Фрейд,
основатель психоанализа

МИРОВОЙ ОКЕАН

– Ну и как ты их охранял, Славка? – лениво зевнул Серафим, вытягиваясь во весь рост на парусиновой койке под потолком каюты. Вентилятор нехотя гонял горячий воздух, мало что меняя в душной атмосфере замкнутого пространства кубрика, но время до вахты поневоле нужно было коротать. – Этих израильских начальников Земли Обетованной. Каким ветром тебя туда вообще занесло – с твоей-то рязанской рожей?

Ответ с нижней койки прозвучал лапидарно.

– Просто.

– Что именно? Охранял или попал?

– Так ты поконкретней вопрос задай.

– Ладно уж! Не нравится – не рассказывай. Я те не отдел кадров. И не замполит.

– Откуда на контейнеровозе замполит? Размечтался! Маловато у нас палубного народа для такой крутой должности. Нерентабельно будет.

На траверзе** Панамского канала их ожидал не то что бы сюрприз, но все же... Не менее сотни бортов скопилось с обеих сторон канала в ожидании проводки плавсредств самой разной тоннажности из великих океанов Тихого и Атлантики – что туда, что обратно. Половина, не меньше, болталось на волнах Карибского моря, куда и прибыл контейнеровоз, держащий путь из Европы в Америку, с Черноморского побережья на Тихоокеанское – в порт Окленд штата Калифорния. Канал при его двухниточном, даже встречном, движении практически всегда преодолевался крайне медленно: на каждое судно тратилось от четырех до десятка часов. Тут хоть устарайся, а сотню посудин в сутки обслужить не удастся. Бывали случаи, когда с неделю приходилось торчать на якоре в ожидании своей очереди. В этот раз перспектива вырисовывалась застрять дня на три, не меньше.

Опытный капитан – болгарин Эмил Димитров – знал, что давать матросикам закисать нельзя. Пять тысяч морских миль пути, что почти 10 тысяч сухопутных километров – не шутка. В его плавсоставе, сколоченном, как обычно, в международном порту Варна «с бору по сосенке», кого только не было! Болгар – ровно половина вместе с ним – тринадцать. Плюс тройка бывших «джентльменов удачи» прямиком из французского Иностранного легиона по окончании контракта – этих вообще хрен разберешь, что за публика: откуда они, какого рода-звания – в том Легионе сплошь иностранцы служат, и эти-то мало на французов похожи. Лучше в родословной подобных ухарей не копаться – нарвешься, как пить дать, на грубость, а то и на нож. Плюсом пяток греков, издавна живущих на Черноморском побережье Болгарии. Три итальянца с корсиканскими бандитскими рожами, да еще парочка русских приблудилась. Но люди все одинаковы, под каким флагом они ни ходи: когда дело есть, им не до дури. А вот безделье...

---

*Фужер – бокал емкостью 200–250 миллилитров жидкости (Здесь и далее – комментарии автора).

**Траверз – (от франц. traverse – «перебегать поперек») – линия, перпендикулярная курсу судна.

Поэтому уже через час катер увез на берег первую партию свободных от вахты: до столицы страны Панами-Сити – чуть больше тридцати кабельтовых*, если вдруг и заштормит часом – все равно доберутся назад без проблем. Зато какие вернутся? Попившие, побузившие, шмотками отоварившиеся. С довольными парнями океаны можно бороздить! Сам кэп на берег не собирался – что он там не видел? Тем более что первым же обратным рейсом помощник привез из столицы не только ящик отличного купажированного** виски «Джонни Уокер», но и двух прелестных латиночек с замечательно обрисованными попочками – ну просто на загляденье. Себе – и другу капитану. Благо, стоили эти девули за прокат в сутки сущие пустяки!

Серафим со Славкой понимали, что на берег их отпустят не ранее чем завтра – как и положено новичкам на корабле – последними, и то только – на полдня.

ПОЕЗД

Больше трех чудиков – с точки зрения здравого смысла – природа в одном месте случайно не собирает. Даже ей, всемогущей, это – не под силу. В поезде, тормозящем чуть ли не на всех полустанках, был всего один купейный вагон. Конечно, по достижении соседнего облцентра он традиционно превратится в единицу подвижного состава дальнего следования. А пока... В этом самом вагоне усилиями трех разных кассирш и образовалось почти заполненным только одно купе. Обычно пассажиры преодолевали расстояние порядка двухсот километров между двумя самыми крупными городами Урала кто электричками, кто автобусом, а большинство, по практическому разумению – плацкартом. Но вот этим, видите ли – вынь и положь комфорт за шальную цену! Ну да – пожалте! Как говорится, любой каприз – за ваши деньги!

Кассирши действовали, конечно же, не сговариваясь – потому как находились в разных, далеко отстоявших друг от друга точках: продали последовательно две нижних полки и одну верхнюю. Но все – с питанием. Конечно, в здравом уме эту китайскую лапшу, «Завтрак туриста» да окаменелые пряники никто употреблять не станет – сколько миллионов километров данный сухпай отпутешествовал по просторам стальных магистралей? Но уж раз появилась у некого пассажира блажь раскошелиться – получите! Вышколенные проводницы (а порядки в ведомстве накрепко укоренились со времен «железного» наркома Лазаря Кагановича на век вперед) старательно выложили оплаченное добро на столик.

Первым разместился немолодой дядек – по всему тертый командировочный калач. Покидав пищевой хлам в загодя приготовленный для этих целей пластиковый пакет, он сразу же принялся основательно «накрывать поляну». Оглядел дело рук своих – и удовлетворительно крякнул: увесистый круг полукопченой колбасы, обалденно пахнущая, провяленная на костровом дымке рыбина, один хвост которой мог удовлетворить аппетиты солидной компании... Плюсом – помидорчики, огурчики, зеленый лучок, тщательно промытый и упакованный в полиэтиленовый мешочек – чтоб не озонировал замкнутое пространство до времени. А еще – каравай здоровенной, пряно пахнувшей самаркандской лепешки. Венчали сервировку солонка и походный несессер с рюмочками вместимостью по тридцать пять граммов. Будто чувствовал первопроходец – попутчики ему найдутся!

Вошедшему следом Маклакову ничего не оставалось, как вынуть из «дипломата» еще помнившую прохладу холодильной заморозки бутылочку «Столичной».

– Бронислав Семенович! – на правах старшего представился бывалый. – Прошу любить и жаловать!

– Серафим! – ответствовал Маклаков. – Можно без Калистратовича. Язык сломаете ненароком.

– Да и у меня имя-отчество – не без кандибобера, – весело поддакнул щедрый собеседник.

Замыкающим ввалился перед самым отходом состава рыжий-прерыжий худенький мужичок. Не только короткая прическа с четко выбритым пробором вкупе с россыпью ярких веснушек на щеках и лбу – даже глаза у этого «новобранца» были огненно-рыжими. Обозрев приготовленное к употреблению великолепие, он прицокнул языком, не глядя запустил руку в потертый у замков портфельчик и бухнул на стол трехзвездочный кизлярский коньяк.

– Гусев! – кратко представился он, цыкнув зубом с искусственной коронкой «под золото». – Я сейчас, шустро – пусть сразу чайку принесут.

– А по имени как звать-величать прикажете? – послал вслед вопрос первопроходец.

– Ой, лучше не спрашивайте! – оглядываясь, озорно сверкнул глазом рыжий. – Мама такое придумала. Сократ – мое имя!

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Директорская речь пестрела оксюморонами***. Они всегда были неожиданными и били в цель без ошибки, особенно – в общении с женским полом. Видимо, острый чуй подсказывал свеженазначенному руководителю, в какой момент пора ввернуть лихую фразочку – потому и не промахивался. Например, никто не считал костюмершу Генриэтту не то что красавицей – даже элементарно интересной женщиной. Типичная серая мышка. Неслышно прокрадывалась она черным ходом по боковой лестнице к себе на второй этаж в костюмерную и за день могла нигде не появиться, даже в кафе – еду приносила с собой, в основном это был супчик в баночке, который она разогревала в кастрюльке на старенькой электроплитке. На планерки по средам так же тихохонько появлялась в руководящем кабинете в числе последних, незаметно пристраивалась где-нибудь в уголке, вопросов не задавала и сидела молчком. А чтобы за много лет работы проявилось в ней что-нибудь личное – ни боже

---

* Кабельтов – морская мера длины в 182,5 метра. Тридцать кабельтовых – около 6 километров.

** Купажированный виски – продукт, полученный путем смешивания солодовых и зерновых сортов в разных пропорциях.

*** Оксюморон – противоречивая фигура речи, словосочетание с противоположным значением: «горячий снег», «живой труп» и т.п.

мой! Это при дэковских-то традициях, когда застольные вечеринки сотрудников очага культуры под аккордеон «дяди Сережи» – аккомпаниатора детско-юношеской спортивной школы по акробатике – зачастую махом срывали потаенные тормоза сдержанности у многих членов коллектива! Благо, закутков, всевозможных аудиторий и других укромно-приятных мест в этом здании постройки конца двадцатых годов одноименного века было пруд пруди! Да у той же Геты кто только ключик не одалживал на вечерок!

Что откуда вдруг взялось-то? Уже на первой неделе своего директорства Серафим Калистратович воткнул при Генриэтте броское выраженьице: «Страшно-загадочная красота бывает у некоторых скромных женщин». И вскоре уже все знали, что при директорском появлении в костюмерной Гета сама начинает расстегивать кофточку. Молча. Без просьб с его стороны. Ничего себе! Да про таких говорят: «Сто лет как мужика нет»! Одна воспитывает великовозрастного сына-неудачника: вечно его отовсюду гонят. А если и возьмут на работу, то ненадолго и на такое жалованье! Абы на сигареты хватало! И только талант матери создавать уют с неспешным, без суеты, хлебосольством из минимума продуктов, которые были по карману на одну ее невеликую зарплату, сохраняло на плаву эту семью. Немногочисленные друзья молодости костюмерши по истфаку университета знали, что в ее «хрущевской двушке» хватит места любому количеству гостей хоть с ночевой – всех каким-то образом могла она распределить по лежанкам, тюфячкам, коврикам... Но главным ее умением было завороженно слушать собеседников во время длинных застольных бесед и сама организация этих застолий – когда никто никого не перебивает, все всех слышат, коротко ли кто-то говорит либо пространно. Но вот что касается внешности... На это она плюнула давно – сразу, как ушла из учительниц. Волосы – пучком, макияжа – ноль...

А тут – этот Маклаков. Как он ее разглядел? А потом увидели и все. Стоило Генриетте на пару часиков уединиться в гримерной с Агнией Енборисовой, заслуженной артисткой РСФСР на пенсии – руководителем оперной студии. Произошло натуральное чудо! Такая королева прошествовала по ДК! Волосы цвета морской волны – когда та неслышно плещется в тени между скал – черные с синевой! Длинные пальцы на конус с тщательным маникюром – как у толстовской героини Карениной. Обнаружилась идеально прямая линия лба и носа – что-то среднее между классическим греческим и индейским профилями. А еще... Во взгляде глубоких синих глаз заструилась сквозящая загадочность вечернего темного сада... И сразу такие нетрадиционные для этой тихони тряпочки на ней заиграли! Пусть недорогие, но с каким вкусом подобранные! И раньше знали – Гета могла из ничего любой наряд сотворить своими золотыми ручками. Для других. До поры это умение на себя она не тратила.

Сказать, что эта сороколетка влюбилась – значило ничего не сказать. Порой она просто сходила с ума! Конечно, понимала – чем больше времени проводит с ним – не столько с целью завоевать, скорее просто наверстывая упущенные годы – тем больше увязает сама. Но какая-то незримая грань стояла между ними. Сама она ни разу не сделала шага навстречу. Каждый рабочий день начинался с немого вопроса: заглянет ли сегодня? Как это пережить, если не увидит его и завтра?.. Не пора ли позвать домой, с сыном познакомить? Хотя... Ему-то это – зачем?! Не замуж же он возьмет – с таким-то привеском! Да и ничего толком о директоре неизвестно: женатый ли, может – бобылюет? Поди, и дети есть... На середине жизненного пути мужик!

Она выросла в театральной семье. Отец был директором театра в небольшом уральском городке, когда его... посадили. Тогда, в поздних сороковых, никто не спрашивал – за что: сажали и просто так. А уж директора-то всегда есть за какое место ухватить! И пропасть бы бедолаге на строительстве шахт Заполярья – с его-то здоровьем непригодного к службе в армии. Потому-то и не воевал, что тоже при случае ставили в укор: мол, отсиделся в тылу, пока другие... Однако неожиданный фарт помог снова собрать семью. Пусть уже не на Урале, а в далеких Северах, но все же...

В тридцатых в лагерях Гулага начали организовывать, где это было возможно, культбригады. Стали проводиться смотры художественной самодеятельности; появлялись даже отдельные театральные постановки – благо, актеров-режиссеров-художников-музыкантов среди осужденных хватало с лихвой. Со временем дошло и до стационарных театров с вполне приличным репертуаром. Естественно, потребовались и администраторы, и директора. Папе – он считал – повезло. Так ни разу в шахту и не спустили – до времени в бельевой кантовался на подхвате. И тут посреди Воркуты вырос однажды деревянный театр, куда труппу и вспомогательный персонал сопровождал на репетиции и спектакли всего один солдат-вохровец: эти-то куда побегут по тундре, не уголовники же?

Спустя время Гета с мамой – сами, без принуждения, не как ЧСИР – член семьи изменника Родины (этот юридический термин стал обиходным в то лихолетье), без приговора сели в поезд с пересадкой в Москве и добрались до места. Отец их радостно встретил на пароконной повозке, отвез в снятую за копейки клетушку в коммунальном бараке на двадцать семей. Зато – с вполне приличным печным отоплением.

– Здесь жить можно! И нужно, – убеждал он семью, а может, скорее самого себя. – Вы не представляете, как многие мыкаются по непригодным ни на что углам. А я все же, какой-никакой – директор!

Мама понимала: ее, провинциальную уральскую актрису на выходах, в труппу, которой руководит бывший главный режиссер Большого театра Борис Мордвинов, ни за что не примут: здесь отбывали срок такие знаменитости! Взять хоть столичную звезду красавицу Токарскую, или Дейнеку с его сочным басом. А ведущие героини-любовницы с наработанным репертуаром из Омска, Ростова – Глебова, Пясковская... В огромном количестве были на выбор

любые амплуа: инженю*, травести**, характерные исполнители – комики, трагики. С наколками не брали! Категорически! Даже в миманс!*** Искусство, несмотря на обстоятельства, должно оставаться чистым. Ну, разве что – в кардебалет. Кто там что разглядит из глубины зала?!

Театр даже на гастроли выезжал. Правда, недалеко – на ближайшую железнодорожную станцию Абезь, где тоже были крупные лагеря, да в приполярную Инту – такой же шахтерский город с лагерями. До шестисот спектаклей и концертов в год умудрялся давать этот многожанровый коллектив, аккумулировавший недюжинные творческие силы. Где уж ей! Например, завлитом одно время был сам кинодраматург Каплер! Тот самый – автор «Ленинианы»! Сосланный за свои «Письма лейтенанта» с фронта в газете «Правда», посвященные дочери Сталина Светлане Аллилуевой. Правда, вскоре он перешел в фотографы.

Маме место нашлось в костюмерной. Гета и выросла в этом закутке, где шились-перелицовывались костюмы, платья, создавалась буквально из лоскутов кожи обувь, из старого фетра сотворялись шляпы и другой реквизит для «Сильвы», «Холопки», других спектаклей. А как завлекательно было слушать разговоры артистов! Они и шутили, и смеялись так заразительно! Многие приходили с рукописями ролей и громко проговаривали их вслух по многу раз – для запоминания. Озорно пикировались по любому пустяку и в эти минуты как будто забывали, что ждут их не подмостки театров, а наскоро сколоченные сцены прокуренных деревянных бараков с далеко не рафинированной публикой. Гета дома наизусть повторяла услышанные роли, представляя себя то Виолеттой Леблан, то Сильвой…

Для артистов у мамы всегда наготове шипел похожий на гигантскую рюмку никелированный большущий самовар, который истопник Никифор наяривал сапогом, отпуская соленые замечания насчет попок, грудок, ножек и прочих женских прелестей и непременно обещал жениться на любой, как только Хозяин выдаст ему вольную.

Отца освободили вскоре после смерти Сталина, в пятьдесят четвертом. С реабилитацией. Как бы извинились за прошлое. Теперь стали жить все вместе – кончились эти свидания урывками. Бросить бы эту проклятую Богом и людьми Воркуту и забыть на веки вечные окаянные годы. Да только вот ехать им было некуда. Уральская родня сама перебивалась с хлеба на квас и давно прибрала их маленькую квартирку в двухэтажном деревянном доме – вшестером еле помещались! И потом – даже со снятой судимостью поди устройся на работу на Большой земле! Так его там и ждали!

Вскоре получили ордер в двухкомнатную. Правда, с соседями – по комнате на семью, в каждой из которых – по трое. Деревянный туалет – на улице. Зато вода в кране есть. И кухня просторная, с красивой печкой в белых изразцах. Гета любила забиться в угол и подолгу смотреть сквозь щель чугунной заслонки, откуда веяло приятным теплом; а как красиво полыхают дрова, превращаясь в фосфоресцирующую золу. Уютно становилось, спокойно. Да так чуть не полстраны жило!

В пятьдесят восьмом театр сгорел. Оставшиеся после освобождения как вольные, работники театра не очень-то горевали – их приютил городской Дом культуры. Но там был свой директор – бывший начальник одной из колоний, не снимавший полковничьего френча, хоть и без погон, и после увольнения в запас. Считал это особым шиком и с подчиненными не церемонился – будто они до сих пор зэки и мнение их никого не интересует. Отцу предложили должность администратора. Пошли распри… Они и доконали папу.

В шестидесятом двадцатилетняя Гета вернулась на Урал одна – мама вскоре за отцом упокоилась в вечной мерзлоте. Без особого труда поступила в университет – начитанная девочка наизусть знала многое из того, что многим еще предстояло услышать впервые. Театр ее воспитал лучше любой школы! После общаги по распределению получила не только место в школе, но и комнату в коммуналке. Которая вскоре пошла под снос – и стала Гета владелицей сначала однокомнатной, а когда залетно родила от смазливого бывшего однокурсника – целой «двушки».

…Назвать нового руководителя ДК писаным красавцем не рискнул бы никто. Подходило другое определение – ражий мужичина. Все как бы среднее – рост, сложение, шевелюра, но вот ручищи – как совковые лопаты, да и лицо неопределенно-бронзового цвета, выдавало его обладателя совсем не как обладателя гуманитарного диплома. Одет – по барски: замшевое пальто, кожаный дипломат в тон одежде. А вот наружность – совсем не в масть. Она открыто кричала – на морях и океанах забронзовела эта физия давно и навсегда. А еще написано было на ней, что этот дядек запросто втиснется даже туда, где голова не пролезет! Как он попал в ДК на руководящую должность? Об этом среди подчиненных не знал никто. Да и сам он в совсем недавние времена на такое не рассчитывал. Нетрадиционные пути – самые неожиданные. Как и чувства. И вот такого полюбила женщина тонкой душевной организации. Чудны дела твои, Господи!

ПОЕЗД

Вроде состав только-только разогнался как следует, а уж дошла очередь и до кизлярского. В застолье «банковал» бывалый: густобровый, с аккуратно подстриженной лысиной, окаймленной седыми вьющимися волосами, он легко расположил к себе собеседников.

– Я где только не строил – и на БАМе, и до него, и после. И в Азиях, и в Европах.

– Много пришлось поездить? – подкинул развитие темы Сократ.

– Ой, и не спрашивайте! Наша

* Инженю» (от франц. Ingénue) – молодая героиня (театральный термин).

** «Травести» – актеры невысокого роста на роли детей, подростков (театральный термин).

*** «Миманс» – участники массовых сцен (театральный термин).

контора Минмонтажспецстрой* совалась даже туда, куда никаких не то что америкосов – французов с поляками не затянешь. Так оказался я однажды в Африке – диссер пришлось на время отложить: после Московского автодорожного заочно кропал без отрыва от производства, пяток лет на это убил. Неграм плотину срочно возводили – вот и загребли по-быстрому всех пригодных. Я отвечал за дорожные работы – руководил чертовой кучей инженеров: и наших, и гвинейцев, и португальцев всяких.

– Языки, поди, у вас в ходу? – осторожно решил уточнить Маклаков.

– Да какой там! Трехмесячные курсы французского плюсом к вузовскому английскому – и вперед! Вот с этим-то языком я однажды и влип. До сих пор смешно. Жду, значит, корабль с оборудованием, а вперед него приходит телеграмма: дескать, эту посудину – как только прибудет – заворачивай взад прямиком на Дальний Восток. Срочно решено на самом верху строить БАМ, и все теперь – туда.

Легко сказать – заворачивай! Это ж надо успеть все переиграть, пока судно не пришвартовалось! Как только его моментом разгрузят – пиши пропало. А этот гад плавучий – вон уже, на подходе – гудит на всю акваторию, зараза. Я в кучу коносаменты – это деловые бумажки такие – и в порт!

День, как назло, выпал выходной, на весь офис – одна машинистка, а толпень мужиков в морских фуражках – больше чем у Мавзолея туристов. Бросаю ей на стол прикупленный на ходу букет цветов с шоколадкой в придачу и настойчиво начинаю втолковывать на своем аховом французском, что нам с ней жуть как крайне важно оформить переадресовку груза вне всякой очереди! И ничего важней этого дела для нас на сей секунд нет и не может быть! И вдруг эта величавая дама – кругом в дутом золоте и на пальцах, и в ушах – всем мощным телом начинает от хохота валиться из-за машинки чуть не на пол. Гляжу – а вокруг все ржут похлеще ее!

– Что ж вы ей такого сказали? – улыбнулся Маклаков.

– В этом – весь смак! Она мне быстро все отпечатала, я бегом на катер, несусь навстречу нашему транспорту, сую капитану папку, бутылку французского коньяка на память – в Союзе его тогда было даже в столице с собаками не сыскать, тогда как там – в каждой лавке, желаю счастливого пути и дую назад. В порту встречаю знакомого из Ленинграда. Увидал меня – и как зальется! Мне уже тоже интересно стало.

– Что вы все ржете? Что я сказал такого?

– Знаешь, что ты ляпнул? В буквальном переводе – «нам с вами нужно сейчас быстро-быстро потрахаться, пока корабль не причалил».

Заржало все купе. А тут и стоянка подоспела на целых двадцать минут, и выпивка как раз заканчивается. Гусев снова проявил инициативу.

– Мужики, я за пивком в станционный буфет. Там всегда есть. Одна нога здесь – другая там.

Маклаков с соседом вышли на перрон перекурить. Старший с интересом взглянул на руку собеседника.

– Вы «Кэмел» совсем не по-русски держите. Так иностранцы обычно… Да и сигаретки эти – не на каждом углу продаются. Из «Березки»?

– У фарцовщиков взял. Но в главном вы правы. Пришлось по морям-океанам поболтаться. Надоело – хуже горькой редьки! Все! Начинаю оседлую жизнь. Как считаете, в сороковник с гаком еще не поздно?

– Никогда ничего не поздно! Я ведь тоже по стройкам столько лет мотался! А теперь вот – банкир, смешно сказать. Ну ничего общего с предыдущими почти сорока годами!

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Морей и океанов Маклакову было хоть как не миновать. К концу войны девятилетний пацан был насквозь своим в порту – как и многие его сверстники во Владике. Голодновато было всем, но на пристанях хоть чем-то да можно разжиться. Отец, стройщик-достройщик высокой квалификации на верфях, хоть и бронированный, все же на фронт отправился – добровольцем. И – сгинул там. Пришло извещение – «пропал без вести при невыясненных обстоятельствах…» Зенитчик! Знающие люди пояснили вдове и осиротевшему мальчонке: прямое попадание в расчет – и где тот расчет? А если бомбежка при отступлении? Кто будет погибших считать, документы оформлять?

К моменту, когда Сима сумел зафрахтоваться на свое первое судно, и матери след простыл – умотала с очередным ухажером куда-то вглубь России-матушки с концами. Обещала, как устроится, сына вызвать. Да только очень скоро наступили в его жизни такие перемены! Устала бы мамаша искать по земному шарику!

Потому помимо морского сленга, что было вполне естественно, въелись в речь Симы всерьез и надолго характерные крепкие выраженьица типа «впрягнуться», «деликат» – деликатный процесс то есть, либо ситуация неоднозначная. Которые он временами подменял более понятными идиомами «зверская затея», «свернуть башку целковому» – то есть напиться, «на ход ноги» и прочие. Не все сходу врубались в ДК, когда директор повелевал «обрезать ему нос» – то есть элементарно опередить. Но со временем стали и не такое понимать. Например, что и от Генриэтты у него тоже есть зависимость – не насквозь же железный человек. Особенно те, кто в знаках зодиака кое-что разумел.

– Рыбы, нисходящие к Водолею – тот еще знак! – рассуждала о новом начальнике библиотекарша Ванда Федоровна. Сама по себе на вид убогонькая, ну просто богомолка из сельского прихода, она иногда такое выдавала! Про нее рассказывали, что однажды очень назойливый читатель, чем-то возмущенный в обслуживании его как важного человека в немалых чинах и заслугах, потребовал немедленно подать ему жалобную книгу – будто в магазин пришел.

– «Муму» подойдет? Или еще жалобней?

О Маклакове она рассуждала так:

* Минмонтажспецстрой – союзно-республиканское министерство СССР, ведавшее строительными и монтажными работами на промышленных и гражданских объектах.

– Натура неординарная! При таком-то раскладе! Там на первом месте – жажда, чтобы постоянно кто-то его обожал. Ипостась опасная! А вдруг обожать перестанут? Как тогда существовать?

Но до того момента, когда придет к Маклакову наивное недоумение об этой новой для него зависимости, нужно было еще дожить.

...Так бы и остаться ему на берегу Тихого-Великого океана на годы-годочки – да вовремя для него китобойную флотилию «Слава» перекинули из Одессы во Владивосток. Поднадоели Симе к тому времени серые вахты в прибрежных водах – все больше заедал не радующий душу скудный быт на сейнере: сырая вонища, рыба и рыба круглые сутки, нудные вахты, пьяные споры-драки в дешевых кабаках в короткие промежутки на берегу. Но тут судьба подкинула шанс: пришвартовалась в прекрасный солнечный денечек один за другим пятерка номерных китобоев-охотников английской постройки. Да все такие разноцветные: два желтых, по одному – оранжевый, красно-синий и салатный. Не то что родненькие совковые черно-ржавые, неизвестно чем замалеванные, чтоб только срам слегка прикрыть. Эти-то блистали корабельной краской «Hempel» – мировая марка, не чета всем другим! Хоть и невелики оказались посудины – опережавшая их молва приписывала им чуть ли не размеры трехпалубников, а на деле вышло – тридцать пять на семь метров, то есть примерно тех же габаритов суденышки, на коих дальневосточники горбушу тоннами черпали. Но «лошадей»-то в двигуне «англичан» было аж 850 против 25–30 родных сейнерских. А как романтично звучали в рассказах морячков-перегонщиков названия далеких неведомых портов – Кейптаун, Монтевидео, Киль, Гибралтар – именно так, с ударением на втором слоге. Народ в порту чуть с ума не сошел! Ведь живут же люди! А мы...

Вскоре большинство этих фартовых благополучно слиняло в родное Черноморье. Вакантные места тут же стали активно атаковать местные. Поначалу брали со скрипом, с разбором, однако вскоре кадровики смирились – не болтаться же жестянкам без дела у причалов. Среди этих новонабранных нашлось место и Маклакову с его разнообразным двенадцатилетним стажем – и шкерщика*, и палубного матроса, и моториста. Если насчет морального облика разве что... Дрался? Было – даже с приводами в милицию. А кто не куражил в его годы? Только маменькины-папенькины сынки? Так тех в море только на прогулку и заманишь. Не воровал, не сидел – чего уж там? А что мордень зверская – так у кого в Приморье она гладкая? Как все – человек божий, обшитый кожей... Не Москва, не Одесса. Этих столичных-черноморских кинуть бы в русскую кипень – тоже бы заматерели обликом. На краях империи народ проще.

Думал – ну вот теперь жизнь надолго наладилась – будет все как у людей. Ан нет.

Ненадолго хватило того фарта. Флотилию не случайно двинули с Черного моря во Владик – те английские суда дохаживали уже свое. Да и во всем мире защитники природы все громче требовали кончать с китовым промыслом. Когда китобойному делу стали приходить кранты, завербанулся Маклаков, как и многие, кому удалось получить от органов «одобрямс», на борт заграничного шипа. Под Панамским флагом ходил пару лет. Там кого только не было – поляки, французы, немцы. Из латиносов разве что капитан да боцман. Как только друг друга понимали? Вавилон! Но ничего, управлялись. Не хуже людей.

Во время очередной стоянки на ремонте в доке и надоумил Маклакова шустрый одессит.

– В сороковник нашего брата начинают списывать подчистую. Такая в стране политика. Сам не уйдешь – задолбают: то не так, это не в лад. Я к брату пойду, в порт – как на любимый лиман возвертаюсь. Хоть кем – там делов навалом. Пристроит. Он в порту, почитай, уже лет тридцать отпахал. Но тебя туда не возьмут. Чужак! Так что – думай, кумекай.

– Что посоветуешь? – щедро наливая собеседнику из бутылки с голой красоткой на этикетке, решил задать вопрос Маклаков.

– Куда-то в центр России шуровать нужно. Бабки при тебе, и немалые. Купи диплом да и на должности осядь. После всех твоих передряг сумеешь любую работенку освоить на раз-два.

– А конкретнее?

– Да я двоих уже сосватал. Назад не вернулись. Знать-то – пристроились.

Тут же на коленке начиркал адресок.

– Только не вздумай оседать там же, где ксиву справишь. Заметут! Давно у них эта левая халтурка процветает. Менты, зуб даю, давно должны этих барыг пасти. Выправил – и делай ноги!

Не сразу по этой наводке пустился Маклаков в путь-дорожку. Время должно было какое-то пройти. Да и в соцстранах попроще Союза моряки еще нужны оказались. Особенно кто с опытом.

МИРОВОЙ ОКЕАН

– Да какие у меня секреты! В Израиль я рванул по моде тех лет – в Алма-Ате ничего не держало особо. Какие там перспективы молодому? Ни черта не развивается, политики только между собой бодаются. Отец туда попал тоже случаем. Мы – волгари, жили в городе Волжском спокон веку – это рядом с Волгоградом, с другой стороны плотины. Отца после Саратовского автодорожного лейтенантом-двухгодичником в Казахстан послали, их там три литера из России были. Ушлые казахи в них крепко вцепились: всем квартиры, должности в министерстве высокие после двух лет службы – дома такие разносолы точно не светили. Парни и повелись. Отец думал – ладно, ненадолго, да вот осел крепко – своя строительная фирма советско-китайская, командировки по белу свету. А я после школы куда? Строить меня не тянет – вечно по колено в грязи. Разве что в спорте можно было остаться, получалось вроде на приличном уровне – центровым в баскет за алма-атинский «Буревестник» играл. Но это ж ненадолго! А потом что? Как раз тогда потащилась эмиграция во все концы. Я с девчонкой дружил – они, семья их, нацелились на Штаты, но туда им не обломилось. Ре-

* Шкерщик – рабочий, потрошащий рыбу.

шили через Израиль рвануть. Так многие делали. Наташка папикам своим принципиально заявила: без Славки не поеду. Отец ее уговорил: как только осядем, вызовем твоего жениха, не боись! И правда: вскоре пришел вызов. Правда, с одной заковыкой – нужно предъявить документ, что, мол, моя мать – еврейка. Иначе – никак! Отцами они там совсем не интересуются.

Я – к родителям. Мама расхохоталась: да как я перекрашусь? Разве что родиться заново! Но я уже знал, где такие документы клепают. Отец дал денег – и вскоре я уже вот он, в Тель-Авиве. Наташкины родоки там сходу купили дом, на первом этаже – лавка, где все подряд продают, от носков до атомной бомбы. Они-то думали-мечтали – я к ее отцу в магазин пойду работать. Ага, только и мечтал! За прилавком стоять – большой кайф! Стоило изза этого огород городить! И дунул я в армию. Алимов* не очень охотно брали, тем более языка-то я не знал. Ничего, там у них для новоприбывших курсы ускоренные есть, особенно кто погоны носить намерен. Очень шустро насобачился шпрехать по-местному. Но армия – она везде армия. Есть войска элитные, а остальные – фуфло на постном масле. Я и прикинул – раз все равно пустыню брюхом утюжить на учениях, надо в десант пробиваться. В этом Израиле тех, кто отслужил, сильно уважают. А уж кто в десанте побывал – им подавно потом, на гражданке, масть покатит!

– И много у них того десанта. Армия-то – с гулькин хрен.

– То ж и оно. Один батальон! И мне сразу сказали – и мечтать не моги! Туда знаешь какой отбор?!

Но мне терять-то было нечего. И я написал письмо президенту страны: мол, что за люди меня окружают?! Я хочу максимальную пользу приносить, а мне происхождение в морду тычут. Я виноват, что родился черт те где? Как так можно? А копию письма отправил в газету. И что ты думаешь? Опубликовали! В этой, как ее... «Гаарец».** Хипешь пошел – мама не горюй! Не прошло и недели, как меня командировали прямиком в столицу, к самому президенту.

– Прям к президенту? Ну ты фантазер! Кто ж тебя к нему так вот запросто взял и запустил?

– Да ты простак, Сима! Думаешь, я просто сел на автобус и поехал сам по себе? Меня сопровождал офицер Моссад.*** На их же машине. Прям в Иерусалим, в район Тальбия, в резиденцию Бейт ха-Насси. Конечно, у них там в стране главный – премьер-министр, у президента представительские и церемониальные функции. Но с меня и его хватило – чай, не последний человек в стране.

– И сколько секунд он тебе выделил?

– В точку! В приемной нас встретил солидный мужик в погонах, как я потом понял, генерал. На почти чистом русском предупредил: на встречу отведено не более 40 минут, у президента день расписан по минутам. Но мы проболтали два часа: деду все было интересно про СССР, он все называл нас «Русия», я уж не стал про Казахстан уточнять. Тоже по-русски может, но трудно, с акцентом.

– Да кто про ваш Казахстан знает?!

– Я тоже так тогда подумал и поправлять не посмел. А ему все вынь да положь: как одеваются, что едят, любят ли молиться? А когда наговорились, позвал меня обедать. Скромненько так, совсем не по-королевски: супчик куриный, котлеты с морепродуктами на гарнир, чай с пирожными. Никаких прислужников, только повар в колпаке, который все это добро в судочках на передвижном столике прикатил. Когда закончили, пообещал – замолвлю словечко перед министром обороны. Думаю, не откажет. Еще б министр самому президенту перечил! Демократия – не бардак!

А чего ему тебя жалеть? Ты ж не на теплое местечко целился! Там война на войне!

– Как раз тогда и завертелось! «Бурю в пустыне»**** я встретил уже в десанте.

– Лихо досталось?

– Да не особо. Понятно – на нервах все, но под бомбежку мы не попали. Обошлось.

ПОЕЗД

Гусев об эту шикарную парочку за малым не споткнулся. То мчался по перрону с авоськой пива – горлышки вразлет, а тут словно на стену налетел! Такого чуда в этом захолустье быть просто не могло по определению.

Они шествовали – как принцессы крови: обе голенасто-высоченностройные, в бежевых костюмчиках и пилоточках в тон, на высоких каблуках-шпильках, причесанные волосок к волоску на царственных лаковых головках. Двумя пальчиками катили за собой миниатюрные чемоданчики на колесиках, какие продаются только в дьюти-фри аэропортов Амстердама, Парижа, Стокгольма... Международные авиарейсы! Никак не иначе! Внутри страны стюардессочки, как правило, калибром пожиже, особенно в боках посочней будут. Таких вот миниатюрных цыпочек – только на экспорт, чтоб всяким «Люфтганзам» от зависти сдохнуть.

Наши курильщики тоже застыли в легком недоумении. А эти... Прямиком прошествовали именно к их вагону!

– Мальчики! Можно пройти? – не поворачивая подбородка, спросила та, что посветлей, пока брюнетка отработанным движением забрасывала свой сак в тамбур. Ринувшегося было помогать банкира она решительно, но мягко отодвинула плечиком. А какую ножку обнажила в разрезе юбочки, когда поднималась!

В купе первые минуты царило молчание. В вагоне, кроме них, никого. Пригласить? Так ведь наверняка пошлют подальше! Разве мы им компания? И стол вон накрыт чисто по-мужски, без фруктов-сладостей, да уже и порядком подрасхристан. А с другой стороны – так и просидеть бараны-баранами при таком вот соседстве? Ситуация разрешилась сама собой. Дверь отъехала, и та, что посветлей, сама вплыла в купе с бутылкой «Мартеля»**** в руке.

---

* Алия – дословно: возвращение на историческую родину в Израиле. Кличка репатриантов.

** «Гаарец» – старейшая газета Израиля, издается с 1918 г. на иврите и английском: 80 тысяч подписчиков, тираж доходит до 100 тысяч экземпляров.

*** «Моссад» – политическая разведка Израиля наподобие ЦРУ в США, КГБ в СССР.

**** «Буря в пустыне» – операция многонациональных сил по освобождению Кувейта и разгрома Иракской армии, длившаяся с 17 января по 28 февраля 1991 года.

***** Бренд «Мартель» – самый старых из великих коньячных домов Франции.

– Привет, мужчины. У проводницы штопора не оказалось. Крыжечку отвернули – а там, представьте себе – пробка. Поможете? – протянула она бутылку Серафиму.

Взболтнуть, ударом кулака по донышку – секундное дело. И вот уже пробка в руке.

– Пожалуйте!

И тут, как по заказу, вошла вторая.

– Меня Инга зовут – не здороваясь, представилась она. – Подругу – Тамара.

Гусев и тут проявил сноровку. Вихрем метнулся туда-сюда – и вот уже свежеополоснутые рюмашки засверкали на столе, даже коробку конфет у проводниц раздобыл. Девушки сами предложили «приговорить» коньяк. Бронислав Семенович, малость оклемавшись, снова взял бразды правления в свои руки. Представил всех по очереди, отработанным движением точно под линеечку разлил на пятерых, не пролив – несмотря на покачивание вагона на стыках – ни капелюшечки, ловко сервировал тарелочки оставшейся закуской.

Беседа потекла сама собой.

– И много стран посетили, красавицы?

– У меня предстоящий полет – в Токио... За шестнадцать лет, наверное, держава четырнадцатая будет – безразлично-усталым тоном протянула Инга. – Конечно, если учесть, что в Испании отметилась уже раз шесть... Да везде – не по разу: Франция, Польша, Египет...

– У меня стаж – поменьше, – весело призналась Тамара. – Третий год за границу летаю. Всего. Но вот повезло – уже в Париже дважды приземлялись. А раньше пяток лет – больше по стране. Аж до Владивостока, Хабаровска добирались.

– Владивосток? – улыбнулся Маклаков. – И как вам моя родина малая?

– Вы оттуда родом? – обрадовалась и одновременно удивилась Тамара. – Это ж так далеко!

– Смотря откуда отмерять, – решил встрять в разговор Гусев. – Я вот, например...

Инга, не удостоив его взглядом, надменно перебила.

– А за пределами родных осин? – явно заинтересованно уставилась она на Серафима. – По виду вы – мореман. Или – военный.

– Первое – кратко ответил он. – Панама, Куба, Гибралтар, Канарские острова. Если по Европе – Пальма-де-Майорка, Киль, Ля Рошель. Помотало маленько.

– Понятно. Оно и заметно.

– А интересно быть банкиром, Бронислав Семенович? – широко раскрыла свои голубые, с сиреневым отливом, глазищи Тамара. – Я даже не представляю, что это за работа. По мне так банк – просто деньгохранилище, и все! Ну понятно – бухгалтера! А что делает банкир?

– Исполняет ритуальный танец с клиентом от имени банка, – хохотнул собеседник. – Процесс этот, я вам доложу – очень творческий. Как говорится, «у каждого Абрама – своя программа».

– Это как? – непритворно изумился Гусев. – В смысле: ты мне – я тебе?

– Если примитивно – то именно так, – согласился банкир. – Но – очень упрощенно!

– Расскажите, расскажите! – захлопала в ладоши Тамара. – Я так люблю послушать опытных, знающих людей. Мы же мало общаемся с пассажирами. Только – в рамках регламента. И – ничего лишнего. Запрещено! А иногда видишь – человек не простой, интересный – а как его разговоришь? Нельзя! На земле – одни пансионаты для летного состава. А там – все свои. С ними мы уже давно все обсудили.

– Тогда придайте направление мыслям, – улыбнулся, словно ребенку, Бронислав Семенович. – Что может интересовать в банковском деле такую чаровницу, как вы?

– Сейчас подумаю, – наморщила лобик Тамара.

Инга вполголоса, дабы не мешать завязавшемуся разговору, мельком взглянула на Маклакова:

– Часто куришь?

– Как когда. Если выпью...

Она медленно-медленно расстегнула миниатюрную перламутровую сумочку, достала пачку «Мальборо», зажигалку «Зиппо» в изящном кожаном футляре, протянула все это добро Серафиму и властным движением лаковой головки в сторону коридора показала.

– Проводи!

Оставшиеся трое так увлеклись, что не скоро сообразили – за время отсутствия выпорхнувшей парочке можно было раздымить ни одну пачку!

– Вы, наверное, милое дитя, предполагаете, что раз я директор, то могу распоряжаться вверенными мне деньгами по своему усмотрению, как вздумается? Отнюдь! Есть при любом банковском учреждении комитет по денежной политике. Он-то как раз и занимается определением целей, на которые пойдут фонды банка. И только потом принятые решения направляются Совету директоров для одобрения или отказа в кредитных средствах. Справедливости ради, такой Совет редко что-то меняет. Любой вопрос прорабатывается тщательнейшим образом. Банк должен знать о своем клиенте практически все – финансовое положение, деловая репутация, перспективность дела, на которые пойдут заемные деньги.

– Но банки же должны тоже зарабатывать? – решил проявить эрудицию Гусев. – Вы же не безвозмездно одалживаете!

– Естественно. Государство нам платить не обязано. Оно само от нас денежных средств жаждет. Наша задача – установить равновесие между получением прибыли и оказанием услуг. Мы лишим себя достатка, если будем филантропами, судьями или тюремщиками. Тут важна тонкая политика. Обычно ставится условие, что доля любой ссуды будет храниться на текущем счету именно нашего банка. То есть – деньги-то клиенту мы дали, но часть их остается у нас в обороте. Конечно, это касается крупных организаций. Мелкие заберут себе все до копейки и лишь потом будут выплачивать по графику частями с определенной суммой процента по займу. Сейчас многие начали одалживаться, не только заводы или стройконторы – на машину, на покупку квартиры там. Не то что раньше. Мы становимся потихоньку банкирами – так сказать, в классическом, не побоюсь этого слова – капитали-

стическом смысле. Времена меняются.

– Наверное, вам все же интереснее иметь дело с богатыми организациями и людьми? – наивно улыбнулась Тамара. – Больше берут – больше платят по процентам.

– Строго наоборот. Самые богатые клиенты тратят по сравнению с взятыми суммами мизерные проценты по ссуде. Жизнь устроена противоречиво: самые высокие проценты как раз платят кто победнее. Это сложно объяснить на бытовом уровне, но это – так.

– А есть какие-то нормативы? – настырно напирал Гусев. – Я имею в виду – стандартные ориентиры.

– Как таковых – нет. Но негласно считается: если годовая прибыль будет на уровне тринадцати процентов от активов банка – это хороший уровень. К нему мы и стремимся.

– А вот за границей есть богатеи, у которых – свои самолеты. Страшно даже представить, сколько они могут стоить! – сделала свои и так круглые глаза еще больше стюардесса.

– Это смотря какие, – невозмутимо поддержал тему Бронислав Семенович. – Я побывал однажды в Америке – у меня там дочь замужем за весьма состоятельным человеком, из эмигрантов еще послевоенной поры... Так вот, зять мой трудится в корпорации «Дженерал Моторс», у одного из их хозяев есть реактивный лайнер. Меня пригласили слетать из Лос-Анджелеса в Денвер просто за компанию – места свободные были. Естественно, стало интересно – почем такое чудо? Они охотно объяснили: стоит такой лайнер – я в марках судов не разбираюсь, уж простите, больше по деньгам специалист...

– Да, поди, не меньше пяти миллионов, – опять постарался оказаться на высоте Гусев. – В их, то есть, валюте.

– Не совсем точно. 12 миллионов долларов. Не сказать, чтобы такой уж большой был борт. Но и немаленький. Там одной обслуги – 16 человек. Больше, чем пассажиров летело.

– Да... – протянул Гусев. – Далеко ушли эти люди от рабочего человека. Это вам не физический труд! Да и в вашем же банке...

– Почему? – мягко возразил банкир. – Например, в любом банке тоже есть физическая работа. Скажем, таскать мешки с деньгами.

– Скажете тоже! – хохотнула Тамара. – У вас там, наверное, все механизировано!

– Да нет. Мешок с деньгами – он и есть мешок. Тяжелый, честно признаться!

– И вся-то жизнь на деньгах завязана! – вздохнул Гусев. – А беды – они для народа. Хоть инфляция, хоть депрессия, хоть дефицит какой, хоть налоги высокие. Крупные деляги вряд ли всерьез пострадают, а народ все выдюжит. Обязан!

– Вы, наверное, Сократ, в партийных органах работаете? Вон как складно все вывели, – не без тайного ехидства подначила Тамара.

– Не совсем. В профсоюзах. Секретарь обкома профсоюза работников госторговли и потребкооперации. Поехал на региональную встречу по проблемам организации социалистического соревнования.

– Так вы – секретарь обкома? – снова округлила глаза Тамара. – Мы сидим рядом с таким большим человеком – и ничего не знаем!

– Обкома профсоюза. Не партии. Как говорится – и домик пониже, и асфальт пожиже. Да не в этом дело. Я вот хочу у профессионала спросить: а можете охарактеризовать, кого можно считать состоятельным человеком? Я не ворье имею ввиду – эти всегда тихарятся. А чтоб – по-честному.

– Пожалуй что – да, – невозмутимо ответил банкир. – Есть общепринятые стандарты в деловом мире. Или правила – если хотите. Например, сочетание обогащения с бережливостью. Умение соблюдать равновесие между тратами и приобретениями. Сохранение имеющегося капитала в определенных пределах.

– Ну вот сколько должен человек иметь в загашнике, чтобы почувствовать себя человеком относительно независимым. Миллион? И где его взять? Нам же на всех углах талдычат: миллион заработать нельзя, только – украсть у трудового народа! – не унимался Гусев.

– Дело, мне кажется, не в сумме, – мягко уточнил Бронислав Семенович. – У деловых людей – неважно, в какой социальной системе они живут – считается, что в запасе должно быть столько средств, чтобы можно было прожить на них, не перекраивая образа жизни, целый год. Скажем, решили вы поменять работу – а на примете ничего подходящего. Искать, оставаясь в нынешней должности – времени может не хватить. А за год, будучи свободным, вы что-то найдете, определитесь – а семья все это время будет сыта, одета, обута, в отпуск к морю съездить сможете. Будто у вас ничего и не произошло, никаких перемен. А мы же как привыкли? Голову теряем, если вдруг куча денег привалит. А любая кучка тает неоправданно быстро!

– Эт точно! Я когда на шахте работал...

– Так вы еще и шахтер, – ахнула Тамара. – Как интересно! Не сразу в профсоюз пошли работать?

...Гусев родился и вырос в Катайске. Несмотря на мощный пропагандистский напор и прессы, и властей, неустанно певших гимн «великой шахтерской профессии», родители старались вовсю оградить своих чадушек от работы под землей. Негласно господствовало мнение, что туда, как в ад, спуститься никогда не поздно. Поэтому каждый выпускной класс разлетался по стране с целью поступления в вузы, техникумы. Те, кто возвращался – опять же негласно – считались неудачниками. В том числе и у его родителей складывалось такое же суждение: «мы-то уж ладно, так жизнь сложилась после войны – а парню зачем такая доля?»

Все бы ничего, но придуманное для него имя... Учителя словно соревновались между собой – кто чаще вызовет к доске да кто больше наставит двоек. И своего добились – у подростка развилась чудовищная идиосинкразия* к учебе. Хоть какой! Хотел бросить школу – взрослые на дыбы! Более того – после получения аттестата всей семьей покатили к родне в самый большой город Урала и целое

лето торчали над душой – чтобы поступил в политех. На любой факультет – абы стал инженером. Результат не заставил себя ждать – провал на первом же экзамене! Отец по привычке чуть было не схватился за ремень.

– Да мы из-за тебя, сволочь, вместо чтоб в Сочи, как люди.... Целый отпуск угробили!

А он выучить билеты не смог!

– А я просил? Надо оно мне...

– Вот и пойдешь в армию! Пусть «деды» тебя по жопе пряжкой учат, раз профессора не нужны!

– И пойду!

Три года в войсках прошли в ГДР. Хотел было даже на сверхсрочную, да вовремя прознал, что на нынешнем месте службы вряд ли оставят. Как подпишешься – могут заслать хоть к черту на рога, и не откажешься. Германию еще заслужить придется, это тебе не в солдатиках бегать. Пришлось вернуться домой – и, назло всем – в шахту. И пятнадцать годков от звонка до звонка – сначала в проходчиках, потом – в добычной бригаде, где рубль длиннее. Постепенно пришел к мысли, что можно и поучиться. Без отрыва от работы. Образовался со временем и диплом, но на инженерную должность переходить категорически отказался – оно ему надо, головой болеть? Повзрослев, решил – пора и пожить на поверхности земли как нормальному человеку. Уехавшие на Краснодарщину родители оставили квартиру. Обменялся, доплатил – и вот он, кооперативчик трехкомнатный в том самом большом городе Урала, где учился заочно. Для семьи отец-жена-дочка – самый аккурат!

Дело нашлось быстро. Поработал для начала в Горно-металлургическом техникуме – вел курс ПРУМ: «подземная разработка угольных месторождений». Оттуда сманили в торговую стройконтору – мастером по ремонту торговых точек. Из мастеров подался в «Горпромторг» – отслеживать техническое состояние магазинов. Где и случился перевод в отраслевой обком профсоюза – вторым лицом. К пятидесяти годам – самая нормальная должность.

...Моя жизнь ничем не примечательна, Тамара. Вам куда интереснее собеседники достались. Так что на мне можно не сосредотачиваться. Я – человек скромный. И уж точно – не пример для подражания. Когда еще вам выпадет случай напрямую пообщаться с настоящим банкиром! Так что давайте используем это обстоятельство до конца – под чаек с конфетками, раз уж у нас и пиво, и коньяк кончаются, а ехать еще пару часов с гаком!

Серафим вернулся в купе один, без Инги. Мужики сделали вид, что не замечают под правой скулой внушительных размеров засос. Тамара не удержалась – хмыкнула в кулачок. Чтобы сгладить ситуацию, Гусев невозмутимо подкинул продолжение темы.

– Понятно, что на кредитах держится все общество – правительство, промышленность, сельское хозяйство. Без ссуд – маленьких, средних, крупных – и деловая активность зачахнет, да и сама цивилизация исчезнет. Но ведь риск есть?

– Есть. Но он должен быть оправданным, – охотно подхватил Бронислав Семенович. – На авось ничего не делается. Стабильность финансового учреждения держится на расширении сферы длительных депозитов методом увеличения процентов по долгосрочным вкладам – естественно, до установленного законом верхнего предела. Например, с более привлекательными условиями для вкладчиков – скажем, с капитализацией процентов на срок от одного до пяти лет. Это – когда деньги к деньгам прирастают. Есть еще поощрения для открывающих новые счета. Расчеты должны быть точны до осьмушки копейки и прозрачны. Тогда люди потянутся. Я не чересчур вас терминами перегрузил?

– Ну вот стал я, скажем, директором, – включился Серафим. – И есть у меня, предположим, возможность выбора банка для размещения средств. Навскидку как определишь? А вы мне свои основные документы вряд ли покажете.

– Есть маленькие хитрости, – весело взглянул на него банкир. – Вы будете смеяться, но знающие люди определяют надежность банка... по ковру в кабинете директора. Если на пол постелен толстый дорогой ковер, а в коридорах тоже недешевые дорожки – считайте, что пришли куда надо. А если станете для них ВИП-клиентом, то есть держать собираетесь не жалкие копейки, и кредиты станете брать крупные – обслуживать вас будут самые компетентные специалисты. Мелким компаньонам достаются менее головастые клерки – банк деньги на ветер не бросает! Да и ковров в кабинетах рядовых работников стелить не станут – пылесосить замаешься.

– А вот еще... – Тамара решила вновь поучаствовать в разговоре. – Что лучше – железные деньги или бумажные? Конечно, мелочь – тяжесть в кошельке...

– Разве это тяжесть? – притворно изумился банкир. – Самыми тяжелыми деньгами были аргонитовые каменные диски на острове Яп в Тихом океане – толщиной в фут, то есть – треть метра. Были каменные монеты с дырками шириной в 12 футов. Их для расчетов носили на шесте. Сдачу давали такими же дисками размером поменьше.

– Так это, наверно, в древности? – решил уточнить Гусев.

– Да нет. Вплоть до начала Второй мировой войны. А самыми легкими деньгами были редкие виды перьев на островах Новые Гибриды. В Эфиопии, например, довольно долго вместо денег использовали соль. Даже римляне платили зарплату рабочим солью – отсюда родилось слово «жалованье», происшедшее от выражения «пожаловать солью». А на острове Барнео еще в девятнадцатом веке расплачивались скальпами вполне официально. Вот так-то.

– Хорошо, что американцы этот бардак прекратили, – авторитетно заявил Гусев. – Доллар – он и есть доллар. Хоть наликом, хоть переводом.

– А вы знаете, что доллар – не их изобретение? Родился он в германской Богемии, только поначалу назывался талер. Но для многих это слово было труднопроизносимо, отсюда и пошло название «доллар». И похоже, и – попроще. Первое упоминание в литературе – в

---

* Идиосинкразия – повышенная чувствительность к раздражителям (медицинский термин).

шекспировском «Макбете»: «Десять тысяч долларов на наши общие расходы».

– Ой, как интересно! – восторженно воскликнула Тамара. – Я так много узнала сегодня. Вам, Бронислав Семенович, преподавать нужно. Студенты, раскрыв рты, внимать будут!

– А зачем я еду в соседний облцентр? Сессию принимать!

Тут у Маклакова будто что-то щелкнуло в мозгу. Удача? Шанс? Еще до того, как перед расставанием Сократ сунул ему мятую бумажку со своими координатами, назвав ее звучно «визиткой» – дескать, вернешься назад, созвонимся: вдруг будем полезными чем друг другу – Серафим выманил банкира в тамбур. Как бы покурить. Но вместо пачки достал бумажник, уверенно отсчитал пять сотенных купюр:

– Ваши советы, уважаемый мэтр, дорогого стоят. Не спорьте! Если надо – могу и валютой рассчитаться. Есть у меня вопросик.

И тут же, не выходя их тамбура, получил исчерпывающую консультацию: к кому по приезду сходить, что сказать, сколько кто и чего стоит. Банкир, как и кореш-одессит, предупредил: с купленным дипломом в данной местности не устроиться – в округе на двести километров знают цену этим гешефтмахерам от образования. А за пределами ареала – нет проблем. Никто шума поднимать не будет – себе дороже. Много прикормленных с этого левого бизнеса отоваривается. Потому как – не опасно: к технике отношения эти «дипломники» от культуры иметь не будут – не спалят, не взорвут, не залечат насмерть. Культура все стерпит! Поэтому до поры даже не очень скрываются от властей и правоохранителей.

На все про все у Маклакова ушло меньше месяца. И вот уже диплом выпускника увесисто осел в «дипломате». Специальность – «организатор работы учреждения культуры». По возвращению назад сразу же, со съемной квартиры, сделал звонок Гусеву.

ОБКОМ ПРОФСОЮЗА

Валентина Ивановна Калистратова по кличке Вика с утра была не в духе. Так ее окликали – по первым буквам фамилии-имени-отчества – всю жизнь: и в продавщицах ЦУМа, и во времена заведования секцией промтоваров там же, и в период замдиректорствования в том же ЦУМе, и в солидном возрасте теперь – в должности председателя обкома профсоюза работников госторговли и потребкооперации. Как зашла в кабинет в своем дорогущем пальто из верблюжьей шерсти, которое у нее – и в пир, и в мир, и в добры люди– так и плюхнулась в кресло, тяжело отдуваясь. Лифта на четвертый этаж их Дома союзов ждать – не дождешься, при царе Горохе строили-монтировали, и хоть дюже не хотелось, а пришлось подниматься пехом. Да вот силы уже не те.

Гусев, уже с час ждавший «хозяйку», участливо предложил:

– Валидольчику? Или, может, коньячку – для расширения сосудов?

– Да иди ты! Дай очухаться! Лекарь нашелся на мою седую голову! В этом пусть доктора разбираются – мой уровень аптекарский. Что пропишут – то и глотаю. Если их слушать и досконально все выполнять – тут все валерьянкой пропахнет!

Сократ давно притерпелся к перепадам настроения начальницы. Ей давно пора было на пенсию, уже три лишних годочка перехаживала. Видать, трудно вставать ни свет ни заря: кожа вон какая – дубовая, серая. А если еще бессонница накатывала – пиши пропало: полдня будет зудеть – все ей покажется не по нраву. Пока чаю с пончиками не попьет часиков в одиннадцать. Он все вопросы и старался решать как раз об эту пору – если, как сегодня, начальница инициативу не проявляла. Позвонила вечером домой, потребовала, чтоб к девяти – как штык! Он и торчал под дверью – а она вот только-только притащилась.

– Ладно. Давай о деле. Ну ты, рыжий, подсуропил. Где такую харю откопал? Колись!

Полуулыбочка мигом слетела с лица подчиненного. Гусев умел моментально натягивать осведомленное, осмысленно выражение.

– Случайно пересеклись, Вика. А чем он тебе не глянулся? Здоровенный мужик. Прям олицетворение мощной силы. Такого слушаться будут!

– Поди, влил в тебя литрухи три – вот ты и хлопочешь.

– Да не. Ну, малость намахнули в вагоне, когда ты меня в командировку к соседям гоняла – но культурненько, без перебора. Потом здесь встретились – опять же не допьяна, граммчиков по сто. Говорю же – хороший мужик. Крепкий. Надежный.

– Маклак – он и есть маклак. Так издавна на Руси шулеров звали – посредников, скупщиков, маклеров. Да у него на роже все написано: разденет, разует, потом продаст и перепродаст. И такого – на Дом культуры сажать? Да мухи со смеха подохнут! Кабы горком партии не давил – и слушать бы не стала. А меня вчерась как раз туда под вечерок зазвали – и давай пороть поперек спины!

– Нормальная трудовая биография. Я тоже с шахты пришел. Опять же – образование у него вполне профильное. Но если ты категорически против...

– Ты вот никак не поймешь: у нас не спор, а дискуссия – заради вынесения решения. Понимай меня, пожалуйста! Аргументируй. Глядишь – и выродим что. Вот ты про образование помянул. Видела я его корочки. Заочные. Еще типографской краской попахивают.

– Дак – только получил. Раньше некогда было. А хоть бы и купленые? Че нам в этом копаться? Это ему торопиться некуда – не к нам, так в другое место примут. А у нас с тобой времени – дефицит. Тут любой вахлак сойдет – лишь бы дыру заткнуть в штатном расписании.

– И опять ты не прав. Мы ж не уборщицу нанимаем. Директоров надолго назначают. А ты – все в кучу!

– Сама ж говорила...

– Да если б не обстоятельства – я бы на эту тему и талдычить не стала. Дак вот давят! Никто в этот ДК по доброй воле не пойдет расхлебывать. Говоришь, инженер ты наш – плывун под ним?

– Сам видел! Да там убедиться – никакого образования не нужно. Только по лестнице в подвал спустишься – и все по состоянию стен видно. Особенно где склады инвен-

таря. По всем плоскостям – лишаи. И это – через год после капитального ремонта, который чуть не пятилетку вели! Сплошной перевод денег! Там ремонтируй – не ремонтируй, а все равно штукатурка на глазах лопается. Вместе с краской. И вонина от сырости – святых выноси! Его бы под бульдозер, наш ДК. И – гора с плеч.

– Ага! Ты такое в горкоме партии еще ляпни. Сразу полетишь под зад коленкой. И меня за тобой – следом. Знаешь, за что? А скажут: как это вы, руководители, до такого состояния очаг культуры довели? Куда глядели много лет? Да у нас по облцентру хорошо копнуть – через два на третий много чего можно под снос. А то не знаешь, в каком состоянии большинство магазинов. Их еще при Николашке строили. А потом – война за войной. Не до новоделов! К начальству в кабинет любой торговой точки зайди – ну прям Дом Советов. А сходи к фасовщикам, грузчикам, товароведам? ДК против этих подсобок – рай! Да и продавщицам – совсем не лафа. А вот они-то как раз, эти люди, и качают деньгу в бюджеты всех уровней. И народ кормить ухитряются при таких-то условиях работы. Так что... Начать сносить – руины будут как после бомбежки! Напомни – когда этот ДК пустили?

– В двадцать восьмом. «Профинтерн» назывался.

– Ну вот! Сколь мильенов народу через него больше чем за полста лет прошло? Натоптали, нагадили... А мы расхлебывай! Под бульдозер он захотел – вокурат между обкомом и горкомом партии! Как выбитый зуб посреди власти! С виду-то он не так уж и плох, представительный – если по фасаду судить!

– Вот и я – о том же! Пока новый директор в курс войдет, пока разберется, что да как... А мы от себя удар отведем. И шею подставлять перестанем за то, что год руководителя подобрать не можем.

– В этом ты прав. Мне в горкоме прямо заявили: сами не можете кадровый вопрос решить – поможем. С последующими оргвыводами! А мне на пенсию ну никак не хочется. Не мороженым же идти торговать!

– Так я его зову? На решающую беседу? Опять же – гармония у вас в именах: ты – Калистратова, он – Калистратович. Глядишь, сработаетесь.

– Ты хоть знаешь, как с греческого переводится Калистрат? Хороший воин! То-то!

– Ну раз так – тем более, Вика. Прорвемся!

– У меня к тебе последний вопрос, раз ты с ним бухал: он на алкаша не похож? Сам знаешь: у нас в этом гадюшнике – пьянь на пьяни. Что баянист этот в ДЮСШа, «дядя Сережа» – со своей дражайщей половиной Натэллой. Никак не выяснят – через чью глотку больше бухла пролазит. Или артист этот бывший – Бриль, рабочий сцены. Полдня держится – а потом косой в умат! Да и бабье по этой части не отстает – что вахтерши, что кастелянша эта – Зинаида. Та вообще, кажись, на наркоту подсела, прости Господи. Ну а вдруг он с ними скорешится на этой почве? И пропьют дэкашку к чертям собачьим. Вот тогда и загремим под фанфары! По крутым статьям!

– Ни боже мой! Говорю же – крепкий мужичина. Поллитру осадит – и ни в одном глазу! Пожрать любит. Алкаши такими не бывают. Уж я на них нагляделся на шахте! За это – будь спок! Увидишь: он их там «построит» как миленьких. С таким не забалуешь! Хват – по всему видать.

– А с Василей, как думаешь, поладит? Хват твой...

– А что тут гадать на кофейной гуще? Придется. Он же не дурак!

...Василя Вагизовна Караулова была директором «Горпромторга». Этот торг и осуществлял хозяйственное содержание ДК. Империя, а не торг! Самый крупный в стране! Сто магазинов! В больших городах, включая Москву, были исключительно райпромторги. Каким-то образом в миллионнике многие годы оставалось на плаву именно городское объединение торговли промтоварами – хотя априори считалось такое просто невероятным. Карауловой же удавалось успешно держать это обширное хозяйство в кулаке еще и потому, что главбухом у нее служила дальняя родственница Роза Салаховна. Этот татарский тандем никому было не сокрушить! Что до Дома культуры... Эта расходная статья сводного бюджета торга особых финансовых затрат не требовала. Весь хозперсонал ДК состоял в штате торга, так что согласований с администрацией ДК Карауловой не требовалось – любого могла и уволить, и премировать, и депримировать без церемоний.

Она вообще была волевой, самодостаточной дамой. Все было при ней – потому и заслужила кличку «царица»: опыт, знания, образование. А еще – муж, полковник милиции – начальник уголовного розыска областного УВД. А еще – родной брат – замзаворготделом обкома КПСС. И сестра родная – жена одного из секретарей горкома партии. Плюс – национальный фактор. Татары – народ сплоченный, друг за дружку – горой. Только сунься! К тому же недавно клан Габитовых-Карауловых обзавелся еще одним крепким плечом. Одна из племянниц Васили Ильмира, закончив выступления в большом спорте по художественной гимнастике – чемпионка СССР, мира и Олимпийских игр в групповых упражнениях – сходу отбила мужа у законной жены в клане гражданских авиаторов и теперь пребывала в ранге беременной половинки главного инженера аэропорта. Собираясь на даче полковника по выходным, этот семейный совет решал любые проблемы – разве что полеты в космос не обсуждали.

– Я тоже так думаю. Но ты все же поставь его в известность – кто есть кто.

– Ясное дело!

– Ладно! Хрен с ним. Зови! Возьмем с испытательным сроком. А там – будем поглядеть.

МИРОВОЙ ОКЕАН

– Ну и много ты в той пустыне врагов побил?

– Прямой стычки нашего подразделения, по-военному говоря – соприкосновения с противником – не случилось. Мы там и пробыли-то всего шесть дней. Минировали, колючку где натягивали – где, наоборот, срезали. Само собой – дневные и ночные патрулирования. Но нервы, я ж говорю, были напряжены! На войне

не сама драка – ожидание чего-то непонятного изводит куда больше. Не знаешь, что от этих арабов ждать. Под ракетный обстрел, бог миловал, не попали ни разу, хотя канонаду слышать приходилось – но где-то в стороне, далеко. Говеное это дело – войнушка! Поэтому когда отправили назад!.. Я себе слово дал: на фиг эти погоны, дел на земле и без вояк невпроворот.

– И все равно поперся в «Моссад»...

– Да там другое дело. Как только уволился из армии – пошел в охрану аэропорта «Бен Гурион». Я к тому времени уже от Наташки избавился, она сама мне помогла. Нас же встречали как героев-победителей: с оркестром, невесты с цветами, жены с детишками... А моей, смотрю – нету. Она, дура, решила к бабушке в Алма-Ату съездить – соскучилась! Я и воспользовался случаем: как ты могла! А если б меня на той войне кокнули? Солдата ждать надо, глаза выплакивать! В общем, никаких претензий мне, неблагодарному, предъявить не могли! Но в том аэропорту я пробыл совсем недолго. Однажды пришел серьезный такой дядечка в штатском, обстоятельно побеседовал – не откажешься, если не дурак совсем.

Сперва – на курсы младших офицеров. Пока учили – жил на казарменном положении. Английский вдолбили так, что не хуже русского прилип ко мне. Опять же иврит – не бытовой, на каком мы базарили – а по всем правилам: и разговора, и чистописания. Само собой – спецподготовка: стрельба, рукопашка и прочие премудрости. Ну, тут мне армейская закалка в помощь была. Да если бы я не отслужил срочную – меня бы хрен пригласили. У них в стране очень военных уважают, не то что в России. Правильный подход, я считаю.

– И сколь годков ты там отмантулил?

– Восемь. Контракт перезаключали регулярно, раз в год, пока сам не отказался пролонгировать. Там особо не держат. Надоело – вали! Какой толк от личной охраны, если рожа на сторону смотрит?!

– Мне вот интересно: тебе что-нибудь пригодилось из того, чему учили?

– Честно говоря – не очень. Там главное – дисциплина. Причем это касается обеих сторон – и тех, кто охраняет, и того, кого прикрывают. Подходы к охраннику вип-персон: членов правительства, депутатов, гостей державы – да хоть и самого премьер-министра – искать бесполезно. Я заступаю на суточное дежурство – и не знаю, кого наша бригада сегодня будет сопровождать. Никаких личных отношений с подопечным нет и быть не может. В этом-то как раз и заложена основа безопасности. Когда охранник одного и того же пасет – он в конце концов становится как член семьи. В Израиле этого нет. Мы сопровождаем – а из Центра нами руководят: проедете Дизенгоф, доберетесь до Хасидей Моджиц – и быстро сворачивайте с Меир Дизенгоф по Йосеф Элияу – на Ибн Гвироль подозрительная толпа собралась. И пусть это отклонение от первоначального маршрута – никого не колышет. Мы слушаем только команды своего начальства. Охраняемый нам не указ – хоть он самого высокого чина.

– А забузит? Мол, я опаздываю, беру всю ответственность на себя!

– Его никто не станет слушать. У нас свое руководство.

– А ну как за горло возьмет?

– Тогда старший команды ему скажет: все, мы не несем ответственности за вас. Делайте что хотите! Мы уезжаем!

– Были такие случаи?

– Фактов не было. Попытки – да. Особенно отличались иностранцы. Но остаться без охраны никому не захотелось. Мы же все время на связи с Центром, каждый чих докладываем.

– Платили-то хорошо?

– По условиям контракта. Но это, извини, не разглашается!

ДОМ КУЛЬТУРЫ

То, что ему подсунули гнилушку, Маклаков понял сразу. А иначе тут давно сидел бы другой директор. Плывун ремонтировать бесполезно – это и последнему профану понятно. Значит, будем использовать то, что имеем: как говорится, «за отсутствием барыни обойдемся горничной». В конце концов – не он строил и не ремонтировал этот объект – не ему и головой болеть. Сколько-то лет ДК еще простоит, а там будем поглядеть – не всю же оставшуюся жизнь ему тут коротать.

Для начала решил поглядеть, что здесь за кафе. Вход – дверь в дверь с его кабинетом. Название «Колокольчик» сохранилось только с наружного входа. А внутри? Уже непорядок! Опытным глазом оценил – люди здесь работают так себе, иначе бы давно все поменялось. Стены оштукатурены халтурно: местами торчало «пузо» – несомненный признак низкой квалификации и ремонтников, и принимающих. Заведующая, с которой он тут же познакомился, объяснила – прораб внушил ей, что так и задумано: на профессиональном языке после покраски это будет выглядеть как «выпуклое тиснение». А ей откуда знать эти строительные заморочки? И вообще – агрессивно призналась хозяйка кабинета: она дорабатывает последние дни до пенсии. Сейчас ничего менять не собирается – пусть правопреемник об этом позаботится.

Пахло разведенным пивом, из полураспахнутой покосившейся двери в туалет характерно несло мочой, да и в целом помещение вульгарно пропахло потом. «Так! – решил директор. – Пока эта не слиняет – сюда ни ногой. Тут большая перезагрузка потребуется – когда на чашу кладут не соломинку, а кирпич. Пока же – бесполезная трата усилий». Видя его выражение лица, заведующая вдруг решила расщедриться.

– А давайте я вас шампанским угощу!

Пришел бледный официант в засаленном пиджачке, чем-то неуловимо похожий на карандаш. Стал открывать бутылку, вертя пробку. Маклаков в очередной раз поморщился.

– Марфа Вениаминовна, кто его учил? Даю мастер-класс: бутылку нужно наклонить под углом в сорок градусов и крутить бутылку, а не пробку. Он нас сейчас обольет с головы до ног!

– Ну вы прям как прокурор! То не так, это – не сяк.

Вспышка сиюминутного гнева прошла у него так же внезапно, как и появилась.

– Вижу, общего языка нам с вами не найти! Обедать я тут не буду. Еще отравите по незнанию дела!

– Вам позволить – так вы и ковер из-под ног выдернете! Большой начальник объявился! На нашу голову!

Следующим этапом он решил проверить, что за материальные фонды ему достались.

Завхоз Евгения производила впечатление деловой, битой бабы. Как и положено в ее положении. Материально ответственная! Что сопрут – плати из своего кармана. Тут лохушкой быть – себе дороже! Внешние данные Маклаков оценил просто: была бы ничего – стройненькая, малость за тридцать – но как улыбнется! Полрота железных зубов! Ну, для завхоза – в самый раз. Она провела его по складам, предъявила инвентарные ведомости, акты ревизий за последний год. Ну да это – ее круг забот: пусть поглядывает зырче. Как боцман на судне.

Гусев накануне заочно представил ее Маклакову как «человека на своем месте».

– Три года уже в ДК – еще при прошлой директрисе начинала. Тебе больше всего с ней общаться придется. Энергичная, все и везде успевает. Особенно за уборщицами присматривать – тут только зазевайся! А их – больше десятка: пять гектаров площадей промыть – не шутка в деле. Одних дверей – поболе сотни. А еще всякие поверхности там. Так что завхоз – хошь не хошь, а придирчиво следи, чтобы и полы блестели, и чтобы пыли где-нибудь в президиуме не оказалось. Был у нас однажды скандальчик: секретарь обкома партии пришел на мероприятие в белом пиджаке поздравлять кого-то, положил руки на стол. А когда поднялся – у него рукава оказались серыми. Вика своим шарфом бросилась отряхивать, а уж извинялась! Ну, потомто она тут всем такого пропи...ну выписала! Так что берегись, если что! Должностенка у тебя не прохладная: то хвост отрубят, то, того и гляди – голову отсекут!

– Понял: если прокол – на фарш, а потом – на котлеты. Или – в рыбные консервы закатают. Заместо зазевавшегося карася.

– Типа того!

Поэтому с завхозом Маклаков сразу взял строгий деловой тон.

– У меня, собственно, к вам, Евгения Ивановна, один вопрос: вы чья? Моя – или карауловская?

– Трудовая лежит в «Горпромторге». А что?

– А работаете – здесь. Поэтому мои приказы для вас обязательны к исполнению. Я два раза не повторяю!

– На то вы и директор.

– Именно так! Обсуждению не подлежит. Со строптивыми у меня разговор короткий: воткну гарпун в нежное местечко, проверну для полноты впечатления вокруг оси – и не поморщусь! Хоть завопись! В этом положении я хозяин – делаю, что считаю нужным. Ну, и премии от меня зависят. Прошу об этом не забывать! Проблемы?

– А они у нас – вечные. Как что получать из инвентаря – один вопрос: кто грузить-разгружать будет? На все про все – одна единица пролетариата: рабочий сцены Аркадий Дрынов. Да и тот способен что-то делать только до обеда. Как поест – так выпьет. А как выпьет – спит себе где-то в уголке. Не добудишься. Его легко по взгляду определить, успел хлебануть или еще нет. Если взор тоскливый – знать-то рюмочку уже опрокинул, вспомнил, что когда-то артистом был. И жизнь ему становится не мила!

– Будем воспитывать!

– С его-то зарплатой? Он не зря считает себя незаменимым.

– Нет незаменимых. А как раньше выходили из положения?

– За счет общественности. Кто проводит мероприятие – от тех и помощь. В виде рабсилы. Подай-поднеси.

– Ну вот вы и метод подсказали. Используем!

Раз уж начал с хозблока – хлебаем этот кисель до конца. Дрынова он нашел за сценой. Шел киносеанс, и этот хитрован устроился прямо на столе, даже думочку под голову приспособил: одним глазом киношку глядел шиворот-навыворот, другим кемарил. Кто его здесь обнаружит – в полной-то темноте?

Аркадий Дрынов! Когда-то это имя гремело на подмостках ТЮЗа! «Мальчик из Уржума», «Пушкин в лицее». Травести! Редкая удача для любого театра! Но... Не зря их на пенсию отправляют в тридцать пять – как балерин. Что и произошло. А дальше... Дальше он оказался никому не нужен. Вчера – овации, сегодня – что надо, недомерок? Закрой дверь с той стороны! Мизерной пенсии хватало разве что на одно-два привычных застолья. Жена, тоже актриса, вскоре ушла – кому сдался неудачник? Знал бы он, что через какие-то пар-тройку десятков лет в его положении окажется больше половины страны и пенсионеры, кто зубом, кто ногтем будут держаться за любую работу! В те годы сто двадцать – сто тридцать пенсионных рублей считались вполне нормальными для спокойного отдыха на старости лет. Но у него, с его перерывами в стаже, вышло только восемьдесят!

Старый мальчик помыкался по заводским коллективам самодеятельности за мелкие подачки – но ему, профессионалу, там все было противно. И он начал банально пить. А пьющий систематически – подавно изгой. Вот и осел, в конце концов, в этом ДК. Его жалели, особенно – женщины. Время от времени подкармливали из домашних припасов. На еду Аркадий набрасывался как на врага – сметал все до крошки и снова смотрел на благодетельницу голодными глазами. В «Колокольчике» за мелкие услуги тоже угощали – в основном, объедками. Он не брезговал – глотал что дают. А если еще и нальют – вдруг в графинчике осталось на донышке от посетителя кафе? Сразу всплывала перед глазами его нынешняя жизнь – замшелая как банальность. А так хотелось волшебной палочки феи! Если рядом оказывался случайный собеседник – со дна души всплывал враг-апломб.

– Вот, помню на гастролях в Чехословакии... Вы бывали в Марианских Лазнях? Очень рекомендую...

Но чаще слушать его было некому. И он начинал всех кругом ненавидеть! Зато трезвым заискивал перед всеми подряд до дрожи – как мышь перед коброй. Личность деградировала стремительно: сознание неуклонно претерпевало изменения не в лучшую

сторону – исчезали классические представления о порядочности, о моральных ценностях. Раз поймала его библиотекарша на воровстве – Аркадий на заднем дворе расхваливал какому-то типу томик Тургенева.

– Да тут же библиотечный штамп! – отнекивался потенциальный покупатель.

– Да я ж вам не по номиналу предлагаю! За треть цены.

Ладно, успела библиотекарша отнять ценный экземпляр. Но велела на пушечный выстрел не приближаться к библиотеке. И не только единственной своей сотруднице – всем наказала глядеть в оба, если Дрынов недалеко отирается. Думали – после этого случая Аркадий застыдится. Куда там! Как с гуся вода! Он и дальше стремился демонстрировать видимость нормальных человеческих качеств. Щеголял выражениями из сыгранных спектаклей, например.

– Вот вы знаете, кто такой экстерн?

Чаще отвечали – заочник, который досрочно сдает экзамены. Или путали с интерном. То есть – с врачом, проходящим интернатуру.

– То-то! До революции так называли студентов, живущих на частной квартире. Из тех, кто из небогатых. А кто такой белоподкладочник? Не мучайтесь, сейчас подскажу. Это – студент из богатой семьи в мундире на белой подкладке. То-то!

При появлении Маклакова он бодро вскочил, вытянулся по струнке.

– Заняться нечем? Валяетесь в рабочее время? Еще раз увижу – уволю! Сходите к завхозу, она найдет вам работу. Повторять не буду! Мне сачки не нужны!

МИРОВОЙ ОКЕАН

– Я вот чего не пойму. Когда-то эти широты одновременно стали осваивать и португальцы, и испанцы. А в результате португалы прихватили только Бразилию, все остальное – испанской короне. И язык испанский теперь здесь повсюду, кроме как в Бразилии. Раз ты в политике терся – должен что-то в этом кумекать.

– Любопытный ты, Сима. Ладно, спешить некуда, расскажу. Европейцы сюда ломанулись за пряностями. Холодильников в старые времена не было, у них на родине – что в Испании, что в Португалии, да и в тех же итальянских городах – мясо портилось быстро: чтобы продавать, нужно было отбить душок. Специи поэтому котировались: продукт дорогой, не всем по карману. Для примера: экспедиция Магеллана во время кругосветки потеряла два корабля из трех, из трех сотен моряков вернулось домой только восемнадцать. Но пряностей, что они с собой притаранили, оказалось достаточно, чтобы не только окупить всю экспедицию, но и сорвать нехилый куш. Понятно, что из-за этих территорий португалы с испанцами ссорились не по-детски, им приходилось и местных усмирять, и базу для грабежа делить. Да они бы здесь друг друга перебили, не вмешайся Папа Римский Александр Шестой. Оба короля были католиками, и поэтому Папу слушали как самого Господа Бога – не то что сейчас, когда убогие ему только и внимают. Если не ошибаюсь, в 1494 году Папа заключил договор, по которому Португалии досталась Бразилия, а Испания получила всю остальную Южную Америку. На север тогда завоеватели не пошли – индейцев боялись. Зверя пушного стали добывать только в шестнадцатом веке. И самую богатую страну Бразилию португалы поначалу грабили, считай, по мелочам: там ведь и железная руда, и медь, и марганец, и золото, и алмазы – а этим придуркам, кроме специй, разве что сахарный тростник да кофе с какао подавай. Как дети, ей бо!

– Да и хрен с ними. На берег сойдем – сразу в кабак?

– Ну ты и примитив, Серафим. А знаешь, что здесь, в Панаме, во втором по величине городе Колоне – самая крупная оффшорная торговля в мире? Люди издалека едут, чтобы отовариться подешевке, а тут – само прет.

– А далеко дотуда, до этого Колона?

– Да что тут далекого? Предлагаю, как только сойдем – сразу туда и рвануть, у них тут все должно быть за копейки, и такси – тоже. А бухла на обратном пути прихватим – его и на борту втихую заглотить можно. На перетрах с креолками нам времени все равно не хватит – так зачем же в барах переплачивать? Еще и на шпану местную напоремся – примут нас из-за белых рож за америкосов, а их здесь на дух не переваривают. Зарежут – и никто искать не станет!

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Супружеская пара Буханцовых сами пришли пригласить Маклакова на обед домой.

– Зинаида мигом домчит на «Жигуле», – заверил Кондрат Иванович. – Что твой раллист гоняет! Но – путево, без ДТП.

Директор с радостью согласился. Во-первых, и не вспомнишь, когда в последний раз домашненького ел. И потом... Кое-какую информацию о них он уже собрал – и через Гусева, и председатель профсоюза Вика особенно упирала в разговоре: самые надежные люди в коллективе ДК, оба – партийные. Своей парторганизации в Доме культуры нет – они состоят в нашей, профсоюзно-обкомовской.

– У нас вообще интересно получилось: Дом культуры в одном районе, обком профсоюза – в другом.

– И которому районному начальству я должен кланяться?

– По месту расположения вы – в подчинении Заводского райисполкома, по партийной принадлежности – Ленинского райкома партии. Тут гибко придется вертеться, директор.

– Понятно. Слуга двух господ! Положение – хуже губернаторского.

– Сумеешь подластиться и там и сям – глядишь, и помощь с двух сторон привлечь удастся. Например, на майские и ноябрьские красную материю с фонарем не отыскать. Тут даже райисполком не помощник. А райком партии выделит – вы у них хоть и не одни на территории, но все же – очаг культуры. По многим проблемам можно славировать, если захотеть. Ласковый теленок двух маток сосет!

– Еще б приспособиться... сосать-то. Раньше не приходилось.

– А ты у Кондрата Буханцова поинтересуйся – как ему это удавалось. Он одно время общественным директором ДК был. Это когда бывшая директриса на пенсию ушла, никого не предупредив. Подставила нас всех, зараза. Вот Кондрату и пришлось – как партийному – чуть не год отдуваться! И за свою ДЮСШ, и за весь ДК! Тертый калач! К нему прислушаться не грех!

Эта пара сложилась весьма своеобразно. Когда-то они стали бронзовыми призерами чемпионата страны в акробатическом дуэте. А тренировала их первая жена Кондрата. Разница в двадцать лет между партнерами не смущала заслуженного тренера РСФСР Ираиду Буханцову – опытный нижний, молодая стройная верхняя. Что плохого? А плохо было то, что здоровье талантливого наставника оставляло желать лучшего. Вскоре они ее и похоронили. Вместе шли за гробом, вместе кутью из риса с изюмом готовили к поминальному обеду. Зина, как могла, утешала партнера – да у нее, кроме него, никого и не осталось. Она вообще в этой семье практически выросла – детдомовская. Через акробатическую секцию пробилась в люди. Так и осталась насовсем. Они еще какое-то время повыступали – но без прежнего блеска: новые комбинации разучивать удавалось все труднее, а на старом багаже далеко не ускачешь. Ираиду заменить было некем! Но и тренерского поприща им было не миновать – пока в бригаде с более опытными спецами.

– Дуй-ка, Зинаида, на спортфак в пед, – решил Кондрат. – Мне под сороковник, диплом о высшем образовании не обязателен. Хватит и монтажного техникума – плюс опыт. А ты молодая, тебе понадобится.

– Это ты так меня... гонишь?

– Ага. В ЗАГС. Пошли, неча время тянуть. А то тебя и так за дочку мою держат: Зинаида Кондратовна, Кондрат Иванович... Судьба, знать, переплела нас с тобой.

Дальше все пошло честь по чести: Буханцов продолжал тренировать в «Спартаке», Зина на третьем курсе родила. Через год, на День торговли, они решили тряхнуть стариной. Потренировались, вспомнили старые, подзабытые кульбиты, связки. Придумали эффектную концовку с флагами. И так понравились начальнику городского управлению торговли, что тот, не сходя с трибуны стадиона, предложил:

– А что, Кондратий? Если мы тебе целый спортзал в полное владение отдадим? Потянешь?

– Да о таком, Владилен Семенович, любой тренер мечтает!

– Бери, пока я добрый! И чтоб крепких девчонок и мальчишек растили! Удачи!

Буханцов – директор, Зинаида – старший тренер. Остальные тренеры – на договорах. Их ДЮСШ быстро стала одной из лучших в городе и области – пару мастеров спорта гарантированно в год выпускали, отсюда – и заслуженные звания. Не посрамили память Ираиды!

Воздав должное кулинарным талантам хозяйки – золотистый суп-пюре на курином бульоне, телячьи котлеты в кляре, вишневый компот – мужчины выпили по рюмочке коньяка и приступили к серьезному разговору.

– Конечно, постепенно я со всеми познакомлюсь, Кондрат Иванович. Но ваше мнение для меня просто бесценно.

– Полагаю. С кого начнем?

– С творческих людей, например. Вот, например... Каждый день репетирует девичий ансамбль. Только их и слышно с третьего этажа аж до цоколя.

– «Радость» называется. Вы по свету поездили. В «Мулен Руж» бывать не приходилось?

– Как же! Стояли на ремонте в Ля Рашель месяц, вот и смотались на недельку в Париж. С деньгами там многое можно посмотреть, в той мировой столице. Билетики в этот самый «Мулен Руж» стрельнули перед началом. Как в Москве на хороший спектакль – да где угодно одно и то же. Насладились по полной.

– Мы с женой там тоже отметились – по профсоюзной путевке. Позволю себе напомнить – там три шикарные солистки по центру: блондинка с медовым отливом, яркая длинноногая брюнетка, рыженькая с длиннющими волосами. Так называемый «Стандарт Мулен Руж». Так вот: когда руководитель ансамбля Егор Смоленков – он солист оркестра театра музкомедии, трубач – побывав там же, где и мы с вами, он смело решил повторить опыт лучшего в мире варьете. Только, понятное дело – на местном материале. Тщательно провел кастинг – ему как раз все равно нужно было по возрастному принципу менять исполнительниц: что это за ансамбль – лауреат премии обкома ВЛКСМ – когда девицы подросли до хорошего тридцатчика? И в результате у него сейчас как раз такие же девочки – по внешним данным. Только «Мулен Руж» отбирал их по всему свету – там испанка, француженка и полька, а здесь все местные, доморощенные, что называется. Уралочки – но одна в одну! Высокие, ладно скроенные стройняшечки, с отменным оливковым загаром. И поют неплохо – на профессиональном, если хотите, уровне. Егор их регулярно вывозит на двухмесячные гастроли в Крым с конца июня по август – по пионерским лагерям выступают.

– Да, видел их, когда на выездной концерт собирались перед автобусом – в стильных костюмчиках сине-красных цветов. И это – самодеятельность? И такая бывает?

– Так они же все где-то работают! С этой позиции – все чисто. Две – студентки музучилища, одна уже учительствует в музыкальной школе. Она-то у них и концертмейстер.

– В таком «цветнике» этому Егору трудно от соблазнов удержаться. Как у него взаимоотношения с женой?

– Разведен. Уже давно. Сам сына воспитывает. Отсудил при разводе. Та, поговаривали, бухала. Ну, он свидетелей нашел, однажды даже в трезвяк попала – справочку к делу пришили, она-то все и перевесила. Тут, правда, бывшая солистка Наденька – она-то и была концертмейстером раньше – недавно родила. Якобы – от него. Он ее дочку как бы признал, материально помогает. Но живут пока раздельно. Может, и поженятся.

– А каким образом Смоленков с ансамблем управляется – в психологическом, так сказать, плане? Девчонки ведь капризны.

– Как тренеры-мужчины в женских командах. Метод простой – вытащить из ледяной проруби и чаем напоить – но перед чаепитием самому в эту прорубь и затолкать. А то нос раньше времени воспитанницы задирать станут, это вы точно подметили.

– Мне неудобно предлагать – вы старше, опытнее, но, может, на ты перейдем?

– Заметано!

– Вот еще вопрос: как Егор успевает и в театре, и здесь?

– Умело перенаправляет свою загрузку и ответственность. Репетиции – с концертмейтером. Дисциплина – железная! Оплата за коммерческие выступления – индивидуально каждой. В зависимости от качества исполнения. Строгая секретность – кто сколько получил в конверте. В карты играете?

– Есть маленько. Шмендефер, блек-джек.

– Егор – профессиональный преферансист. Обычно выигрывает, и не по малу. Так что деньги у него водятся. Лучше с ним за стол не садиться. Обдерет как липку! А он непременно предложит.

– Да они меня не очень тянут, карты эти. Мы в Латамерике помаленьку на стоянках гольф осваивали. У меня даже берди стал получаться – это удар, когда мяч сразу попадает в лунку. Но тоже не совсем уж втянулись. Обычно устраивали партию на лучший забитый мяч. Это недолго: как правило, третьим ударом все и кончалось – если сумеешь отправить мяч прямо во флажок. До нас этот вид спорта еще лет сто не дойдет. Там ведь и атрибутика очень дорогая: фирменное кепи с эмблемой клуба – какого-нибудь «Фордли-Кэй», брюки дорогие – часто рыжие надевают или там красные. Шерстяная кофта, к примеру, от «Лакоста» – с маленьким крокодильчиком на кармане. Туфли непременно замшевые, тоже яркие – синие, оранжевые. А как они по полю передвигаются! Не пешком – ни боже мой! Обязательно на карте – это такая маленькая машинка. В общем, чисто капиталистическая затея. Но после гольфа карты – такой примитив!

– А что они при этом едят? – поинтересовалась Зинаида.

– Сейчас вспомню. В Мексике, в Акапулько в таком клубе было интересное меню: салат «Уолдорф», мороженое «Мартиник», суфле «ГранМарнье». Коньяк пили тридцатилетней выдержки – «Наполеон». Еще на завтрак подавали яичницу по-бенедиктенски, на ужин пили вино. Целый графин выдули «Клод э Вужо» урожая 1962 года – хороший тогда выдался сезон в Бургундии. Курили сигары «Маканудос» – лучше не бывает. Да ладно об этом: что было – то прошло. Продолжим, Кондрат Иванович? А то я вас тут воспоминаниями уболтаю.

– Действительно, давайте. Бог с ним, с Егором. Еще одна творческая единица – духовой оркестр под управлением Василия Васильевича Берлинга. Для точности – его зовут Семен Самуилович. Эти вообще редко появляются в ДК – в основном играют в Центральном парке культуры и отдыха: вечера «Кому за тридцать», просто танцы, праздники. Ну, и – свадьбы, похороны. В отличие от девчонок из «Радости», этот коллектив имеет звание народного – большой плюс для Дома культуры. Это не так просто – получить звание народного коллектива. Вы еще разберетесь в этих тонкостях: вся деятельность культучреждений оценивается в условных единицах. По их количеству – и результат. Сюда и мероприятия входят, и самоокупаемые кружки – кройка и шитье, самодеятельная оперная студия, драматический коллектив.

– Придется вникнуть. За тем и назначили. Куда я денусь. Как Берлингу удается поддерживать порядок?

– Там половина – ветераны войны. Он и сам воевал – поэтому у него эта категория пользуется особым почтением. Вообще, он тоже неплохой психолог, не хуже Егора – у него для каждого найдется доброе словцо. Но если понадобится – умеет точно попасть в больное место. Вдруг кто запил, прогулял – в общем, подвел товарищей – он при всех такому говорит: «Для тебя это был последний аккорд». Что означает – больше тебя в оркестре не будет, если повторится. Берлинг вообще-то человек решительный: если не знает что-то наверняка – действует по интуиции. Мол, пусть слова и идеи сами о себе позаботятся.

– По штатному расписанию в ДК много творческих коллективов.

– Большинство – для внутреннего пользования, так сказать. Задача – скрасить досуг трудящихся и пенсионеров торговли – без особых перспектив показать результат. Не спорт, одним словом. Как получится. Никто не предъявляет претензии. Кружки по интересам, не более. Самоокупаемые кружки – это уже за пределами бюджета. Заинтересованные платят из своего кармана: те же кройка и шитье, изучение иностранных языков, «Умелые руки» для деток и так далее. Из взносов часть средств идет на оплату преподавателя – все через кассу, официально, наш бухгалтер Валентина Михайловна копейку в копейку подсчитает, без ошибок. Опытная – ее нам из «Горпромторга» передали. С ней у тебя проблем не будет. Разберешься – не велика наука. Оценивать тебя как руководителя будут прежде всего по качеству проведения мероприятий. Это ведь еще и аренда: сто тысяч в месяц нужно зарабатывать, хошь – не хошь. Считай это главным направлением. Все остальное – на сдачу. Финансы определяют все – из них и формируется бюджет. Подчиненных у тебя – больше ста человек. Их ведь кормить нужно. Кроме – некому.

– Происшествия обязательно случаются. Какие из них – типичные?

– Всяко, конечно, бывает. Раз воры ночью залазили. Сторож проворонил – дрых, видимо. Я, конечно, милицию вызвал, когда обнаружили взлом. Там после мероприятия какой-то инвентарь оставили до утра. Из своих кто-то определенно скоммунииздил. Такой обыск устроили! Проверяли все подряд: шкафы пораспахивали, все выдвижные ящики выпотрошили, под картины на стенах заглядывали, даже заднюю стенку у старого телевизора снимали. Смех сказать – в сливные бачки унитазов залезали. Следы искали. Ничего не нашли, но разор учинили небывалый. Будь и к этому готов. Честно скажу – я очень рад, что с меня эта нагрузка свалилась.

Сколько ж можно! Да еще – на общественных началах.

– Ничего не приплачивали?

– Премию давали небольшую от обкома профсоюза. И на этом – все.

– Ладно. Не буду утомлять. С остальными сам познакомлюсь.

– Да и нам пора. Если будут вопросы – обращайся. С радостью помогу.

МИРОВОЙ ОКЕАН

Оффшорный рынок в Колоне оказался ... городом в городе: нескончаемая территория за высоким каменным забором. Не вход, а настоящий КПП, где пришлось сдавать паспорт в обмен на временный пропуск. Внутри – улицы, по которым ходят автобусы, такси; кафешечки, рестораны... В павильонах, каждый размером с авиационный ангар – никакой суеты, шума. Аккуратные клерки, консультанты, совсем не похожие на продавцов. Скорее – административный персонал. Но! Розничной торговли нет совсем. Хоть какой товар – не менее чем по дюжине или сотне единиц, да хоть любыми, самыми крупными партиями. Надо – прямо сейчас забирай с собой, надумал с доставкой – оформляй документы, и покупку тебе доставят в указанное время по адресу. И что они здесь забыли, спрашивается, парочка моремановс другого континента?

– Знаешь, Сим, мы же все равно из каждого плавания привозим джинсы на продажу. Давай возьмем по дюжине – и валим отсюда. С коробками барахла на борт все равно не пустят. А тут любая пара брючат обойдется по пятерке американских долларей – сущие копейки!

Так и сделали. Внушительных размеров негр удивился: почему так быстро возвращаетесь? Ничего интересного не нашли? Славка на приличном английском объяснил: мы на перспективу присматривались, сейчас здесь проездом. Обильно тут у вас, и по качеству порядок, но сейчас нам некогда. Просто пройдемся по городу, сувенирчиков прикупим – и на корабль.

– Будет неплохо, если вас кто-нибудь сопроводит. Я сейчас вызову своего брата, у него такси – пусть он вас повозит, и без него – ни шагу. У нас тут легко опознают новичков, и мне не хотелось бы, чтобы вас ограбили, или применили какое-то другое насилие. Раз вы у нас отметились как посетители, это может бросить тень на репутацию бизнеса – в случае происшествия полиция обязательно докопается. Потому что в Колон за другими делами никто не приезжает. А мой брат надежно обеспечит вашу безопасность. В этом можете быть уверены!

– И почем встанут услуги его братца? – недобро ухмыльнулся Маклаков, когда Славка перевел ему речь секьюрити.

– Говорит, что за пять долларов его братан будет возить нас хоть целый день.

– Знать, колымага у него – годов так сороковых. И конкуренция у таксеров туточки высокая. Если это не развод! Ох, и влипнем мы, я чувствую.

– Да ладно, прорвемся! Что мы, вдвоем с одним таксистом не справимся, если что?

– Тебе виднее. Ты ж вип-персон охранял, не я.

Такси оказалось вполне приличным БМВ темно-синего цвета, за рулем – такой же амбал, как и при входе в оффшор – будто под копирку сделанный. Он и правда послушно плелся за ними и по сувенирным лавкам, и в супермаркет. А потом предложил заскочить на рыбный рынок.

– Ну уж нет! Рыбой мы на корабле объелись под завязку! – парировал Маклаков.

– Вам будет интересно, не пожалеете!

Их действительно поджидало невиданное зрелище. Рыбу за одним из прилавков продавали ... вразлет. Шустрый продавец выхватывал из корзины рыбину, кричал в толпу что-то зычное типа «кому?», услышав ответ, лихо взвешивал ее на больших весах, химическим карандашом писал сумму на чешуе и швырял ее покупателю. А следом бежал его помощник-мальчишка с упаковочной бумагой, такой же оливковый креол, как и продающий – видать, сынок, получал деньги и бегом возвращался к прилавку. Гремела задорная музыка, народ балдел, пританцовывая, и все это напоминало какое-то неформальное шоу.

– Игровой метод Джеймса Гви, – пояснил всезнающий Славка. – Погляди, у других значительно меньше покупают. Этот весельчак не зря выкаблучивается!

– Что еще за Джеймс? –поинтересовался Маклаков. – Первый раз слышу.

И весь путь до порта Славка объяснял попутчику, что Гви – известный в этом регионе тренер по продажам, коуч по-американски. Это у нас в Мариуполе вам скажут: не хотите – не берите, потому как за чем-то стоящим всегда очереди, своим – из-под полы, и переизбытка товара при социализме никогда не было и не будет. А у них тут – сам видал, всего навалом. И продажи – это искусство. Тренинги того же Гви стоят бешеные деньги, потому что учиться у него хотят все. А есть еще сетевой маркетинг, но тебе это вряд ли будет интересно – у нас он ни за что не приживется. Это – занятие для совершенно свободных людей, по сути – продвижение товара от человека к человеку по рекомендациям. А у нас все решает секретарь райкома – что продавать, кому продавать и в каком количестве. Распределительная система других раскладов не допустит. Потому как придется властью делиться – и на фига тогда компартия с ее руководящей ролью?

– Да! Капсистема в тебе, видать, крепко сидит, – не удержался Серафим. – Совсем нестандартно мыслишь. А ведь в советской школе учился.

– Знать, нецепкие мысли она в меня затолкала. Раз при столкновении с действительностью они запросто улетучиваются. Да и ты, мужик, не очень похож на правильного пай-мальчика. Если что – с бошкой откусишь и не поморщишься.

– Других море не принимает. Палуба скользкая, да и качает ее нехило. И, заметь – не по нашей воле!

– На морях, кстати, мне кажется, все же проще. Мы же зависим друг от друга, и условия труда предельно упрощенные. А сойдешь на сушу... Такая мутота!

Мероприятия не заставили себя ждать. Началась полоса отчетно-выборных профсоюзных конференций торговых организаций. И понеслась телега по ухабам! Неразберихи – вагон! То в гардеробе раздевают медленно – две гардеробщицы никак не успевают: пришлось срочно усилить состав девчонками из торгово-кулинарного училища, благо их прислали загодя на всякий случай – пусть будут на подхвате. Хотя это – прямое нарушение: гардеробщица – лицо материально ответственное, если что пропадет – платить из своего кармана. А с этих несовершеннолетних что возьмешь? То кафе еле-еле обслуживает – тоже потребовалось директору вмешаться. А тут какая-то заполошная, не представляясь, нервно потребовала: куда девать атрибутику конференции – ручки, записные книжки, грамоты, подарки?

– Давайте ко мне в кабинет!

– А у вас не украдут? У меня тут все по списку!

– У меня как раз все будет в целости и сохранности!

И так – пока все не покатит по одинаковому сценарию: доклад начальства – перерыв на обед – процедура голосования – банкет для начальства и пьянка рядовых профсоюзников в кафе, на подоконниках фойе; иные умудрялись даже в туалетах из горла хлебануть.

Постепенно Маклаков втянулся в этот ритм, научился предвидеть проблемы и проблемки, предвосхищать их. Он уже точно знал, что банкет для начальства, кроме как в его кабинете, организовать негде: здесь и холодильник, и магнитофон, и мебель как бы поприличнее, чем в других аудиториях. И все активнее привлекал общественность: кто проводит – тот пусть и поставляет обслуживающую рабсилу, работники ДК подскажут, поруководят. Со строптивыми в чинах не рассусоливал – подключал при необходимости и Вику, и Гусева. Поэтому к знакомству с творческими единицами пришлось вернуться только через месяц с хвостиком. Благо никто не докучал – видели, в каком темпе вертится начальник, на месте не сидит!

...Художественный руководитель Аскольд Оскарович Иванов производил впечатление стареющего плейбоя: пестрый клетчатый пиджак, коричневые мятые брюки из вельветина, небесно-голубая бабочка на весело расцвеченной рубашке. При всем этом великолепии не хватало двух зубов – по штуке вверху и внизу. Директора он приветствовал с самоуверенностью преуспевающего художника.

– Давно собираюсь к вам заглянуть. Да вижу – вам пока не до нас.

– Стало быть, ждали, когда сам на поклон заявлюсь?

– На поклон выходят в конце действия. А у нас с вами все только начинается.

– Ну, расскажите, что ставили, где работали до ДК. Не случайно же вас сюда худруком назначили.

– Это – долгая песня. Да и в личном деле все прописано. Работал в ряде театров, – вальяжно развалясь в кресле Большого актового зала, неторопливо ответствовал худрук. Сеансы начинались здесь только вечером и сейчас зал пустовал. – Большие представления режиссировал по престольным праздникам – на площадях, на подмостках очагов культуры промышленных предприятий. Много чего было... в длинной творческой жизни.

Ему явно мешала шейная цепь из фальшивого золота – то на бок собьется, то из-под рубахи вылезет.

– Гете написал «Страдания юного Вертера» в двадцать пять. А я поставил первый спектакль в двадцать три! Назад пути уже не было. Судьба!

– Давно это было?

– Четверть века назад. В Магнитогорске.

– Что заканчивали?

– Да везде помаленьку... учился. Два года ВГИКа – сценарный факультет. Пока понял: кино – не моя песня. Там мохнатая лапа нужна, чего, увы, не имею-с. Перевелся в ГИТИС. Там годик покантовался. А потом пошла полоса невезения. Жена требовала денег, ее и моя родня – детей. Решил уйти от всего этого. Сейчас – один. Как перст. Мне так спокойнее. И всем со мной – тоже.

– Что же конкретно вы осуществляете в данном Доме культуры?

– Да уже третий год – общее руководство творческим процессом. У нас же много кружков. За всеми пригляд нужен.

– Играете на музыкальных инструментах? Можете что-то показать?

– Мне этого и не нужно. Музыка – стихия музыкантов. За мной – идейное руководство.

«Трепло! – резюмировал про себя директор. – Зря хлеб ест! Надо посоветоваться с Кондратом».

– А что ты хотел, командир? Чтобы он во все дырки лез и всем подряд мешал? Раз в штатном расписании есть такая единица, ее кто-то должен занимать. Почему не Иванов?

– А сократить? Раз бесполезный.

– А что это даст? Вместе с ликвидацией единицы подрежут и бюджет. Вот если бы найти на это место действительно крепкого спеца! Да кто ж пойдет на сто сорок рублей в ДК второй категории? Этому Иванову много не нужно – он как раз соответствует, как бы поточнее сказать... ситуации, что ли. Вот увидишь – он и премию клянчить не будет. Понимает – не за что. Пусть себе живет. Хотя – решение за тобой. Выйдешь с предложением – с радостью поддержат. Экономия никому не повредит. А еще так бывает: вдруг инициатива сверху покатит – мол, нужно оптимизировать расходы, ждем резюме по сокращению штатов – а ты уже знаешь, кого в жертву принести. Без ущерба для дела!

– Он, конечно, при желании может произвести впечатление: при такой простецкой фамилии – профиль ассирийского царя. Совсем не по реальному значению личности: изящество, помноженное на твердость и решительность. Пока рот свой щербатый не откроет! Нет границ милосердия у России-матушки. Это ж сколько таких бездельников кормятся на ее могучем теле.

– А куда их девать? В китобойную флотилию?

– Боже упаси! В гальюне удавились бы всем плавсоставом!

– Зачем так трагично? Самодеятельность – она и есть самодеятельность. Ей в профессионалы и не нужно. Ее уровень, извини за откровенность – отсутствие дальновидности и воображения. Таких ансамблей, как у Егора и Берлинга – единицы. Есть в этом слое полуискусства полупрофессионалы, выступающие под видом простых работяг – на всяких там Всесоюзных смотрах. Но они все состоят при богатых заводиках. А здесь – самая простая, обыденная, посконная самодельщина – я ее так называю, прости Господи. Ты ничего изменить не сможешь. Система сложилась давно и прочно. Есть верхний уровень – мощный пласт, чего греха таить, а еще толще – нижняя прослойка.

– О своей работе так ведь с женой не рассуждаете!

– Самодеятельность и спорт – понятия несовместимые. У нас все четко – где спорт, основанный на реальных показателях, а где – группы здоровья. Наша ДЮСШ – не школьные учителя физкультуры, и ученики – не скучающие детки! Все нацелены на результаты. Вот в школьных секциях можно быть добреньким, расслабленным. Не хочет ученик ходить на уроки – неси справку и свободен как ветер. А в спорте за победы всегда такая рубка! Я чем угодно поделюсь – едой, одеждой, а за призовое место горло порву! Те, кто этого не понимают, таких тренеров рассматривают как помеху – и чего это людям не живется спокойно? Но мы-то знаем, за что биться. А вот сочетание здравого смысла и правды не всегда, как бы это поточнее выразиться... Ну, скажем – приятно. Так что мой совет – смотри сквозь пальцы на то, хорошо ли поют самодеятельные певцы, красиво ли они танцуют... В любом деле всегда присутствует степень оправданности риска. Начнешь копать вглубь – и вдруг выяснится, что копать-то никто и не просил!

– Да уж. Не могу не согласиться! Я вот спросил худрука: а что он видит наиболее интересным в его участке работы. И знаешь, что он ответил?

– Легко предположить. Есть у него в арсенале хлесткая фразочка, любит на нее опираться: «Я не приглядчив – у меня очки ненаблюдательные».

– Точно!

Знакомиться глубже с персоналом Маклакову как-то совсем расхотелось после общения с худруком. Решил больше получаса ни на кого не тратить – их тут народу полно, да все какие-то ненастоящие, подпорченные жизнью.

Впечатление всеобщей серости развеяла Гюлюса Абдалова – руководитель кружка кройки и шитья. Прям не женщина, а напоенная сладкими запахами загадка. Такие утверждаются в жизни в честном соперничестве с мужчинами. Изящная брюнетка, сочетание востока и нордической надменности в стати – модельной длины ноги, смоляные брови над голубыми глазами, аккуратный прямой носик, легким движением губ вздувает продуманно непокорную, воронова крыла прядь с желтой волной посредине. «Да, заметь я ее в дорогом ресторане – бумажник бы сам собой зашевелился!» К ДК она подруливала на подержанной, но от того не менее авантажной оранжевой «Вольво». На занятиях была неизменно строга: руки – на талии, локти агрессивно заточены. Покрикивала на баб-учениц без всякого стеснения, но Маклаков с удивлением почувствовал, что именно этого они от нее неизменно и ждали – уверенности человека, круто знающего свое дело.

– Это что за строчка? Я так вас учила? Мне не за халтуру башляют. Переделать!

– Сейчас, сейчас, – торопливо оправдывалась ученица. – Все сделаю, Гюлюса Викторовна!

«Вот из кого вышел бы сильный руководитель. Тут не бенгальским огнем – динамитом пахнет. Непонятно только, каким чертом занесло эту тридцатилетку в наш гадюшник». Когда пришло время побеседовать, так прямо и спросил:

– И что вы здесь забыли? Зарплату в шестьдесят рублей? Да у вас маникюр дороже стоит!

– Мои интересы – вы правы, директор – этим ДК не ограничиваются. Но где-то же должна лежать трудовая книжка?! Вы, я вижу, человек бывалый – знаете жизнь не по прописям. Может быть, продолжим знакомство у меня дома? Чтобы время попусту не терять?

Резкий рывок на «Вольво» – и вот они уже на ее территории, в уютно обставленной двухкомнатной квартире, где никаких следов постоянного мужчины не было и в помине. Детские вещи цепкий взгляд Маклакова отметил – все яркие, импортные, ладные.

– Ребенка мама воспитывает. Моя задача – деньги зарабатывать! Вкалываю везде, где их платят. Будь союзником!

По бокалу шампанского, закуска – янтарный виноград с засахаренным арахисом – и вот он уже задохнулся от ее близости. А она уверенно потянулась всем телом сладко и одновременно томно – как только что проснувшийся котенок. Дернула плечами – и платье послушно упало к ее ногам. Обхватила двумя руками его за плечи, рывком дернула на себя, увлекая на просторную тахту. Мгновение – и из нее вырвался несдержанный стон со смесью боли, возбуждения, самоупрека и божественного предвкушения. По его телу пробежали мощные электрические волны наслаждения от кончиков ногтей на ногах и ударили в виски...

Секс в середине дня неприятен тем, что на работу все же надо возвращаться. Хоть официально и выходной по календарю, но раз уж заявился... Заглянул в актовый зал – там как раз по субботнему времени шла репетиция драмкружка. Режиссер Сан Саныч Париновский репетировал «Трех мушкетеров». Костюмы еще шились, поэтому самодеятельные артисты были в своей одежде – кто в чем. Понять, кто из них станет Партосом, кто Арамисом не представлялось возможным – все какие-то средне-стандартные, невыразительные. Тексты читали по бумажке, запинаясь. А режиссер... Он как будто все время готов был соскочить с криво поставленного стула, да никак не решался. И все время оглядывался в глубину амфитеатра зала. А в глубине... В глубине, возвышаясь надо всем, надменно восседала главная гордость Сан Саныча – ярко-платиновая блондинка классического русского типа: щечки ямочками, голубые глазки ярко подведены,

зубки, заманчивые бочка... Его ненаглядная Марусечка – буфетчица из горкома партии. И от этого несоответствия во внешности супругов как-то еще заметнее была разница в возрасте – целых четверть века не в пользу мужа, да и сам он – низенький, заметно лысеющий, чуть прихрамывающий... Дерганый – будто шуруп в мозги ввинтили... Да еще всю жизнь в самодеятельности. «Ну и о чем с этим, явно рогатым, персонажем беседовать? И так все ясно! Как божий день!»

В Малом зале занималась оперная студия. Руководителю студии, заслуженной артистке РСФСР Агнии Исхаковне Енборисовой очень пошли бы тяжелые, с золотой каймой коньячные рюмки на резном дубовом столе под хрустальной люстрой – в тон ее шелковому, кремового оттенка платью. И непременно сотуар – женское украшение в виде удлиненного ожерелья с кулоном. Не будь она такой древней пенсионеркой-старушонкой с неприбранными седыми буклями. И, что особенно поразило Маклакова – бывшая солистка оперного была явно глуховата. На сцене истошно надрывалась пышнотелая в вытянутом свитере певица, тянущая непонятно какую арию из неясно какой оперы, а сидящая всего-то в третьем ряду руководительница, приставив руку к уху, драматично восклицала:

– Милая! Ну где же ваша экспрессия?! В искусстве все должно быть настоящим: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем!

«Как там, в Евангелии от Луки? «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!» Да и кто из нас без греха?»

И еще одно знакомство выпало ему на сегодня. Из спортзала слышались звуки возбужденных голосов. «Странно! В субботу днем в ДЮСШ же нет занятий. Кто это там обосновался, интересно?» За скудно сервированным столом сидели аккомпаниатор и его женуля Натэлла. Одна опорожненная бутылка валялась на полу, полупустая стояла на столешнице в окружении мелко порезанной селедочки с луком и отварной картошкой, и все это – на развернутой газете. Воздев руку, дядя Сережа возбужденно выговаривал пьяно улыбавшейся супруге:

– Да будь я хоть Папой Римским! Ты же мне слово сказать не дашь! Я вон какой лядащий, а ты! Поперек себя шире стала! А посмей я кусок в рот запустить после шести – ты меня с семи грызть начнешь!

Это переполнило чашу терпения директора!

– Что вы здесь устроили. На рабочем месте! Немедленно вон! Чтоб духу вашего!.. А то сегодня же уволю! Мы что, трезвого аккомпаниатора не найдем в миллионном городе?! Распустились!

И услышал вслед голос Натэллы.

– Видал гуся? Глаза как сверла! Такой где пройдет – три года куры не несутся!

ОБКОМ ПРОФСОЮЗА

– О, Господи! Мать Пресвятая Богородица! Спаси и сохрани рабу твою грешную! Век молиться буду! Только пронеси нелегкую мимо чашу сию!

– Вика! Да ты чо? Может, тебе в кабинете образа святых повесить? Что случилось, голубушка? – Гусеву явно стало невесело. Такого он еще не видывал.

– Подначиваешь, ирод?! А вот я погляжу, что запоешь, когда жареный петушок всерьез в причинное место клюнет!

– Да с чего это ему клеваться приспичит? Коли он жареный?

– А с того! Про полувековой юбилей органов юстиции области слышал?

– А то! Это ж хорошо, что законники наш ДК выбрали для празднования. Глядишь, помогут по мелочам – с финансированием, еще чем. У них проблем ни с чем нет ни в одном вопросе.

– Эти помогут. Жди! А вот если что не так пойдет? Знаешь, кто к ним собрался на этот самый юбилей?

– И кто же? Главней самого областного прокурора? Ну приедет кто из Москвы – они же гостями сами заниматься будут. Ну там – поселить на обкомовских дачах, напоить-накормить вдали от мелкого люда. Не наши заботы, матушка. Чего так заколотилась-то?

– Да по мне пусть хоть вся Москва сюда съедется. Мне в горкоме партии намекнули: Сам решил выступить со сцены. Поприветствовать на полную катушку!

– То есть...

– То-то и оно! Ой, что будет! Не приведи Господь, если хоть на йоту в чем-либо оплошаем!

– Вот это новость!

– Именно что... В общем так: протеже твой вроде как ни на чем не прокололся за время своего недолгого директорствования, но помощь ему потребуется недюжинная. Чтоб оставшиеся три дня я тебя здесь не видела! Днюй и ночуй в ДК! Каждый шаг проверяй! И мне регулярно докладывай обстановку. Если не хочешь, чтобы у меня сердце остановилось. Кто тебя, рыжего дурака, терпеть будет заместо меня, коли я копыта откину?! Все. Беги. Первый звонок – через час. Жду радостную весть, что все там бьет и пляшет!

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Маклаков и правда не придал особого значения предстоящему мероприятию. Ну, органы. Ну юстиции! Что с того? Наоборот – у серьезных людей и подход серьезный, не какой-нибудь райпищеторг, где сплошь – заполошные бабы. Деловые мужики – с ними проще. Но на всякий случай пришел на работу пораньше. Его уже ждали.

– Давайте знакомиться! – протянул крепкую руку среднего роста худощавый мужик с острым взглядом. – Розов Борис Игоревич, начальник организационно-финансового отдела областной прокуратуры. Про вас знаю все, можете не представляться.

– К вам по званию обращаться положено?

– Если это так важно – полковник юстиции. А по мне так лучше – просто Борис. Сейчас расскажу, что и как.

Они присели в кабинете директора, и следом влетела заведующая кафе.

– Мужчины, вам чаю, кофею? Может, что покрепче прикажете? Покушать там, то да се...

Розов жестом отослал ее за дверь.

– Пронюхали уже, черти. А то мы сами не разберемся, что нам надо. Мелочи – потом. Вот план проведения мероприятия, с этим, Серафим, сам разберешься. Не впервой, поди. Дом культуры в этот день работает только на нас – кружки, секции, дискотеки, демонстрация кинофильмов и прочее – отменяешь. Уборщицам накажи, чтобы выскоблили все как на Пасху – тут служба протокола все досконально проверит. Не дай Бог соринку в неположенном месте обнаружат!

– Протокола? Это что за орган?

– Так ты не в курсе? Ввожу! Приветствовать нас придет сам первый секретарь обкома, член ЦК КПСС Елин Иван Борисович. Смекаешь? Так что нам с тобой нужно быть на высоте. Мне сказали, что все банкеты проводят у тебя, в этом кабинете?

– Реально больше негде. Здание хоть и раскинулось в общей сложности на пять гектаров без малого, да только когда его строили?

– С такой мебелью, как у тебя, члена ЦК встречать нельзя. Это факт!

– Где я другую возьму? За оставшееся время...

– Не твоя забота. Привезут, разгрузят, установят. Холодильника одного твоего маловато будет, привезут и второй. Все тебе и останется, старое барахло можешь на помойку выкинуть.

– Послужат еще. И мебелишка, и холодильник. У нас ничего не пропадет. Пригодится.

– Твои дела. Решай. А начальству твоему объяснят, куда деньги переводить.

– Так на все время надо. Успеют?

– Инкассо* проведут. Без всяких писем, чековых книжек и прочей мутаты. Держись за грамотных людей. Когда потребуется, у нас все быстро делается. Есть такой банкир – Хряпа Бронислав Семенович. Он с нами плотно сотрудничает.

– Я с ним, вроде, знаком. По случаю пересеклись.

– Тем более. Этот мужик не подводит. Идем дальше. Банкет – посуда, еда, выпивка, сервировка – тоже наша забота. Ты, главное, всегда под рукой будь – чтобы распорядиться там по мелочи, да мало ли что. И в конце мероприятия, не забудь! Это чуть ли не самое главное! Когда Сам после всего отобедает, выйдет из твоего кабинета – ты должен быть тут как тут: если он останется доволен, непременно захочет пожать руку кому-то из хозяев мероприятия. В данном случае – тебе! Смекаешь? Это ж как орден будет! И чтоб руку потом неделю не мыл!

И завертелось! Деловые мужики в добротных костюмах уверенно распоряжались рабочими в комбинезонах, те имели при себе весь набор необходимых инструментов и ремесло свое знали назубок. Что криво висело – выравнивали, что обветшало – на помойку, старые шторы срывались и вешались новые, команда посторонних уборщиц выскабливала, промывала, протирала – в Маклакове все эти люди как бы и вовсе не нуждались. Во всяком случае, ему вопросы никто не задавал. От него потребовалось разве что освобождать ящики, полки... И вот уже ДК блестит как новый рубль, стулья золотистого гарнитура со стенкой светло-бежевого цвета уверенно украсили директорский кабинет, а облагораживание перекинулось за пределы Дома культуры – на прилегающую территорию. Кривые деревья выкорчевывались, на их место спешно высаживались новые, прямоствольные, гранитные ступени главного входа рихтовали до полного блеска... Гусев было сунулся со своим мнением по какой-то мелочи – его без всякого пиетета шуганули – чтоб под ногами не болтался. За день все преобразилось так, будто здание только что построили – осталось только хозяев дождаться и передать им в пользование все это великолепие!

Солидный полный мужчина передал Маклакову папку с документами.

– Завтра к десяти на каждом экземпляре чтоб были по две подписи – ваша и главного бухгалтера. Хотите – проверяйте, ночь длинная!

Серафим решил явиться на работу пораньше – и не прогадал. Розов нарисовался буквально минут через десять – еще и девяти не было.

– Ну что? Отдраили вашу халупу?

– Толку-то?! Плывун не ликвидируешь! Опять все загниет!

– По подвалам твоим никто шариться и не собирался. Задача – чтобы завтра все было в ажуре. А потом можете хоть под землю проваливаться. Теперь – о банкете. Стало быть, с утра начнут завозить все свеженькое. Тебе, главное, об эту пору быть на месте – да вижу, в этом ты сечешь, не опаздываешь к обедне. А то давно пропи...ну бы схлопотал. Так вот – мне потом тебя инструктировать будет некогда. После обеда все, что останется на столе – твое. Никто крошки со стола в баулы сметать не станет – не тот народишко будет сюда допущен. Открытые бутылки – тоже твои. Как все умотают отсель – зови своих дэковских обормотов, пусть сожрут, выпьют, домой утащат детишкам на молочишко – меня это не касается, смета уже закрыта. Закупоренные бутылки мой человечек днем позже приедет, заберет. Можешь по штуке коньяков, рябин там всяких на коньяке, «Боровинок» себе оставить – считать никто не станет. Главное – про руку не забудь. Чтоб пожата была честь по чести! А то с тобой не так разговаривать будут!

– А как я узнаю, что пора перед дверью собственного кабинета нарисоваться? Меня ж внутрь никто не пустит! В щелку подслушивать?

– Не боись – сообщат, кому положено. Тут мальчиков в штатском будет – мама не горюй! Ну все, до завтра! И смотри тут во все шары, чтоб, не дай бог, ничего не изгадили до времени! Башки не сносишь!

Все как бы шло по накатанной, как вдруг... С утра пораньше в день проведения решительным шагом в кабинет Маклакова не вошел, а буквально ворвался высокий, с надменным взглядом человек.

– Это что тут происходит? Вас разве не предупредили? Почему здесь до сих пор стулья?

*Инкассо – посредническая банковская операция по передаче денежных средств от плательщика к получателю через банк с зачислением средств на счет получателя без излишних формальностей.

– Не понял! – директор тоже решил не сдаваться. – По какому праву?..

– Да. Вы же здесь недавно. Недоучел. Заведующий административными органами обкома КПСС Борисоглебский Иван Иванович. А вы, как я полагаю, директор клуба Маклаков?

– Да. Я – Маклаков, и это мой кабинет. Эти стулья, чтоб вы знали, здесь всего ночь переночевали – их вчера вечером завезли. Видели бы, что тут до них было! Все – разномастное, много лет засиженное, подзатертое. В других кабинетах – и того хуже. Чем гарнитур-то не угодил?

– Присядем, – сменил тон Борисоглебский. – Дело не в качестве мебели. Есть традиции. Первый тост на банкете будет говорить, естественно, глава области. Он его всегда произносит стоя. И, понятное дело, стоят все присутствующие. Иван Борисович и потом не вздумает садиться – и все так и останутся стоять как миленькие, никто и не помыслит приземлиться. Ну и зачем при фуршете стоя эти ваши свежезавезеные ... дрова?

– А знаете, что произойдет, если я эти, извините, как вы выразились, дрова выставлю за дверь кабинета? Через минуту их растащат по всему ДК, а мы еще на них даже инвентарные номера нанести не успели. Прикажете приступить прямо сейчас? Чтобы краска не успела высохнуть и перепачкала все областное начальство? Про запах я уже и не говорю! Можете прямо сейчас снимать меня с работы, но на это безобразие я ни за что не соглашусь!

– Н-да... И какой ты видишь выход из положения, директор? И не смотри на меня зверем: у тебя своя служба, у меня – своя. Искать надо компромисс: чтоб и волки сыты, и овцы – целки, извини за солдатский юмор.

– Простой! У меня кабинет – сорок квадратов, стол – посредине накроют. А стулья мы – вдоль стеночек. Никто и не присядет – до стола-то далеко!

Обкомовец малость подумал... потом помотал головой, пожевывая губами, и, наконец, произнес.

– А и хрен с ним! Может, так даже лучше. Вдруг кому от стойки навытяжку похужает – не на пол же его класть, болезного. Так и сделаем! Но – под твою ответственность! Дерзай!

...Уже и торжественное собрание закончилось, и двухметровый лидер области, широко шагая, уверенно вышел из кабинета минут через двадцать после начала банкета – Маклакова вовремя подставили молчаливые люди в штатском с прослушкой в ушах, и Сам с чувством пожал протянутую руку директора, а облегчения Серафим так и не испытал. Что-то тревожило душу – как предчувствовал. Тут еще прапорщик какой-то пулей пролетел в кабинет, таща медицинскую сумку с красным крестом. Вспомнил – фужер. Огромный такой фужерище, который лично передал ему перед самим банкетом Розов.

– Это – для Самого. Смотри, не перепутай!

– Так там этих фужеров...

– Этот – персональный. Поболе других значительно. И будь уверен – он его в одиночку выдует.

– Это ж смертельная доза! Не может такого быть!

– Смотря кому! Если хочешь знать, Сам даже не всегда закусывает. Только под настроение. Да он же недолго будет. Как только уедет – тут-то банкет и начнется. А при нем – ни-ни, только губы мочить будут, и то – аккуратно. С оглядочкой!

Маклаков решил краем глаза заглянуть – как хоть там? Картина была достойна пера разве что Гоголя Николая Васильевича. Талант нужно иметь, чтобы все описать.

Участники фуршета в самых нелепейших позах расположились по периметру кабинета: кто согнувшись в три погибели, кто неловко скособочившись, кто откинувшись навзничь... Генералу прапорщик расстегнул рубаху, массируя сердце, форменный генеральский галстук валялся на полу.

Взгляд сам нашел фужер. Тот был девственно пуст, разве что капельки вровень с краями указывали, что из него только что пили. Рядом лежал слегка надломленный кусок хлеба, тарелка с салатом так и осталась нетронутой...

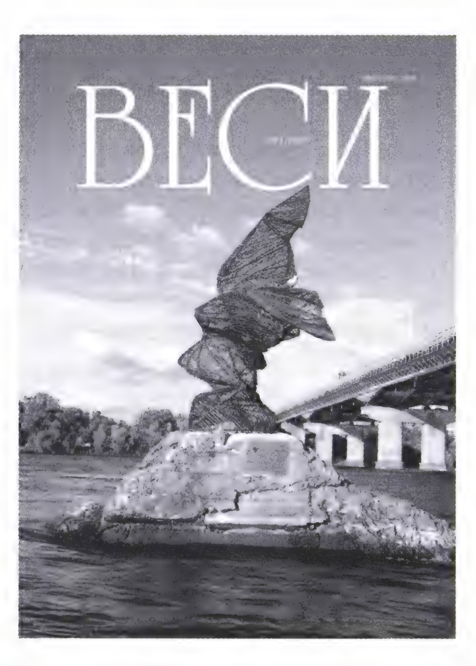
МИРОВОЙ ОКЕАН. ЭПИЛОГ

Штормило. Маклаков привычным движением потер щеки, провел ладонями по векам, чтобы пошире раскрылись. В тусклом свете заката из иллюминатора виднелись обросшие льдом леера*. «Да уж лучше в океане упокоиться, чем... Долго еще на сушу не потянет!»

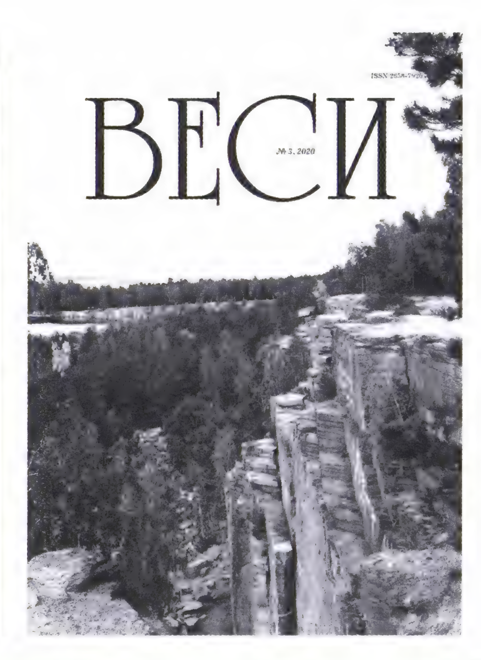
❑

* Леер – (от голланд. Leier) – туго натянутый трос, оба конца которого закреплены на судовых конструкциях).

ВЕСИ 2020

СПЕЦВЫПУСКИ

75 лет Победе в Великой Отечественной войне

Бондаренко А.
Алексей Ботян № 9
Виктор Лягин № 9
Война лентенанта Дроздова № 9
Герои «СМЕРШ» № 10
Фитин № 9
Юные герои Отечества № 7

Нижнетагильский музейзаповедник «Горнозаводской Урал № 8

Беззубец А. Одна из миллионов.
Высоцкая Н. На 669 верстах – 646 препятствий.
Гулякина И. Демидовское книжное наследие.
Коновалова Ю. У истоков Уральской горнозаводской железной дороги.
Осетрова Г. Ферромарганец для танковой брони.
Симонова Д. Кузнецфотограф.
Ставцев Е. Наш академик – дедушка Патон.
Ставцев Е. Шел бродяга по Уралу.
Халяева О. Тагильская платина глазами очевидцев.
Чуднов А. Старательские суеверия.
Шурыгина Н. За здравие, за упокоение.

Публикации

Дневники Владимира Утина № 4

Советский Атомный проект

Кузнецов В.
Использование опыта немецких ученых и специалистов в работах по советскому атомному проекту № 1
Причины размещения объектов атомной промышленности на Урале и особенности заселения поселков при них жителями № 1
Решение урановой проблемы в СССР в годы Великой Отечественной войны № 1
Роль советской разведки в ускорении реализации атомного проекта № 1

Соотечественники

Абхазия № 8

Бройдо А. Тот, который прикрывал.
Венедиктова Н. Абхазия, не очень признанная, но самодостаточная.
Дурова С. Повесть «Софичка» в творчестве Фазиля Искандера: героиня, автор и рассказчик.
Делба В. Джаз.
Кокоскир З. Жив мой очаг.
Корсая С. Из истории абхазского национального театра.
Лакоба С. Рассказы.
Начкебиа Д. Рассказы.
Сарецян А. Сержик, Жан Татлян, Хацони Пап и другие.
Соловьева Ю. Пью горечь тубероз.
Фролова Е. Где нашли золотое руно.

Поэтической строкой

Абхазоу В.
Аламиа Г.
Габелиа Д.
Ключарева Н.
Когониа В.
Лакоба С.
Пачулия Л.
Сарецян А.
Соловьева Ю.
Спафопуло С.
Фролова Е.
Чачхалиа Д.
Читанава А.
Чкадуа Р.

Болгария № 10

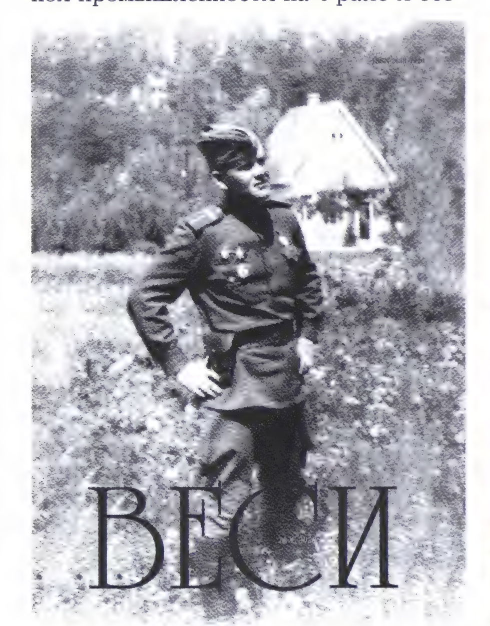
Замятин Н. В каком звании был Лермонтов?
Иванов В. Аэлита
Иванов В. Воспоминания о первых встречах с болгарами и Болгарией
Иванов В. Генерал Скобелев – полководец, Суворову равный
Иванов В. Легенды и были мыса Калиакра
Иванов В. Праздник во Дворе Кириллицы
Иванов В. Святой Влас – благословение веков
Иванов В. Сизокрылая Чайка
Матвеева Н. Рассказы
Самойленко Э. Душа Бургаса
Самсонова И. Былое
Субботина Н. Современность и древность
Толстова Н. Поморие
Умецкий Д. Бургас

Поэтической строкой

Вайнцирль В.
Генчев С.
Георгиева З.
Костов М.
Лагутина А.
Лебедев В.
Митов Д.
Митова Ж.
Недялкова М.
Ненков И.
Стойков П.
Субботина Н.
Сытник М.

Украина № 1

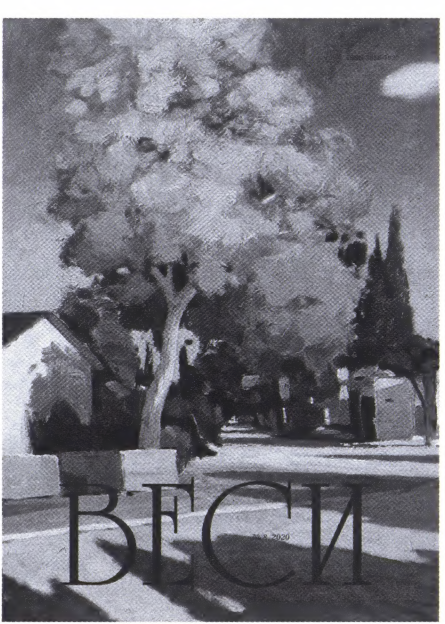
Бондаренко Н. Система мироздания скульптора Алексея Владимирова, или Человек, смотрящий в небо...
Корсунь Д. Алексей Владимиров

ВЕСИ
№ 7, 2020

ВЕСИ

ISSN 2658-7920
ВЕСИ
№ 9, 2020

ник. В графе «Сословие» можно увидеть: мещанин, крестьянин, сын купца, потомственный дворянин и т.д. О национальном составе групп и говорить не приходится. Здесь были представители многих народов, населявших просторы Российской империи. Из нескольких сотен желающих были отобраны самые способные и надежные курсанты. Но следует заметить – благонадежность тоже играла немалую роль. Всем этим критериям отвечала и кандидатура Николая Александровича Антонинова: образован, дисциплинирован, физически здоров, благонадежен и способен к обучению.

Так, в первых числах февраля 1917 года, в числе 24-х представителей Авиационной школы ИВАК, Николай Антонинов прибыл на сборный пункт, который находился в здании Адмиралтейства. В личных архивах многих кадетов Русского авиационного корпуса сохранилась групповая фотография того времени. На ней запечатлены учащиеся авиационной школы в обществе новых друзей и высокопоставленных лиц. Датируется она 10-11 февраля 1917 года.

С большой долей уверенности можно утверждать, что на этом снимке запечатлен и Николай Антонинов. Безусловно, очень сложно на первый взгляд определить, кто же из них наш герой. Но мы все же попытаемся это сделать. И для этого снова нужно будет вернуться к «Антониновскому кладу». В нем, наряду со многими важными для членов этой семьи документами, бережно хранился гимназический альбом Николая. «Жизнь в рисунках» – так, наверное, можно было бы его назвать. Многие молодые люди той эпохи вели дневники, храня в них свои наиболее важные воспоминания и переживания, а также рисунки и памятные записи, сделанные их друзьями и знакомыми. На титульном листе этого альбома расположен карандашный набросок – портрет молодого гимназиста в форменной фуражке и шинели. Под ним нет подписи автора, в отличие от всех остальных рисунков в альбоме, выполненных разными людьми, и можно предположить, что это – автопортрет нашего героя. Это предположение находит свое подтверждение при внимательном рассмотрении группового фото из личного архива семьи Визель (Оскар фон Визель – сын известного художника и действительного члена Императорской Академии Художеств тоже входил в группу курсантов, отправлявшихся в Англию). Во втором ряду, скромно выглядывая из-за голов своих товарищей, стоит молодой солдат, поразительно похожий на гимназиста из старого альбома (к сожалению, других изображений или фотографий Николая Александровича Антонинова история для нас не сохранила).

В начале февраля на сборном пункте полным ходом шла работа по подготовке группы к длительному путешествию. По приказу Увофлота всех поставили на довольствие, снабдили документами, теплым обмундированием. Путь из Петрограда до Романова-на-Мурмане (ныне г. Мурманск) не близкий, да и не легкий. Именно оттуда, опасным морским путем, должны были они отправиться на туманный Альбион. 120 офицеров и нижних чинов обязаны были быть к нему готовыми и, как говориться, во всеоружии. До отъезда в Англию офицеры большое внимание уделили политической стороне вопроса. Давались наставления по правилам поведения в дороге и в «гостях» у «инглизов», как стали называть курсанты будущих гостеприимных хозяев. Лишнего не болтать, в контакты не вступать, не употреблять и за дамами не ухаживать. Учиться прилежно, приказы исполнять! По примеру «французской» группы, офицеры подготовили текст своеобразной присяги для курсантов. Ее принял каждый солдат и офицер, оставив под нею свою личную подпись.

Если ранее в статье уже был освещен вопрос: «Почему именно в Англию или Францию?», то настало время ответить и на другой вопрос, не менее важный: «Зачем»? То, что Россия нуждалась в опытных летчиках и техниках, мы знаем. Но была ли здесь еще какая-нибудь скрытая цель? Да, конечно, была. До отъезда в заграничную командировку Увофлотом был разработан образец «формального договора», подписав который каждый курсант тем самым обязывался по окончании командировки отслужить 2 года в авиационных или воздухоплавательных частях, или учреждениях. По возвращении из-за границы они должны были быть назначены на соответствующие должности, которые намечались для них заблаговременно, «при определении на военную службу, дабы каждый,

Автопортрет Н.А.Антонинова (?)
(Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е.Клера).